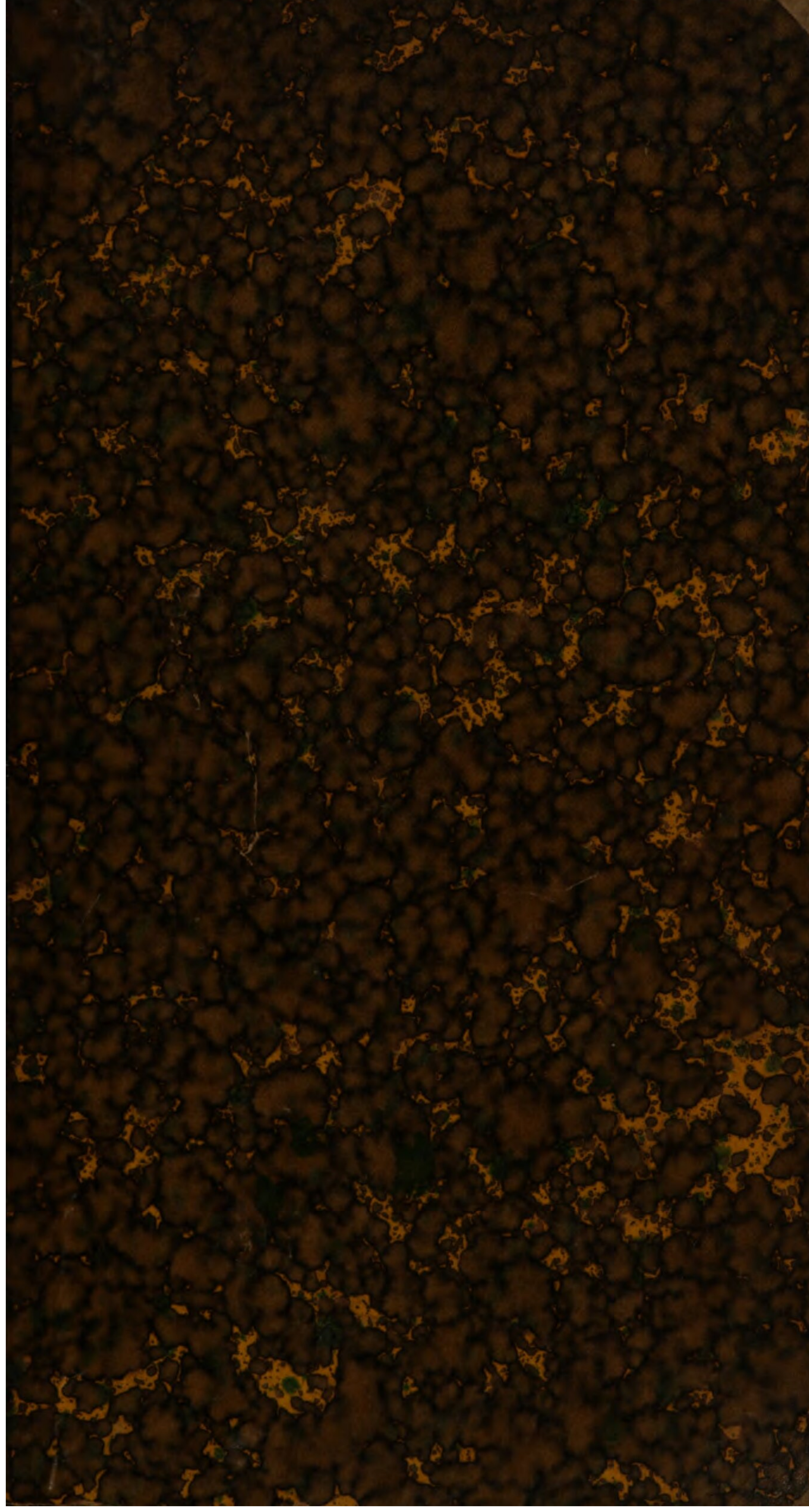

P. o. russ. 128^v

Reserve

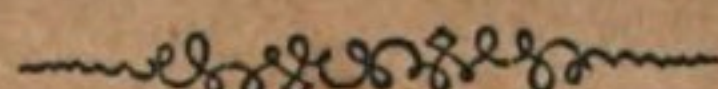
56/54/69

Res.

ДВОРЯНСКОЕ ГНѢЗДО

РОМАНЪ

И. С. ТУРГЕНЕВА.

МОСКВА.

ИЗДАНИЕ КНИГОПРОДАВЦА А. И. ГЛАЗУНОВА.

1859.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный
Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, Августа 17
дня 1859 года.

Ценсоръ А. Драшусовъ.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

ВЪ ТИПОГРАФІИ КАТКОВА И К^о.

F 188/40238

ГЛАВА I.

Весенній, свѣтлый день клонился къ вечеру; небольшія розовыя тучки стояли высоко въ ясномъ небѣ и, казалось, не плыли мимо, а уходили въ самую глубь лазури.

Передъ раскрытымъ окномъ красиваго дома, въ одной изъ крайнихъ улицъ губернскаго города О.... (дѣло происходило въ 1842 году), сидѣли двѣ женщины: одна лѣтъ пятидесяти, другая уже старушка, семидесяти лѣтъ.

Первую изъ нихъ звали Марьей Дмитріевной Калитиной. Ея мужъ, бывшій губернскій прокуроръ, извѣстный въ свое время дѣлецъ, — человѣкъ бойкій и рѣшительный, желчный и упрямый, — умеръ лѣтъ десять тому назадъ. Онъ получилъ изрядное воспитаніе, учился въ университетъ, но, рожденный

въ сословіи бѣдномъ, рано понялъ необходимость проложить себѣ дорогу и набить деньгу. Марья Дмитріевна вышла за него по любви; онъ былъ недурень собою, уменъ и, когда хотѣлъ, очень любезенъ. Марья Дмитріевна (въ дѣвицахъ Пестова) еще въ дѣтствѣ лишилась родителей, провела нѣсколько лѣтъ въ Москвѣ, въ институтѣ и, вернувшись оттуда, жила въ пятидесяти верстахъ отъ О...., въ родовомъ своемъ селѣ Покровскомъ, съ теткой да съ старшимъ братомъ. Братъ этотъ скоро переселился въ Петербургъ на службу и держалъ и сестру и тетку въ черномъ тѣлѣ, пока внезапная смерть не положила предѣла его поприщу. Марья Дмитріевна наслѣдовала Покровское, но не долго жила въ немъ; на второй же годъ послѣ ея свадьбы съ Калитинымъ, который въ нѣсколько дней успѣлъ покорить ея сердце, Покровское было промѣнено на другое имѣніе, гораздо болѣе доходное, но не красивое и безъ усадьбы, — и въ то же время Калитинъ пріобрѣлъ домъ въ городѣ О..., гдѣ и поселился съ женою на постоянное жительство. При домѣ находился большой садъ; одной стороною онъ выходилъ прямо въ поле, за городъ. Стало быть, — рѣшилъ Калитинъ, большой неохотникъ до сельской тишины, — въ деревню таскаться не за чѣмъ. Марья Дмитріевна не разъ въ душѣ пожалѣла о

своемъ хорошенькомъ Покровскомъ съ веселой рѣчкой, широкими лугами и зелеными рощицами; но она ни въ чемъ не прекословила мужу и благоговѣла передъ его умомъ и знаніемъ свѣта. Когда же, послѣ пятнадцатилѣтняго брака, онъ умеръ, оставивъ сына и двухъ дочерей, Марья Дмитріевна уже до того привыкла къ своему дому и къ городской жизни, что сама не захотѣла выѣхать изъ О....

Марья Дмитріевна въ молодости пользовалась репутаціей миленькой блондинки; и въ пятьдесятъ лѣтъ черты ея не были лишены пріятности, хотя немного распухли и сплылись. Она была болѣе чувствительна, нежели добра, и до зрѣлыхъ лѣтъ сохранила институтскія замашки; она избаловала себя, легко раздражалась и даже плакала, когда нарушались ея привычки; за то она была очень ласкова и любезна, когда всѣ ея желанія исполнялись и никто ей не прекословилъ. Домъ ея принадлежалъ къ числу пріятнѣйшихъ въ городѣ. Состояніе у ней было весьма хорошее, не столько наслѣдственное, сколько благопріобрѣтенное мужемъ. Обѣ дочери жили съ нею; сынъ воспитывался въ одномъ изъ лучшихъ казенныхъ заведеній въ Петербургѣ.

Старушка, сидѣвшая съ Марьей Дмитріевной подъ окошкомъ, была та самая тетка, сестра ея отца, съ которою она провела нѣкогда нѣсколько уединенныхъ

лѣтъ въ Покровскомъ. Звали ее Марѳой Тимофеевной Пестовой. Она слыла чудачкой, нравъ имѣла независимый, говорила всѣмъ правду въ глаза и при самыхъ скудныхъ средствахъ держалась такъ, какъ будто за ней водились тысячи. Она терпѣть не могла покойнаго Калитина, и какъ только ея племянница вышла за него за-мужъ, удалилась въ свою деревушку, гдѣ прожила цѣлыхъ десять лѣтъ у мужика въ курной избѣ. Марья Дмитріевна ея побаивалась. Черноволосая и быстроглазая даже въ старости, маленькая, востроносая, Марѳа Тимофеевна ходила живо, держалась прямо и говорила скоро и внятно, тонкимъ и звучнымъ голоскомъ. Она постоянно носила бѣлый чепецъ и бѣлую кофту.

— О чемъ ты это? спросила, она вдругъ Марью Дмитріевну. О чемъ вздыхаешь, мать моя?

— Такъ! промолвила та. — Какія чудесныя облака!

— Такъ тебѣ ихъ жалко, что ли?

Марья Дмитріевна ничего не отвѣчала.

— Чтò это Гедеоновскій нейдетъ? проговорила Марѳа Тимофеевна, проворно шевеля спицами. (Она вязала большой шерстяной шарфъ). Онъ бы повздыхалъ вмѣстѣ съ тобою, — не то, совралъ бы что-нибудь.

— Какъ вы всегда строго о немъ отзываетесь! Сергѣй Петровичъ — почтенный человѣкъ.

— Почтенный! повторила съ укоризной старушка.

— И какъ онъ покойному мужу былъ преданъ! проговорила Марья Дмитріевна: — до сихъ поръ вспомнить о немъ равнодушно не можетъ.

— Еще бы! тотъ его за уши изъ грязи вытащилъ, проворчала Марѳа Тимофеевна, и спицы еще быстрѣе заходили въ ея рукахъ.

— Глядитъ такимъ смиренникомъ, начала она снова, — голова вся сѣдая, а что ротъ раскроетъ, то солжетъ или насплетничаетъ. А еще статскій совѣтникъ! Ну, и то сказать: поповичъ!

— Кто же безъ грѣха, тетушка? Эта слабость въ немъ есть, конечно. Сергѣй Петровичъ воспитанія, конечно, не получилъ, по-французски не говоритъ; но онъ, воля ваша, пріятный человѣкъ.

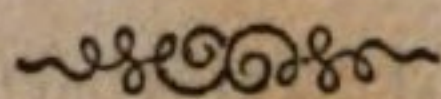
— Да, онъ ручки у тебя все лижетъ. По-французски не говоритъ, — эка бѣда! Я сама не сильна во французскомъ «діалектѣ». Лучше бы онъ ни покаковски не говорилъ: не лгалъ бы. Да вотъ онъ, кстати, легокъ на поминѣ, прибавила Марѳа Тимофеевна, глянувъ на улицу. — Вонъ онъ шагаетъ, твой пріятный человѣкъ. Экой длинный, словно аистъ!

Марья Дмитріевна поправила свои локоны. Марѳа Тимофеевна съ усмѣшкой посмотрѣла на нее.

— Что это у тебя, никакъ сѣдой волосъ, мать моя? Ты побрани свою Палашку. Чего она смотритъ?

— Ужь вы, тетушка, всегда.... пробормотала съ досадой Марья Дмитріевна и застучала пальцами по ручкѣ кресель.

— Сергѣй Петровичъ Гедеоновскій! пропищаль краснощекій козачокъ, выскочивъ изъ-за двери.

ГЛАВА II.

Вошелъ человѣкъ высокаго роста, въ опрятномъ сюртукѣ, коротенькихъ панталонахъ, сѣрыхъ замшевыхъ перчаткахъ и двухъ галстукахъ — одномъ черномъ сверху, другомъ бѣломъ снизу. Все въ немъ дышало приличіемъ и пристойностью, начиная съ благообразнаго лица и гладко причесанныхъ висковъ до сапоговъ безъ каблучковъ и безъ скрипу. Онъ поклонился сперва хозяйкѣ дома потомъ Марфѣ Тимофеевнѣ и, медленно стащивъ перчатки, подошелъ къ ручкѣ Марьи Дмитріевны. Поцѣловавъ ее почтительно и два раза сряду, онъ сѣлъ не торопясь на кресла и съ улыбкой, потирая самые кончики пальцевъ, проговорилъ:

— А Елизавета Михайловна здоровы?

— Да, отвѣчала Марья Дмитріевна, — она въ саду.

— И Елена Михайловна?

— Леночка въ саду тоже. — Нѣтъ ли чего новенькаго?

— Какъ не быть-съ, какъ не быть-съ, возразилъ гость, медленно моргая и вытягивая губы. Гмъ!... да вотъ, пожалуйста, есть новость, и преудивительная: Лаврецкій Ѳедоръ Ивановичъ пріѣхалъ.

— Ѳедя! воскликнула Марфа Тимофеевна. — Да ты, полно, не сочиняешь ли, отецъ мой?

— Никакъ нѣтъ-съ, я ихъ самолично видѣлъ.

— Ну, это еще не доказательство.

— Очень поздоровѣли, продолжалъ Гедеоновскій, показывая видъ, будто не слышалъ замѣчанія Марфы Тимофеевны. — Въ плечахъ еще шире стали, и румянецъ во всю щеку.

— Поздоровѣлъ, произнесла съ разстановкой Марья Дмитриевна; — кажется, съ чего бы ему здоровѣть?

— Да-съ; возразилъ Гедеоновскій, — другой, на его мѣстѣ и въ свѣтъ-то показаться посовѣстился бы.

— Это отчего? перебила Марфа Тимофеевна? это что за вздоръ? человѣкъ возвратился на родину — куда жь ему дѣться прикажете? И благо онъ въ чемъ виноватъ былъ!

— Мужъ всегда виноватъ, сударыня, осмѣлюсь вамъ доложить, когда жена нехорошо ведетъ себя.

— Это ты, батюшка, оттого говоришь, что самъ женатъ не былъ. — Гедеоновскій принужденно улыбнулся.

— Позвольте полюбопытствовать, спросилъ онъ послѣ небольшого молчанія, — кому назначается этотъ миленькій шарфъ?

Марѳа Тимофеевна быстро взглянула на него.

— А тому онъ назначается, возразила она, — кто никогда не сплетничаетъ, не хитритъ и не сочиняетъ, если только есть на свѣтѣ такой человѣкъ. Оедю я знаю хорошо; онъ только тѣмъ и виновать, что ба-ловаль жену. Ну да и женился онъ по любви, а изъ этихъ изъ любовныхъ свадебъ ничего путнаго никогда не выходитъ, прибавила старушка, косвенно взглянувъ на Марью Дмитріевну и вставая. — А ты теперь, мой батюшка, на комъ угодно зубки точи, — хоть на мнѣ; я уйду, мѣшать не буду. — И Марѳа Тимофеевна удалилась.

— Вотъ она всегда такъ, проговорила Марья Дмитріевна, проводивъ свою тетку глазами, — всегда!

— Лѣта ихнія! Чтò дѣлать-съ! замѣтилъ Гедеоновскій. — Вотъ онѣ изволятъ говорить: кто не хитритъ. Да кто нонеча не хитритъ? — вѣкъ ужъ такой. — Одинъ мой пріятель, препочтенный, и, доложу вамъ, не малаго чина человѣкъ, говаривалъ: что нонеча, молъ, курица — и та съ хитростью къ зерну прибли-

жается—всё норовить, какъ бы съ боку подойти.—
А какъ погляжу я на васъ, моя барыня: нравъ то у
васъ истинно ангельскій; пожалуйста-ка мнѣ вашу
бѣлоснѣжную ручку.

Марья Дмитріевна слабо улыбнулась и протянула
Гедеоновскому свою пухлую руку съ отдѣленнымъ
пятымъ пальчикомъ. Онъ приложился къ ней губами,
а она пододвинула къ нему свое кресло и, слегка на-
гнувшись, спросила въ полголоса:

— Такъ видѣли вы его? Въ самомъ дѣлѣ онъ — ни-
чего, здоровъ, веселъ?

— Веселъ-съ, ничего-съ, возразилъ Гедеоновскій
шепотомъ.

— А не слыхали вы, гдѣ его жена теперь?

— Въ послѣднее время въ Парижѣ была-съ; те-
перь, слышно, въ итальянское государство пересе-
лилась.

— Это ужасно, право, — Оедино положеніе; я не
знаю, какъ онъ переносить. Случаются, точно, не-
счастья со всякимъ; но вѣдь его, можно сказать, на
всю Европу распубликовали.

Гедеоновскій вздохнулъ.

— Да-съ, да-съ. — Вѣдь она, говорятъ, и съ арти-
стами, и съ пѣнистами, и, какъ тамъ по ихнему, со
львами да со звѣрями знакомство вела. Стыдъ поте-
ряла совершенно.

— Очень, очень жалко, проговорила Марья Дмитриевна, по родственному. Вѣдь онъ мнѣ, Сергѣй Петровичъ, вы знаете, внучатный племянникъ.

— Какъ же-съ, какъ же-съ. Какъ мнѣ не знать-съ всего, что до вашего семейства относится? — Помилуйте-съ.

— Придетъ онъ къ намъ, — какъ вы думаете?

— Должно полагать-съ; а впрочемъ они, слышно, къ себѣ въ деревню собираются.

Марья Дмитриевна подняла глаза къ небу.

— Ахъ Сергѣй Петровичъ, Сергѣй Петровичъ, какъ я подумаю, какъ намъ женщинамъ нужно осторожно вести себя!

— Женщина женщинѣ розь, Марья Дмитриевна. Есть, къ несчастью, такія, — нрава непостояннаго... ну и лѣта; опять правила не внушены сызмала. Сергѣй Петровичъ досталъ изъ кармана клѣтчатый синій платокъ и началъ его развертывать. — Такія женщины, конечно, бываютъ. — Сергѣй Петровичъ поднесъ уголъ платка поочередно къ своимъ глазамъ. — Но вообще говоря, если разсудить, то-есть.... Пыль въ городѣ необыкновенная, заключилъ онъ.

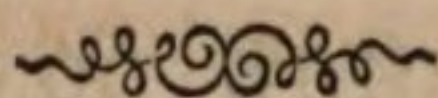
— *Матап, татап*, вскричала, вбѣгая въ комнату, смазливая дѣвочка лѣтъ одиннадцати, — къ намъ Владиміръ Николаичъ верхомъ ѣдетъ!

Марья Дмитриевна встала; Сергѣй Петровичъ тоже

всталъ и поклонился.—Еленѣ Михайловнѣ наше нижайшее, проговорилъ онъ и, отойдя въ уголокъ для приличія, принялся сморкать свой длинный и правильный носъ.

— Какая у него чудесная лошадь! продолжала дѣвочка.—Онъ сейчасъ былъ у калитки и сказалъ намъ съ Лизой, что къ крыльцу подъѣдетъ.

Послышался топотъ копытъ, и стройный всадникъ на красивомъ гнѣдомъ конѣ показался на улицѣ и остановился передъ раскрытымъ окномъ.

ГЛАВА III.

— Здравствуйте, Марья Дмитриевна! воскликнулъ звучнымъ и пріятнымъ голосомъ всадникъ. — Какъ вамъ нравится моя новая покупка?

Марья Дмитриевна подошла къ окну.

— Здравствуйте, *Woldemar!* Ахъ, какая славная лошадь! У кого вы ее купили?

— У ремонтера.... Дорого взялъ, разбойникъ.

— Какъ ее зовутъ?

— Орландомъ.... Да это имя глупо; я хочу переименить.... *Eh bien, eh bien, mon garçon....* Какой неугомонный!

Конь фыркалъ, переступалъ ногами и махалъ опѣненной мордой.

— Леночка, погладьте ее, не бойтесь....

Дѣвочка протянула изъ окна руку, но Орландъ

вдругъ взвился на дыбы и бросился въ сторону. Всадникъ не потерялся, взялъ коня въ шенкеля, вытянулъ его хлыстомъ по шеѣ и, не смотря на его сопротивление, поставилъ его опять передъ окномъ.

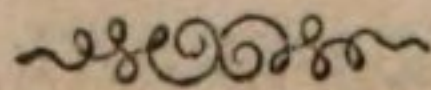
— *Prenez garde, prenez garde*, твердила Марья Дмитріевна.

— Леночка, поласкайте его, возразилъ всадникъ; я не позволю ему вольничать.

Дѣвочка опять протянула руку и робко коснулась трепетавшихъ ноздрей Орланда, который безпрестанно вздрагивалъ и грызъ удила.

— Bravo! воскликнула Марья Дмитріевна; а теперь слѣзьте и придите къ намъ.

Всадникъ лихо повернулъ коня, далъ ему шпоры и, проскакавъ короткимъ галопомъ по улицѣ, въѣхалъ на дворъ. Минуту спустя, онъ вбѣжалъ, помахивая хлыстомъ, изъ двери передней въ гостинную; въ то же время на порогъ другой двери показалась стройная, высокая, черноволосая дѣвушка лѣтъ девятнадцати, — старшая дочь Марьи Дмитріевны, Лиза.

ГЛАВА IV.

Молодой человекъ, съ которымъ мы только-что познакомили читателей, прозывался Владиміромъ Николаичемъ Паншинымъ. Онъ служилъ въ Петербургѣ чиновникомъ по особымъ порученіямъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Въ городъ О... онъ пріѣхалъ для исполненія временнаго казеннаго порученія и состоялъ въ распоряженіи губернатора, генерала Зонненберга, которому доводился дальнимъ родственникомъ. Отецъ Паншина, отставной штабъ-ротмистръ, извѣстный игрокъ, человекъ съ сладкими глазами, помятымъ лицомъ и нервической дерготней въ губахъ, весь свой вѣкъ терся между знатью, посѣщалъ англійскіе клубы обѣихъ столицъ и слылъ за ловкаго, не очень надежнаго, но милаго и задушевнаго малаго. Несмотря на всю свою

ловкость, онъ находился почти постоянно на самомъ рубежѣ нищеты и оставилъ своему единственному сыну состояніе небольшое и разстроенное. Зато онъ, по-своему, позаботился объ его воспитаніи. Владиміръ Николаичъ говорилъ по-французски прекрасно, по-англійски хорошо, по-нѣмецки дурно. Такъ оно и слѣдуетъ: порядочнымъ людямъ стыдно говорить хорошо по-нѣмецки; но пускать въ ходъ германское слово въ нѣкоторыхъ, большею частью забавныхъ, случаяхъ — можно; *c'est même très chic*, какъ выражаются петербургскіе парижане. Владиміръ Николаичъ съ пятнадцатилѣтняго возраста уже умѣлъ не смущаясь войти въ любую гостиную, пріятно повертѣться въ ней и кста-ти удалиться. Отецъ Паншина доставилъ сыну своему много связей; тасуя карты между двумя робберами или послѣ удачнаго «большаго шлема», онъ не пропускалъ случая запустить словечко о своемъ «Володькѣ» какому-нибудь важному лицу, охотнику до коммерческихъ игръ. Съ своей стороны Владиміръ Николаичъ во время пребыванія въ университетѣ, откуда онъ вышелъ съ чиномъ дѣйствительнаго студента, познакомился съ нѣкоторыми знатными молодыми людьми и сталъ вхожъ въ лучшіе дома. Его вездѣ охотно принимали; онъ былъ очень недурень собою, развязень, забавень, всегда здоровъ и

на все готовъ; гдѣ нужно — почтителенъ, гдѣ можно — дерзокъ, отличный товарищъ, *un charmant garçon*: завѣтная область раскрылась передъ нимъ. Паншинъ скоро понялъ тайну свѣтской науки; онъ умѣлъ проникнуться дѣйствительнымъ уваженіемъ къ ея уставамъ, умѣлъ съ полунасмѣшливой важностью заниматься вздоромъ и показать видъ, что почитаетъ все важное за вздоръ, — танцевалъ отлично, одѣвался по англійски. Въ короткое время онъ прослылъ однимъ изъ самыхъ любезныхъ и ловкихъ молодыхъ людей въ Петербургѣ. Паншинъ былъ дѣйствительно очень ловокъ, — не хуже отца; но онъ былъ также очень даровитъ. Все ему далось: онъ мило пѣлъ, бойко рисовалъ, писалъ стихи, весьма недурно игралъ на сценѣ. Ему всего пошелъ двадцать-восьмой годъ, а онъ былъ уже камеръ-юнкеромъ и чинъ имѣлъ весьма изрядный. Паншинъ твердо вѣрилъ въ себя, въ свой умъ, въ свою проницательность; онъ шелъ впередъ смѣло и весело, полнымъ махомъ; жизнь его текла какъ по маслу. Онъ привыкъ нравиться всѣмъ, старому и малому, и воображалъ, что знаетъ людей, особенно женщинъ: онъ хорошо зналъ ихъ обыденныя слабости. Какъ человѣкъ не чуждый художеству, онъ чувствовалъ въ себѣ и жаръ, и нѣкоторое увлеченіе, и восторженность, и вслѣдствіе это-

го позволялъ себѣ разныя отступленія отъ правилъ: кутилъ, знакомился съ лицами, непринадлежавшими къ свѣту, и вообще держался вольно и просто; но въ душѣ онъ былъ холоденъ и хитръ, и во время самаго буйнаго кутежа, его умный карій глазокъ все караулилъ и высматривалъ; этотъ смѣлый, этотъ свободный юноша никогда не могъ забыться и увлечься вполнѣ. Къ чести его должно сказать, что онъ никогда не хвастался своими побѣдами. Въ домъ Марьи Дмитріевны онъ попалъ тотчасъ по пріѣздѣ въ О. . . . и скоро освоился въ немъ совершенно. Марья Дмитріевна въ немъ души не чаяла.

Паншинъ любезно раскланялся со всѣми находившимися въ комнатѣ, пожалъ руку у Марьи Дмитріевны и у Лизаветы Михайловны, слегка потрепалъ Гedeоновскаго по плечу и, повернувшись на каблукахъ, поймалъ Леночку за голову и поцѣловалъ ее въ лобъ.

— И вы не боитесь ѣздить на такой злой лошади? спросила его Марья Дмитріевна.

— Помилуйте, она пресмирная; а вотъ, я доложу вамъ, чего я боюсь: я боюсь играть въ преферансъ съ Сергѣемъ Петровичемъ; вчера у Бѣленицыныхъ онъ обыгралъ меня въ пухъ.

Гedeоновскій засмѣялся тоненькимъ и подобо-

страстнымъ смѣхомъ: онъ заискивалъ въ молодомъ блестящемъ чиновникѣ изъ Петербурга, губернаторскомъ любимцѣ. Въ разговорахъ своихъ съ Марьей Дмитріевной онъ часто упоминалъ о замѣчательныхъ способностяхъ Паншина. Вѣдь вотъ, разсуждалъ онъ, какъ не похвалить? И въ высшей сферѣ жизни успѣваетъ молодой человѣкъ, и служить примѣрно, и гордости ни малѣйшей. Впрочемъ Паншина и въ Петербургѣ считали дѣльнымъ чиновникомъ: работа кипѣла у него въ рукахъ; онъ говорилъ о ней шутя, какъ оно и слѣдуетъ свѣтскому человѣку, не придающему особеннаго значенія своимъ трудамъ, но былъ «исполнитель». Начальники любятъ такихъ подчиненныхъ; самъ онъ не сомнѣвался въ томъ, что, если захочетъ, будетъ со временемъ министромъ.

— Вы изволите говорить, что я обыгралъ васъ, промолвилъ Гедеоновскій: — а на прошлой недѣлѣ кто у меня выигралъ двѣнадцать рублей? да еще....

— Злодѣй, злодѣй, перебилъ его Паншинъ съ ласковой, по чуть-чуть призраительной небрежностью и, не обращая болѣе на него вниманія, подошелъ къ Лизѣ.

— Я не могъ найти здѣсь увертюру Оберона, началъ онъ. — Бѣленицына только хвасталась, что у ней вся классическая музыка, — на дѣлѣ у ней кромѣ

полекъ и вальсовъ ничего нѣтъ; но я уже написалъ въ Москву и черезъ недѣлю вы будете имѣть эту увертюру. Кстати, продолжалъ онъ, я написалъ вчера новый романсъ; слова тоже мои. Хотите, я вамъ спою? Не знаю, что изъ этого вышло; Бѣленицына нашла его премиленькимъ, но ея слова ничего не значать,—я желаю знать ваше мнѣніе. Впрочемъ, я думаю, лучше послѣ.

— Зачѣмъ же послѣ? вмѣшалась Марья Дмитриевна, — отчего же не теперь?

— Слушаю-съ, промолвилъ Паншинъ съ какой-то свѣтлой и сладкой улыбкой, которая у него и появлялась и пропадала вдругъ, — пододвинулъ коленкомъ стулъ, сѣлъ за фортепьяно и, взявши нѣсколько аккордовъ, запѣлъ, четко отдѣляя слова, слѣдующій романсъ:

Луна плыветъ высоко надъ землею
Межъ блѣдныхъ тучъ;
Но движетъ съ вышины волной морскою
Волшебный лучъ.

Моей души тебя признало море
Своей луной.

И движется, — и въ радости, и въ горѣ, —
Тобой одной.

Тоской любви, тоской нѣмыхъ стремленій.

Душа полна:

Мнѣ тяжело. . . . Но ты чужда смятеній,

Какъ та луна.

Второй куплетъ былъ спѣтъ Паншинымъ съ особеннымъ выраженіемъ и силой; въ бурномъ аккомпаниментѣ слышались переливы волнъ. Послѣ словъ: мнѣ тяжело. . . . онъ вздохнулъ слегка, опустилъ глаза и понизилъ голосъ—*morendo*. Когда онъ кончилъ, Лиза похвалила мотивъ, Марья Дмитріевна сказала: прелестно, —а Гедеоновскій даже крикнулъ: восхитительно! и поэзія, и гармонія одинаково восхитительны! . . . Леночка съ дѣтскимъ благоговѣніемъ посмотрѣла на пѣвца. Словомъ, всѣмъ присутствовавшимъ очень понравилось произведеніе молодого дилетанта; но за дверью гостиной въ передней стоялъ только-что пришедшій, уже старый человѣкъ, которому, судя по выраженію его потупленного лица и движеніямъ плечей, романсъ Паншина, хотя и премиленькій, не доставилъ удовольствія. Подождавъ немного и смахнувъ пыль съ сапоговъ толстымъ носовымъ платкомъ, человѣкъ этотъ внезапно съежилъ глаза, угрюмо сжалъ губы, согнулъ свою, и безъ того сутулую, спину и медленно вошелъ въ гостиную.

— А! Христофоръ Ѳедорычъ, здравствуйте! во-

скликнулъ прежде всѣхъ Паншинъ и быстро вскочилъ со стула. — Я и не подозрѣвалъ, что вы здѣсь, — я бы при васъ ни за что не рѣшился спѣть свой романсъ. Я знаю, вы не охотникъ до легкой музыки.

— Я не слушай, произнесъ дурнымъ русскимъ языкомъ вошедшій человѣкъ и, раскланявшись со всѣми, неловко остановился посреди комнаты.

— Вы, мосье Леммъ, сказала Марья Дмитріевна, — пришли дать урокъ музыки Лизѣ?

— Нѣтъ, не Лисафетъ Михайловнѣ, а Еленѣ Михайловнѣ.

— А! Ну чтожь — прекрасно. Леночка, ступай навѣрхъ съ г-мъ Леммомъ.

Старикъ пошелъ было вслѣдъ за дѣвочкой; но Паншинъ остановилъ его.

— Не уходите послѣ урока, Христофоръ Феодорычъ, сказалъ онъ, — мы съ Лизаветой Михайловной сыграемъ бетговенскую сонату въ четыре руки.

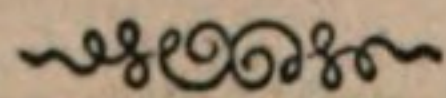
Старикъ проворчалъ себѣ что-то подъ носъ, а Паншинъ продолжалъ по-нѣмецки, плохо выговаривая слова:

— Мнѣ Лизавета Михайловна показала духовную кантату, которую вы ей поднесли, — прекрасная вещь! Вы пожалуйста не думайте, что я не умѣю

цѣнить серьезную музыку, — напротивъ: она иногда скучна, но за то очень полезна.

Старикъ покраснѣлъ до ушей, бросилъ косвенный взглядъ на Лизу и торопливо вышелъ изъ комнаты.

Марья Дмитріевна попросила Паншина повторить романсъ; но онъ объявилъ, что не желаетъ оскорблять ушей ученаго нѣмца, и предложилъ Лизѣ заняться бетгоуеновской сонатой. Тогда Марья Дмитріевна вздохнула и съ своей стороны предложила Гедеоновскому пройтись съ ней по саду. — Мнѣ хочется, сказала она, — еще поговорить и посоветоваться съ вами о бѣдномъ нашемъ Федѣ. — Гедеоновскій осклабился, поклонился, взялъ двумя пальцами свою шляпу съ аккуратно положенными на одномъ изъ ея полей перчатками и удалился вмѣстѣ съ Марьей Дмитріевной. Въ комнатѣ остались Паншинъ и Лиза; она достала и раскрыла сонату; оба молча сѣли за фортепьяно. — Съ верху доносились слабые звуки гаммъ, разыгрываемыхъ невѣрными пальчиками Леночки.

ГЛАВА V.

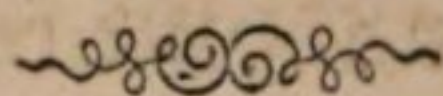
Христофоръ Теодоръ Готлибъ Леммъ родился въ 1786 году, въ королевствѣ Саксонскомъ, въ городѣ Хемницѣ отъ бѣдныхъ музыкантовъ. Отецъ его игралъ на волторнѣ, мать на арфѣ; самъ онъ уже по пятому году упражнялся на трехъ различныхъ инструментахъ. — Восьми лѣтъ онъ осиротѣлъ, а съ десяти началъ зарабатывать себѣ кусокъ хлѣба своимъ искусствомъ. Онъ долго велъ бродячую жизнь, игралъ вездѣ—и въ трактирахъ, и на ярмаркахъ, и на крестьянскихъ свадьбахъ, и на балахъ; наконецъ попалъ въ оркестръ и, подвигаясь всё выше и выше, достигъ дирижерскаго мѣста. Исполнитель онъ былъ довольно плохой; но музыку зналъ основательно. На двадцать-восьмомъ году переселился онъ въ Россію. Его выписалъ большой баринъ, который самъ

терпѣть не могъ музыки, но держалъ оркестръ изъ чванства. Леммъ прожилъ у него лѣтъ семь въ качествѣ капельмейстера и отошелъ отъ него съ пустыми руками: баринъ разорился, хотѣлъ дать ему на себя вексель, но въ послѣдствіи отказалъ ему и въ этомъ, — словомъ, не заплатилъ ему ни копѣйки. — Ему совѣтовали уѣхать; но онъ не хотѣлъ вернуться домой нищимъ изъ Россіи, изъ великой Россіи, этого золотого дна артистовъ; онъ рѣшился остаться и испытать свое счастье. Въ теченіи двадцати лѣтъ бѣдный нѣмецъ пыталъ свое счастье: побывалъ у различныхъ господъ, жилъ и въ Москвѣ, и въ губернскихъ городахъ, терпѣлъ и сносилъ многое, узналъ нищету, бился какъ рыба объ лѣдъ; но мысль о возвращеніи на родину не покидала его среди всѣхъ бѣдствій, которымъ онъ подвергался; она только одна его и поддерживала. Судьбѣ однако не было угодно порадовать его этимъ послѣднимъ и первымъ счастьемъ: 50-ти лѣтъ, больной, до времени одряхлѣвшій, застрѣлъ онъ въ городѣ О, и остался въ немъ навсегда, уже окончательно потерявъ всякую надежду покинуть ненавистную ему Россію и кое-какъ поддерживая уроками свое скудное существованіе. Наружность Лемма не располагала въ его пользу. Онъ былъ небольшого роста, сутуловатъ: съ криво-выдавшимися лопатками

и втянутымъ животомъ, съ большими плоскими ступнями, съ блѣдно-синими ногтями на твердыхъ, неразгибавшихся пальцахъ жилистыхъ красныхъ рукъ; лицо имѣлъ морщинистое, впалыя щеки и сжатые губы, которыми онъ безпрестанно двигалъ и жевалъ, что при его обычной молчаливости производило впечатлѣніе почти зловѣщее; сѣдые его волосы висѣли клочьями надъ невысокимъ лбомъ; какъ только что залитые угольки глухо тѣли его крошечные, неподвижные глазки; ступалъ онъ тяжело, на каждомъ шагу перекидывая все свое неповоротливое тѣло. Иныя его движенія напоминали неуклюжее охорашиваніе совы въ клѣткѣ, когда она чувствуетъ что на нее глядятъ, а сама едва видитъ своими огромными, желтыми, пугливо и дремотно моргающими глазами. — Застарѣлое, неумолимое горе положило на бѣднаго музыкуса свою неизгладимую печать, искривило и обезобразило его и безъ того невзрачную фигуру; но для того, кто умѣлъ не останавливаться на первыхъ впечатлѣніяхъ, что-то доброе, честное, что-то необыкновенное виднѣлось въ этомъ полу-разрушенномъ существѣ. Поклонникъ Баха и Генделя, знатокъ своего дѣла, одаренный живымъ воображеніемъ и той смѣлостью мысли, которая доступна одному германскому племени, Леммъ со временемъ — кто знаетъ? —

сталъ бы въ ряду великихъ композиторовъ своей родины, еслибъ жизнь иначе его повела; — но не подъ счастливой звѣздой онъ родился! Онъ много написалъ на своемъ вѣку — и ему не удалось увидѣть ни одного своего произведенія изданнымъ: не умѣлъ онъ приняться за дѣло, какъ слѣдовало, поклониться кстати, похлопотать во время. Какъ-то, давнымъ-давно тому назадъ, одинъ его поклонникъ и другъ, тоже нѣмецъ и тоже бѣдный, издалъ на свой счетъ двѣ его сонаты, — да и тѣ остались цѣликомъ въ подвалахъ музыкальныхъ магазиновъ; глухо и безслѣдно провалились онѣ, словно ихъ ночью кто въ рѣку бросилъ. — Леммъ наконецъ махнулъ рукой на все; притомъ и годы брали свое; онъ зачерствѣлъ, одеревенѣлъ, какъ пальцы его одеревенѣли. Одинъ съ старой кухаркой, взятой имъ изъ богадѣльни, (онъ никогда женатъ не былъ) проживалъ онъ въ О. въ небольшомъ домишкѣ, недалеко отъ Калитинскаго дома; много гулялъ, читалъ библію, да собраніе протестантскихъ псалмовъ, да Шекспира въ шлегелевскомъ переводѣ. Онъ давно ничего не сочинялъ; но видно Лиза, лучшая его ученица, умѣла его расшевелить; онъ написалъ для нея кантату, о которой упомянулъ Паншинъ. Слова этой кантаты были имъ заимствованы изъ собранія псалмовъ; нѣкоторые стихи онъ самъ присочинилъ.

Ее пѣли два хора, — хоръ счастливыхъ и хоръ несчастливцевъ; оба они къ концу примирались и пѣли вмѣстѣ: «Боже милостивый, помилуй насъ грѣшныхъ «и отжени отъ насъ всякія лукавыя мысли и земныя надежды». — На заглавномъ листѣ, весьма тщательно написанномъ и даже разрисованномъ, стояло: «Только праведные правы. — Духовная кантата. Сочинена и посвящена дѣвицѣ Елизаветѣ Калитиной, моей любезной ученицѣ, ея учителемъ, Х. Т. Г. Леммомъ». Слова: «только праведные правы» и «Елизаветѣ Калитиной» были окружены лучами. Внизу было приписано: «Для васъ однихъ *Für Sie allein*». — Оттого-то Леммъ и покраснѣлъ и взглянулъ искоса на Лизу; ему стало очень больно, когда Паншинъ заговорилъ при немъ, объ его кантатѣ.

ГЛАВА VI.

—

Паншинъ громко и рѣшительно взялъ первые аккорды сонаты (онъ игралъ вторую руку), — но Лиза не начинала своей партіи. Онъ остановился и посмотрѣлъ на нее. — Глаза Лизы, прямо на него устремленные, выражали неудовольствіе; губы ея не улыбались, все лицо было строго, почти печально.

— Что съ вами? — спросилъ онъ.

— Зачѣмъ вы не сдержали своего слова? сказала она. — Я вамъ показала кантату Христофора Теодорыча подъ тѣмъ условіемъ, чтобъ вы не говорили ему о ней.

— Виноватъ, Лизавета Михайловна, — къ слову пришлось.

— Вы его огорчили — и меня тоже. Теперь онъ и мнѣ довѣрять не будетъ.

— Что прикажете дѣлать, Лизавета Михайловна! Отъ молодыхъ ногтей не могу видѣть равнодушно нѣмца; такъ и подмываетъ меня его подразнить.

— Чтѣ вы это говорите, Владимиръ Николаичъ! Этотъ нѣмецъ, бѣдный, одинокій, убитый человѣкъ— и вамъ его не жаль? Вамъ хочется дразнить его?

Паншинъ смутился.

— Вы правы, Лизавета Михайловна, промолвилъ онъ. — Всему виною—моя вѣчная необдуманность. Нѣтъ, не возражайте мнѣ; я себя хорошо знаю. Много зла мнѣ надѣлала моя необдуманность. По ея милости я прослылъ за эгоиста.

Паншинъ помолчалъ. Съ чего бы ни начиналъ онъ разговоръ, — онъ обыкновенно кончалъ тѣмъ, кто говорилъ о самомъ себѣ, и это выходило у него чакъ-то мило и мягко, задумчиво, словно невольно.

— Вотъ и въ вашемъ домѣ, продолжалъ онъ, матушка ваша, конечно, ко мнѣ благоволить — она такая добрая; вы.... впрочемъ я не знаю вашего мнѣнія обо мнѣ; за тѣ ваша тетушка просто меня терпѣть не можетъ. Я ее тоже, должно быть, обидѣлъ какимъ нибудь необдуманнымъ, глупымъ словомъ. Вѣдь она меня не любитъ, не правда-ли?

— Да, произнесла Лиза съ небольшой запинкой: — вы ей не нравитесь.

Паншинъ быстро провелъ пальцами по клавишамъ; едва замѣтная усмѣшка скользнула по его губамъ.

— Ну, а вы? промолвилъ онъ: — я вамъ тоже кажусь эгоистомъ?

— Я васъ еще мало знаю, возразила Лиза, — но я васъ не считаю за эгоиста; я, напротивъ, должна быть благодарна вамъ....

— Знаю, знаю, что вы хотите сказать, перебилъ ее Паншинъ, и снова пробѣжалъ пальцами по клавишамъ: — за ноты, за книги, которыя я вамъ приношу, за плохіе рисунки, которыми я украшаю вашъ альбомъ, и такъ далѣе, и такъ далѣе. Я могу все это дѣлать — и все-таки быть эгоистомъ. Смѣю думать, что вы не скучаете со мною и что вы не считаете меня за дурнаго человѣка; но все же вы полагаете, что я, какъ бишь это сказано, для краснаго словца не пожалѣю ни отца, ни пріятеля.

— Вы разсѣянны и забывчивы, какъ всѣ свѣтскіе люди, промолвила Лиза: — вотъ и все.

Паншинъ немного нахмурился.

— Послушайте, сказалъ онъ: — не будемте больше говорить обо мнѣ; станемте разыгрывать нашу сонату. Объ одномъ только прошу я васъ, прибавилъ онъ, разглаживая рукою листы лежавшей на пюпитрѣ тетради: — думайте обо мнѣ, что хотите,

называйте меня даже эгоистомъ — такъ и быть! но не называйте меня свѣтскимъ человѣкомъ; эта кличка мнѣ нестерпима.... *Anch'io sono pittore*. Я тоже артистъ, хотя плохой, — и это, а именно то, что я плохой артистъ, — я вамъ докажу сейчасъ же на дѣлѣ. Начнемъ же.

— Начнемъ, пожалуй, сказала Лиза.

Первое *adagio* прошло довольно благополучно, хотя Паншинъ неоднократно ошибался. Свое и заученое онъ игралъ очень мило, но разбиралъ плохо. Зато вторая часть сонаты, довольно быстрое *allegro* — совсѣмъ не пошла; на двадцатомъ тактѣ, Паншинъ, отставшій такта на два, не выдержалъ и со смѣхомъ отодвинулъ свой стулъ.

— Нѣтъ! воскликнулъ онъ: — я не могу сегодня играть; хорошо, что Леммъ насъ не слышалъ: онъ бы въ обморокъ упалъ.

Лиза встала, закрыла фортепьяно и обернулась къ Паншину.

— Чтò же мы будемъ дѣлать? спросила она.

— Узнаю васъ въ этомъ вопросѣ! Вы никакъ не можете сидѣть сложа руки. Чтожь, если хотите, давайте рисовать, пока еще не совсѣмъ стемнѣло. Авось другая муза — муза рисованія — какъ бишь ее звали? позабылъ.... будетъ ко мнѣ благосклон-

нѣе. Гдѣ вашъ альбомъ? Помнится, тамъ мой пейзажъ не конченъ.

Лиза пошла въ другую комнату за альбомомъ, а Паншинъ, оставшись одинъ, досталъ изъ кармана батистовой платокъ, потеръ себѣ ногти и посмотрѣлъ какъ-то скосясь, на свои руки. Онѣ у него были очень красивы и бѣлы; на большомъ пальцѣ лѣвой руки носилъ онъ винтообразное золотое кольцо. Лиза вернулась; Паншинъ усѣлся къ окну, развернулъ альбомъ.

— Ага! воскликнулъ онъ: — я вижу, вы начали срисовывать мой пейзажъ — и прекрасно. Очень хорошо! Вотъ тутъ только — дайте-ка карандашъ — не довольно сильно положены тѣни. Смотрите.

И Паншинъ размашисто проложилъ нѣсколько длинныхъ штриховъ. Онъ постоянно рисовалъ одинъ и тотъ же пейзажъ: на первомъ планѣ большія растрепанные деревья, въ отдаленіи поляну и зубчатая гора на небосклонѣ. Лиза глядѣла черезъ его плечо на его работу.

— Въ рисунокѣ, да и вообще въ жизни, говорилъ Паншинъ, сгибая голову то на право, то на лѣво, — легкость и смѣлость — первое дѣло.

Въ это мгновеніе вошелъ въ комнату Леммъ и, сухо поклонившись, хотѣлъ удалиться; но Пан-

шинъ бросилъ альбомъ и карандашъ въ сторону и преградилъ ему дорогу.

— Куда же вы, любезный Христофоръ Ѳедорычъ? развѣ вы не остаетесь чай пить?

— Мнѣ домой, проговорилъ Леммъ угрюмымъ голосомъ: — голова болитъ.

— Ну, что за пустяки, — останьтесь. Мы съ вами поспоримъ о Шекспирѣ.

— Голова болитъ, повторилъ старикъ.

— А мы безъ васъ принялись-было за бетго-венскую сонату, продолжалъ Паншинъ, любезно взявъ его за талию и свѣтло улыбаясь: — но дѣло совсѣмъ на ладъ не пошло. Вообразите, я не могъ двѣ ноты сряду взять вѣрно.

— Вы бы опять спѣлъ сфой романце лутчи, возразилъ Лемъ, отводя руки Паншина, — и вышелъ вонъ.

Лиза побѣжала вслѣдъ за нимъ. Она догнала его на крыльцѣ.

— Христофоръ Ѳедорычъ, послушайте, сказала она ему понѣмецки, провожая его до воротъ по зеленой короткой травкѣ двора: — я виновата передъ вами — простите меня.

Леммъ ничего не отвѣчалъ.

— Я показала Владиміру Нилолаичу вашу кан-

тату; я была увѣрена, что онъ ее оцѣнитъ, — и она, точно, очень ему понравилась.

Леммъ остановился.

— Это ничего, сказалъ онъ по-русски и потомъ прибавилъ на родномъ своемъ языкѣ: — но онъ не можетъ ничего понимать; какъ вы этого не видите? Онъ диллетантъ — и все тутъ!

— Вы къ нему несправедливы, возразила Лиза: — онъ все понимаетъ и самъ почти все можетъ сдѣлать.

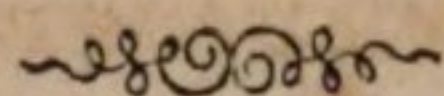
— Да, все второй нумеръ, легкій товаръ, спѣшная работа. Это нравится, и онъ нравится, и самъ онъ этимъ доволенъ — ну и браво. А я не сержусь; эта кантата и я — мы оба старые дураки; мнѣ немножко стыдно, но это ничего.

— Простете меня, Христофоръ Ѳедорычъ, проговорила снова Лиза.

— Ничего, ничего, повторилъ онъ опять по-русски: — вы добрая дѣвушка. . . . а вотъ кто-то къ вамъ идетъ. Прощайте. Вы очень добрая дѣвушка.

И Леммъ уторопленнымъ шагомъ направился къ воротамъ, въ которыя входилъ какой-то незнакомый ему господинъ, въ сѣромъ пальто и широкой соломенной шляпѣ. Вѣжливо поклонившись ему (онъ кланялся всѣмъ новымъ лицамъ въ городѣ О.; отъ

знакомыхъ онъ отворачивался на улицѣ — такое ужъ онъ положилъ себѣ правило), Леммъ прошелъ мимо и исчезъ за заборомъ. Незнакомецъ съ удивленьемъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ и, взглянувъ въ Лизу, подошелъ прямо къ ней.

ГЛАВА VII.

—

— Вы меня не узнаете, промолвилъ онъ, снимая шляпу, — а я васъ узналъ, даромъ что уже восемь лѣтъ минуло съ тѣхъ поръ, какъ я васъ видѣлъ въ послѣдній разъ. Вы были тогда ребенкомъ. Я Лаврецкій. Матушка ваша дома? Можно ее видѣть?

— Мамаша будетъ очень рада, возразила Лиза: — она слышала о вашемъ пріѣздѣ.

— Вѣдь васъ, кажется, зовутъ Елизаветой? промолвилъ Лаврецкій, взбираясь по ступенямъ крыльца.

— Да.

— Я помню васъ хорошо; у васъ уже тогда было такое лицо, котораго не забываешь; я вамъ тогда возилъ конфекты.

Лиза покраснѣла и подумала: какой онъ стран-

ный. Лаврецкій остановился на минуту въ передней. Лиза вошла въ гостиную, гдѣ раздавался голосъ и хохотъ Паншина; онъ сообщалъ какую-то городскую сплетню Марьѣ Дмитріевнѣ и Гедеоновскому, уже успѣвшимъ вернуться изъ сада, и самъ громко смѣялся тому, что рассказывалъ. При имени Лаврецкаго, Марья Дмитріевна вся всполошилась, поблѣднѣла и пошла къ нему на встрѣчу.

— Здравствуйте, здравствуйте, мой милый *cousin*! воскликнула она растянутымъ и почти слезливымъ голосомъ: — какъ я рада васъ видѣть!

— Здравствуйте, моя добрая кузина, возразилъ Лаврецкій, и дружелюбно пожалъ ея протянутую руку: — какъ васъ Господь милуетъ?

— Садитесь, садитесь, мой дорогой Федоръ Ивановичъ. Ахъ, какъ я рада! Позвольте во-первыхъ представить вамъ мою дочь, Лизу....

— Я ужъ самъ отрекомендовался Лизаветѣ Михайловнѣ, перебилъ ее Лаврецкій.

— Мсьё Паншинъ.... Сергѣй Петровичъ Гедеоновскій.... Да садитесь же! Гляжу на васъ и, право, даже глазамъ не вѣрю. Какъ здоровье ваше?

— Какъ изволите видѣть, процвѣтаю. Да и вы, кузина — какъ бы васъ не сглазить — не похудѣли въ эти восемь лѣтъ.

— Какъ подумаешь, сколько времени не вида-

лись, — мечтательно промолвила Марья Дмитриевна. — Вы откуда теперь? Гдѣ вы оставили. . . . то есть, я хотѣла сказать, торопливо подхватила она, — я хотѣла сказать, надолго ли вы къ намъ?

— Я пріѣхалъ теперь изъ Берлина, возразилъ Лаврецкій, и завтра же отправляюсь въ деревню — вѣроятно, надолго.

— Вы, конечно, въ Лаврикахъ жить будете?

— Нѣтъ, не въ Лаврикахъ; а есть у меня, верстахъ въ двадцати пяти отсюда, деревушка; такъ я туда ѣду.

— Это деревушка, что вамъ отъ Глафиры Петровны досталась?

— Та самая.

— Помилуйте, Ѳедоръ Ивановичъ! У васъ въ Лаврикахъ такой чудесный домъ?

Лаврецкій чуть-чуть нахмурилъ брови.

— Да. . . . но и въ той деревушкѣ есть флигелекъ; а мнѣ пока больше ничего не нужно. Это мѣсто — для меня теперь самое удобное.

Марья Дмитриевна опять до того смѣшалась, что даже выпрямилась и руки развела. Паншинъ пришелъ ей на помощь и вступилъ въ разговоръ съ Лаврецкимъ. Марья Дмитриевна успокоилась, опустилась на спинку креселъ и лишь изрѣдка вставляла свое словечко; но при этомъ такъ жалостли-

во глядѣла на своего гостя, такъ значительно вздыхала и такъ уныло покачивала головой, что тотъ наконецъ не вытерпѣлъ и довольно рѣзко спросилъ ее: здорова ли она?

— Слава Богу, возразила Марья Дмитріевна, — а что?

— Такъ, мнѣ показалось, что вамъ не по себѣ.

Марья Дмитріевна приняла видъ достойный и нѣсколько обиженный. — А коли такъ, подумала она — мнѣ совершенно все равно; видно тебѣ, мой батюшка, все, какъ съ гуся вода; иной бы съ горя исчахъ, а тебя еще разнесло. — Марья Дмитріевна сама съ собой не церемонилась; вслухъ она говорила изящнѣе.

Лаврекцій, дѣйствительно, не походилъ на жертву рока. Отъ его краснощекаго, чисто-русскаго лица, съ большимъ бѣлымъ лбомъ, немного толстымъ носомъ и широкими правильными губами такъ и вѣяло степнымъ здоровьемъ, крѣпкой, долговѣчной силой. Сложенъ онъ былъ на славу, — и бѣлокурые волосы вились на его головѣ какъ у юноши. Въ однихъ только его глазахъ, голубыхъ, на выкатѣ и нѣсколько неподвижныхъ, замѣчалась не то задумчивость, не то усталость, и голосъ его звучалъ какъ-то слишкомъ ровно.

Паншинъ между тѣмъ продолжалъ поддерживать

разговоръ. Онъ навелъ рѣчь на выгоды сахароварства, о которомъ недавно прочелъ двѣ французскія брошюры, и съ спокойной скромностью принялся излагать ихъ содержаніе, не упоминая впрочемъ о нихъ ни единымъ словомъ.

— А вѣдь это Оедя! — раздался вдругъ въ сосѣдней комнатѣ за полу-раскрытой дверью голосъ Марѣы Тимофеевны, — Оедя, точно! — И старушка проворно вошла въ гостиную. Лаврецкій не успѣлъ еще подняться со стула, какъ ужъ она обняла его. — Покажи-ка себя, покажи-ка, промолвила она, отодвигаясь отъ его лица. Э! да какой же ты славный. Постарѣлъ, а не подурнѣлъ нисколько, право. Да что ты руки у меня цалуешь — ты меня самое цалуй, коли тебѣ мои сморщенные щеки не противны. Небось, не спросилъ обо мнѣ; что, дескать, жива ли тетка? А вѣдь ты у меня на рукахъ родился, пострѣлъ эдакой. Ну, да это все равно; гдѣ тебѣ было обо мнѣ вспомнить? Только ты умница, что пріѣхалъ. А что, мать моя, прибавила она, обращаясь къ Марѣѣ Дмитріевнѣ, — угостила ты его чѣмъ нибудь?

— Мнѣ ничего не нужно, поспѣшно проговорилъ Лаврецкій.

— Ну, хоть чаю напейся, мой батюшка. Господи Боже мой! Пріѣхалъ нивѣсть откуда, и чашки

чаю ему не дадутъ. Лиза, пойди похлопочи, да поскорѣй. Я помню, маленькій онъ былъ обжора страшный, — да и теперь, должно быть, покушать любить.

— Мое почтеніе, Марѳа Тимофеевна, промолвилъ Паншинъ, приближаясь сбоку къ расходившейся старушкѣ и низко кланяясь.

— Извините меня, государь мой, возразила Марѳа Тимофеевна, не замѣтила васъ на радости. — На мать ты свою похожъ сталъ, на голубушку, продолжала она, снова обратившись къ Лаврецкому; — только носъ у тебя отцовскій былъ, отцовскимъ и остался. Ну — и на долго ты къ намъ?

— Я завтра ѣду, тетушка.

— Куда?

— Къ себѣ, въ Васильевское.

— Завтра?

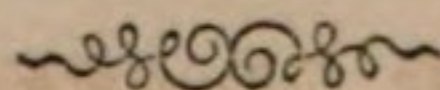
— Завтра.

— Ну, коли завтра, такъ завтра. Съ Богомъ, — тебѣ лучше знать. Только ты, смотри, зайди проститься. — Старушка потрепала его по щекѣ. — Не думала я дождаться тебя; и не то, чтобъ я умирать собиралась; нѣтъ — меня еще годовъ на десять, пожалуй, хватить; всѣ мы, Пестовы, живучи; дѣдъ твой покойный, бывало, двужильными насъ прозывалъ; да вѣдь Господь тебя зналъ, сколь-

ко бѣ ты еще за границей проболтался. Ну, а молодецъ ты, молодецъ; чай по прежнему десять пудовъ одной рукой поднимаешь? Твой батюшка покойный, извини, ужь на что былъ вздорный, а хорошо сдѣлалъ, что швейцарца тебѣ нанялъ; помнишь, вы съ нимъ на кулачки бились; гимнастикой, что ли, это прозывается? — Но однако, что это я такъ раскудахталась; только г. Паншинъ (она никогда не называла его, какъ слѣдовало, Пánшинымъ) разсуждать помѣшала. А впрочемъ станемте-ка лучше чай пить; да на террасу пойдете его, батюшку, пить; у насъ сливки славныя — не то что въ вашихъ Лондонахъ да Парижахъ. Пойдемте-пойдемте, а ты, Оедюша, дай мнѣ руку. О! да какая же она у тебя толстая! Небось, съ тобой не упадешь.

Всѣ встали и отправились на террасу, за исключеніемъ Гедеоновскаго, который въ тихомолку удалился. Во все продолженіе разговора Лаврецкаго съ хозяйкой дома, Пánшинымъ и Марѳой Тимофеевной — онъ сидѣлъ въ уголку, внимательно моргая и съ дѣтскимъ любопытствомъ вытянувъ губы; онъ спѣшилъ теперь разнести вѣсть о новомъ гостѣ по городу.

Въ тотъ же день, въ одинадцать часовъ вечера, вотъ что происходило въ домѣ г-жи Калитиной: внизу, на порогѣ гостиной, улучивъ удобное мгновѣніе, Владиміръ Николаичъ прощался съ Лизой и говорилъ ей, держа ее за руку: вы знаете, кто меня привлекаетъ сюда; вы знаете, зачѣмъ я безпрестанно ѣзжу въ вашъ домъ; къ чему тутъ слова, когда и такъ все ясно? Лиза ничего не отвѣчала ему и не улыбаясь, слегка приподнявъ брови и краснѣя, глядѣла на полъ, но не отнимала своей руки; — а наверху, въ комнатѣ Марѣы Тимофеевны, при свѣтѣ лампадки, висѣвшей передъ тусклыми старинными образами, Лаврецкій сидѣлъ на креслахъ, облокотившись на колѣна и положивъ лицо на руки; старушка, стоя передъ нимъ, изрѣдка и молча гладила его по волосамъ. Болѣе часу провелъ онъ у ней, простившись съ хозяйкой дома; онъ почти ничего не сказалъ своей старинной доброй пріятельницѣ, и она его не спрашивала. . . . Да и къ чему было говорить, о чемъ спрашивать? Она и такъ все понимала, она и такъ сочувствовала всему, чѣмъ переполнялось его сердце.

ГЛАВА VIII.

—

Федоръ Ивановичъ Лаврецкій — (мы должны попросить у читателя позволенія перервать на время нить нашего разсказа) — происходилъ отъ стариннаго дворянскаго племени. Родоначальникъ Лаврецкихъ выѣхалъ въ княженіе Василя Темнаго изъ Пруссіи и былъ пожалованъ двумястами четвертями земли въ Бѣжецкомъ верху. Многіе изъ его потомковъ числились въ разныхъ службахъ, сидѣли подъ князьями и людьми именитыми на отдаленныхъ воеводствахъ; но ни одинъ изъ нихъ не поднялся выше стольника и не пріобрѣлъ значительнаго достоянія. Богаче и замѣчательнѣе всѣхъ Лаврецкихъ былъ родной прадѣдъ Федора Ивановича, Андрей, человекъ жестокій, дерзкій, умный и лукавый. До нынѣшняго дня не умолкла молва объ его самоуправствѣ, о бѣ-

шеномъ его нравъ, безумной щедрости и алчности неутолимой. Онъ былъ очень толстъ и высокъ ростомъ, изъ лица смугль и безбородъ, картавилъ и казался сонливымъ; но чѣмъ онъ тише говорилъ, тѣмъ больше трепетали всѣ вокругъ него. Онъ и жену досталъ себѣ подъ-стать. Пучеглазая, съ ястребинымъ носомъ, съ круглымъ желтымъ лицомъ, цыганка родомъ, вспыльчивая и мстительная, она ни въ чемъ не уступала мужу, который чуть не уморилъ ея и котораго она не пережила, хотя вѣчно съ нимъ грызлась. Сынъ Андрея, Петръ, Ѳедоровъ дѣдъ, не походилъ на своего отца: это былъ простой, степной баринъ, довольно взбалмошный, крикунъ и копотунъ, грубый, но не злой, хлѣбосоль и псовый охотникъ. Ему было за тридцать лѣтъ, когда онъ наслѣдовалъ отъ отца двѣ тысячи душъ въ отличномъ порядкѣ; но онъ скоро распустилъ, частью продалъ свое имѣнье, дворню избаловалъ. Какъ тараканы сползались со всѣхъ сторонъ знакомые и незнакомые мелкіе людишки въ его обширныя, теплыя и неопрятныя хоромы; все это наѣдалось, чѣмъ попало, но досыта, напивалось до пьяна и тащило вонъ, что могло, прославляя и величая ласковаго хозяина; и хозяинъ, когда былъ не въ духѣ, тоже величалъ своихъ гостей — дармоѣдами и прохвостами, а безъ нихъ скучалъ. Жена Петра Андреича была смирен-

ница; онъ взялъ ее изъ сосѣдняго семейства, по отцовскому выбору и приказанію; звали ее Анной Павловной. Она ни во что не вмѣшивалась, радушно принимала гостей и охотно сама выѣзжала, хотя пудриться, по ея словамъ, было для нея смертию. Поставятъ тебѣ, рассказывала она въ старости, войлочный шлыкъ на голову, волосы всѣ зачешутъ кверху, саломъ вымажутъ, мукой посыплутъ, желѣзныхъ булавокъ натыкаютъ, — не отмоешься потомъ; а въ гости безъ пудры нельзя, обидятся, — мука!—Она любила кататься на рысакахъ, въ карты готова была играть съ утра до вечера и всегда, бывало, закрывала рукой записанный на нее копѣечный выигрышъ, когда мужъ подходилъ къ игорному столу; а все свое приданое, всѣ деньги отдала ему въ безотвѣтное распоряженіе. Она прижила съ нимъ двухъ дѣтей: сына Ивана, Ѳедорова отца, и дочь Глафиру. Иванъ воспитывался не дома, а у богатой, старой тетки, княжны Кубенской: она назначила его своимъ наслѣдникомъ (безъ этого отецъ бы его не отпустилъ); одѣвала его какъ куклу, нанимала ему всякаго рода учителей, приставила къ нему гувернера, француза, бывшаго аббата, ученика Жанъ-Жака Руссо, нѣкоего *Mr. Courtin de Vaucelles*, ловкаго и тонкаго проныру, — самую, какъ она выражалась, *fine fleur* эмиграціи, и кончила тѣмъ,

что чуть не 70-ти лѣтъ вышла за мужъ за этого финъ-флёра; перевела на его имя все свое состояніе и вскорѣ потомъ, разрумяненная, раздушенная амброй *à la Richelieu*, окруженная арапченками, тонконогими собачками и крикливыми попугаями, умерла на шелковомъ кривомъ диванчикѣ временъ Людовика XV, съ эмалевой табакеркой работы Петито въ рукахъ, — и умерла, оставленная мужемъ: вкрадчивый господинъ Куртень предпочелъ удалиться въ Парижъ съ ея деньгами. Ивану пошелъ всего двадцатый годъ, когда этотъ неожиданный ударъ надъ нимъ разразился; онъ не захотѣлъ остаться въ теткинѣ домѣ, гдѣ онъ изъ богатаго наследника внезапно превратился въ приживальщика, — въ Петербургъ, гдѣ общество, въ которомъ онъ выросъ, передъ нимъ закрылось; къ службѣ съ низкихъ чиновъ, трудной и темной, онъ чувствовалъ отвращеніе (все это происходило въ самомъ началѣ царствованія Императора Александра); — пришлось ему, по неволѣ вернуться въ деревню, къ отцу. Грязно, бѣдно, дрянно показалось ему его родимое гнѣздо; глушь и копотъ степнаго житья-бытья на каждомъ шагу его оскорбляли; скука его грызла; за то и на него всѣ въ домѣ, кромѣ матери, недружелюбно глядѣли. Отцу не нравились его столичныя привычки, его фраки, жабо, книги, его флейта, его опрят-

ность, въ которой не даромъ чужалась ему гадливость; онъ, то и дѣло, жаловался и ворчалъ на сына. — Все здѣсь не по немъ, говаривалъ онъ, — за столомъ привередничаетъ, не ѣстъ, людскаго запаху, духоты переносить не можетъ, видъ пьяныхъ его разстроиваетъ, драться при немъ тоже не смѣй, служить не хочетъ, слабъ, вишь, здоровьемъ; фу ты, нѣженка эдакой! А все оттого, что Вóлтеръ въ головѣ сидитъ. Старикъ особенно не жаловалъ Вольтера да еще «изувѣра» Дидерота, хотя ни одной строки изъ ихъ сочиненій не прочелъ: читать было не по его части. — Петръ Андреичъ не ошибался; точно и Дидеротъ и Вольтеръ сидѣли въ головѣ его сына, и не они одни — и Руссо, и Рейналь, и Гельвецій и много другихъ подобныхъ имъ сочинителей сидѣли въ его головѣ, — но въ одной только головѣ. Бывшій наставникъ Ивана Петровича, отставной аббатъ и энциклопедистъ удовольствовался тѣмъ, что влилъ цѣликомъ въ своего воспитанника всю премудрость 18-го вѣка, и онъ такъ и ходилъ, наполненный ею; она пребывала въ немъ, не смѣшавшись съ его кровью, не проникнувъ въ его душу, не сказавшись крѣпкимъ убѣжденьемъ.... Да и возможно ли было требовать убѣжденій отъ молодого малаго 50 лѣтъ тому назадъ, когда мы еще и теперь не доросли до нихъ? Посѣтителей отцов-

скаго дома Иванъ Петровичъ тоже стѣснялъ; онъ ими гнушался, они его боялись, а съ сестрой Глафирой, которая была двѣнадцатю годами старше его, онъ не сошелся вовсе. Эта Глафира была странное существо: некрасивая, горбатая, худая, съ широко-раскрытыми, строгими глазами и сжатымъ тонкимъ ртомъ, она лицомъ, голосомъ, угловатыми, быстрыми движеніями, напоминала свою бабуку, цыганку, жену Андрея. Настойчивая, властолюбивая, она и слышать не хотѣла о замужествѣ. Возвращеніе Ивана Петровича ей пришлось не по нутру; пока княжна Кубенская держала его у себя, она надѣялась получить по крайней мѣрѣ половину отцовскаго имѣнія: она и по скупости вышла въ бабуку. Сверхъ того Глафира завидовала брату; онъ такъ былъ образованъ, такъ хорошо говорилъ по-французски, съ парижскимъ выговоромъ, а она едва умѣла сказать: бонжуръ, да команъ ву порте ву? Правда, родители ея по-французски вовсе не разумѣли, — да отъ этого ей не было легче. — Иванъ Петровичъ не зналъ куда дѣться отъ тоски и скуки; невступно годъ провелъ онъ въ деревнѣ, да и тотъ показался ему за десять лѣтъ. Только съ матерью своею онъ и отводилъ душу, и по цѣлымъ часамъ сиживалъ въ ея низкихъ покояхъ, слушая незапѣйливую болтовню доброй женщины и наѣдаясь

вареньемъ. Случилось такъ, что въ числѣ горничныхъ Анны Павловны находилась одна очень хорошенькая дѣвушка съ ясными, кроткими глазками и тонкими чертами лица, по имени Маланья, умница и скромница. Она съ перваго разу приглянулась Ивану Петровичу; онъ полюбилъ ее; онъ полюбилъ ея робкую походку, стыдливые отвѣты, тихій голосокъ, тихую улыбку; съ каждымъ днемъ она ему казалась милѣй. И она привязалась къ Ивану Петровичу всей силою души, какъ только русскіе дѣвушки умѣютъ привязываться — и отдалась ему. Въ помѣщичьемъ деревенскомъ домѣ никакая тайна долго держаться не можетъ; скоро всѣ узнали о связи молодого барина съ Маланьей; вѣсть объ этой связи дошла наконецъ до самого Петра Андреича. Въ другое время онъ, вѣроятно, не обратилъ бы вниманія на такое маловажное дѣло; но онъ давно злился на сына и обрадовался случаю пристыдить петербургскаго мудреца и франта. Поднялся гвалтъ, крикъ и гамъ; Маланью заперли въ чуланъ; Ивана Петровича потребовали къ родителю. Анна Павловна тоже прибѣжала на шумъ. Она попыталась было укротить мужа, но Петръ Андреичъ уже ничего не слушалъ. Ястребомъ напустился онъ на сына, упрекалъ его въ безнравственности, въ безбожїи, въ притворствѣ; кстати выме-

стиль на немъ всю накупѣвшую досаду противъ княжны Кубенской, осыпалъ его обидными словами. Сначала Иванъ Петровичъ молчалъ и крѣпился, но когда отецъ вздумалъ грозить ему постыднымъ наказаньемъ, онъ не вытерпѣлъ. «Изувѣрь Дидеротъ опять на сценѣ, — подумалъ онъ, — такъ пущу же я его въ дѣло, постойте; я васъ всѣхъ удивлю». И тутъ же спокойнымъ, ровнымъ голосомъ, хоть съ внутренней дрожью во всѣхъ членахъ, Иванъ Петровичъ объявилъ отцу, что онъ напрасно укоряетъ его въ безнравственности; что хотя онъ не намѣренъ оправдывать свою вину, но готовъ ее исправить, и тѣмъ охотнѣе, что чувствуетъ себя выше всякихъ предразсудковъ, а именно — готовъ жениться на Маланѣ. Произнеся эти слова, Иванъ Петровичъ, безспорно, достигъ своей цѣли; онъ до того изумилъ Петра Андреича, что тотъ глаза вытаращилъ и онѣмѣлъ на мигновенье; но тотчасъ же опомнился, и какъ былъ въ тулупчикѣ на бѣличьемъ мѣху и въ башмакахъ на босу ногу, такъ и бросился съ кулаками на Ивана Петровича, который какъ нарочно въ тотъ день причесался *à la Titus* и надѣлъ новый англійскій синій фракъ, сапоги съ кисточками и щегольскіе лосиные панталоны въ обтяжку. Анна Павловна закричала благимъ матомъ и закрыла лицо руками, а

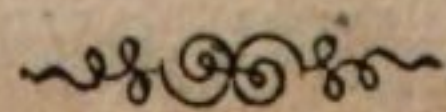
сынъ ея побѣжалъ, побѣжалъ черезъ весь домъ, выскочилъ на дворъ, бросился въ огородъ, въ садъ, черезъ садъ вылетѣлъ на дорогу, и все бѣжалъ безъ оглядки, пока наконецъ пересталъ слышать за собою тяжелый топотъ отцовскихъ шаговъ и его усиленные, прерывистые крики. Стой мошенникъ! вопилъ онъ, — стой! проклянута! — Иванъ Петровичъ спрятался у сосѣдняго однодворца, а Петръ Андреичъ вернулся домой весь изнеможенный и въ поту, объявилъ, едва переводя дыханіе, что лишаетъ сына благословенія и наслѣдства, приказалъ сжечь всѣ его дурацкія книги, а дѣвку Маланью немедленно сослать въ дальнюю деревню. Нашлись добрые люди, отыскали Ивана Петровича, извѣстили его обо всѣмъ. Пристыженный, взбѣшенный, онъ поклялся отомстить отцу, и въ ту же ночь, подкарауливъ крестьянскую телегу, на которой везли Маланью, отбилъ ее силой, поскакалъ съ нею въ ближайшій городъ и обвинчался съ ней. Деньгами его снабдилъ сосѣдъ, вѣчно-пьяный и добрейшій отставной морякъ, страшный охотникъ до всякой, какъ онъ выражался, благородной исторіи. На другой день Иванъ Петровичъ написалъ язвительно-холодное и учтивое письмо Петру Андреичу, а самъ отправился въ деревню, гдѣ жилъ его троюродный братъ Дмитрій Пестовъ съ своею се-

строй, уже знакомою читателямъ, Марфой Тимофеев-
 ной. Онъ разсказалъ имъ все, объявилъ, что намѣ-
 ренъ ѣхать въ Петербургъ искать мѣста, и упро-
 силъ ихъ хотя на время пріютить его жену. При
 словѣ: жена — онъ всплакнулъ горько, и несмотря
 на свое столичное образованіе и философію, уни-
 женно, — бѣднячкомъ - русачкомъ поклонился своимъ
 родственникамъ въ ноги и даже стукнулъ объ полъ
 лбомъ. Пестовы, люди жалостливые и добрые, охот-
 но согласились на его просьбу; онъ прожилъ у
 нихъ недѣли три, втайнѣ ожидая отвѣта отъ отца;
 но отвѣта не пришло, — и притти не могло. Петръ
 Андреичъ, узнавъ о свадьбѣ сына, слегъ въ постель
 и запретилъ упоминать при себѣ имя Ивана Пе-
 тровича; только мать тихонько отъ мужа заняла у
 благочиннаго и прислала 500 рублей ассигнаціями
 да образокъ его женѣ; написать она побоялась, но
 велѣла сказать Ивану Петровичу черезъ посланнаго
 сухопараго мужичка, умѣвшаго уходить въ сутки
 по шестидесяти верстъ, чтобъ онъ не очень огор-
 чался, что, Богъ дастъ, все устроится и отецъ пре-
 ложить гнѣвъ на милость; что и ей другая невѣ-
 стка была бы желательнѣе, но что видно Богу такъ
 было угодно, и что она посылаетъ Маланѣ Сергѣ-
 евнѣ свое родительское благословеніе. Сухопарый
 мужичекъ получилъ рубль, попросилъ позволенья

повидаться съ ною барыней, которой онъ доводился кумомъ, поцѣловалъ у ней ручку и побѣжалъ во-свояси.

А Иванъ Петровичъ отправился въ Петербургъ съ легкимъ сердцемъ. Неизвѣстная будущность его ожидала; бѣдность, быть можетъ, грозила ему, но онъ разстался съ ненавистною деревенскою жизнью, а главное — не выдалъ своихъ наставниковъ, дѣйствительно «пустилъ въ ходъ» и оправдалъ на дѣлѣ Руссо, Дидерота и *La Déclaration des droits de l'homme*. Чувство совершеннаго долга, торжества, чувство гордости наполняло его душу; да и разлука съ женой не очень пугала его; его бы скорѣе смутила необходимость постоянно жить съ женою. То дѣло было сдѣлано; надобно было приняться за другія дѣла. Въ Петербургъ, вопреки его собственнымъ ожиданіямъ, ему повезло; княжна Кубенская, которую мусье Куртенъ успѣлъ уже бросить, но которая не успѣла еще умереть, — чтобы чѣмъ нибудь загладить свою вину передъ племянникомъ, отрекомендовала его всѣмъ своимъ друзьямъ и подарила ему 5,000 рублей, едва ли не послѣднія свои денежки, да Лепиковскіе часы съ его вензелемъ въ гирляндѣ амуровъ. Не прошло трехъ мѣсяцевъ, какъ ужъ онъ получилъ мѣсто при русской миссіи въ Лондонѣ и съ первымъ отхо-

дившимъ англійскимъ кораблемъ (пароходовъ тогда еще въ поминѣ не было) уплылъ за море. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, получилъ онъ письмо отъ Пестова. Добрый помѣщикъ поздравлялъ Ивана Петровича съ рожденіемъ сына, явившагося на свѣтъ въ селѣ Покровскомъ 20 августа 1807 года и нареченнаго Ѳеодоромъ въ честь святаго мученика Ѳеодора Стратилата; по причинѣ большой слабости Маланья Сергѣевна приписывала только нѣсколько строкъ; но и эти немногія строки удивили Ивана Петровича: онъ не зналъ, что Марѳа Тимофеевна выучила его жену грамотѣ. Впрочемъ Иванъ Петровичъ не долго предавался сладостному волненію родительскихъ чувствъ; онъ ухаживалъ за одной изъ знаменитыхъ тогдашнихъ Фринъ или Лаисъ (классическія названія еще процвѣтали въ то время). Тильзитскій миръ былъ только-что заключенъ, и все спѣшило наслаждаться, все крутилось въ какомъ-то бѣшеномъ вихрѣ; черные глаза бойкой красавицы вскружили и его голову. Денегъ у него было очень мало; но онъ счастливо игралъ въ карты, заводилъ знакомства, участвовалъ во всѣхъ возможныхъ увеселеніяхъ, словомъ, плылъ на всѣхъ парусахъ.

ГЛАВА IX.

Старикъ Лаврецкій долго не могъ простить сыну его свадьбу; еслибъ проіустя полгода Иванъ Петровичъ явился къ нему съ повинной головой и бросился ему въ ноги, онъ бы, пожалуй, помиловалъ его, выбранивъ его сперва хорошенько и постучавъ по немъ для страху клюкою; но Иванъ Петровичъ жилъ за границей и поводимому въ усь себѣ не дулъ. — Молчи! не смѣй! твердилъ Петръ Андреичъ всякій разъ женѣ, какъ только та пыталась склонить его на милость; ему щенку должно вѣчно за меня Бога молить, что я клятвы на него не положилъ; покойный батюшка изъ собственныхъ рукъ убилъ бы его негоднаго, и хорошо бы сдѣлалъ. — Анна Павловна при такихъ страшныхъ рѣчахъ только крестилась украдкой. Что же касается

до жены Ивана Петровича, то Петръ Андреичъ сначала и слышать о ней не хотѣлъ и даже въ отвѣтъ на письмо Пестова, въ которомъ тотъ упоминалъ о его невѣсткѣ, велѣлъ ему сказать, что онъ никакой яко бы своей невѣстки не вѣдаетъ, а что законами воспрещается держать бѣглыхъ дѣвокъ, о чемъ онъ считаетъ долгомъ его предупредить; но потомъ, узнавъ о рожденіи внука, смягчился, приказалъ подъ рукой освѣдомиться о здоровьи родильницы и послалъ ей, тоже будто не отъ себя, немного денегъ. Оедѣ еще году не минуло, какъ Анна Павловна занемогла смертельной болѣзнью. За нѣсколько дней до кончины, уже не вставая съ постели, съ робкими слезинками на погасающихъ глазахъ, объявила она мужу при духовникѣ, что желаетъ повидаться и проститься съ невѣсткой, благословить внука. Огорченный старикъ успокоилъ ее и тотчасъ же послалъ собственный свой экипажъ за невѣсткой, въ первый разъ называя ее Маланьей Сергѣевной. Она пріѣхала съ сыномъ и съ Марѳой Тимофеевной, которая ни за что не хотѣла отпустить ее одну и не дала бы ее въ обиду. Полуживая отъ страха, вошла Маланья Сергѣевна въ кабинетъ Петра Андреича. Нянька несла за ней Оедю. Петръ Андреичъ могла поглядѣть на нее; она подошла къ его

рукъ; ея трепетныя губы едва сложились въ беззвучный поцѣлуй.

— Ну, сыромолотная дворянка, проговорилъ онъ наконецъ: — здравствуй; пойдѣмъ къ барынѣ.

Онъ всталъ и нагнулся къ Федѣ; ребенокъ улыбнулся и протянулъ къ нему свои блѣдныя ручонки. Старика перевернуло.

— Охъ, промолвилъ онъ, сиротливый! Умолилъ ты меня за отца; не оставляю я тебя, птенчикъ.

Маланья Сергѣевна, какъ вошла въ спальню Анны Павловны, такъ и стала на колѣни возлѣ двери. Анна Павловна подманила ее къ постели, обняла ее, благословила ея сына; потомъ, обративъ обглоданное жестокою болѣзнью лицо къ своему мужу, хотѣла было заговорить. . . .

— Знаю, знаю, о чемъ ты просить хочешь, промолвилъ Петръ Андреичъ: не печалься, она останется у насъ, и Ваньку для нея помилую. . . .

Анна Павловна съ усиліемъ поймала руку мужа и прижалась къ ней губами. Въ тотъ же вечеръ ея не стало.

Петръ Андреичъ сдержалъ свое слово. Онъ извѣстилъ сына, что для смертнаго часу его матери, для младенца Федора, онъ возвращаетъ ему свое благословеніе, и Маланью Сергѣевну оставляетъ у себя въ домѣ. Ей отвели двѣ комнаты въ

антресоляхъ; онъ представилъ ее своимъ почетнѣйшимъ гостямъ, кривому бригадиру Скурехину и женѣ его; подарилъ ей двухъ дѣвокъ и казачка для посылокъ. Марѳа Тимофеевна съ ней простилась; она возненавидѣла Глафиру и въ теченіе одного дня раза три поссорилась съ нею.

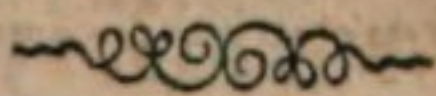
Тяжело и неловко было сперва бѣдной женщинѣ; но потомъ она обтерпѣлась и привыкла къ своему тестю; онъ тоже привыкъ къ ней, даже полюбилъ ее, хотя почти никогда не говорилъ съ ней, хотя въ самыхъ его ласкахъ къ ней замѣчалось какое-то невольное пренебреженіе.—Больше всего терпѣла Маланья Сергѣевна отъ своей золовки. Глафира еще при жизни матери успѣла понемногу забрать весь домъ въ руки; всѣ, начиная съ отца, ей покорялись; безъ ея разрѣшенія куска сахару не выдавалось; она скорѣе согласилась бы умереть, чѣмъ подѣлиться властью съ другою хозяйкой, — и какою еще хозяйкой! Свадьба брата раздражила ее еще больше, чѣмъ Петра Андреича; она взялась проучить выскочку, и Маланья Сергѣевна съ перваго же часа стала ея рабой. Да и гдѣ жъ ей было бороться съ самовольной, надменной Глафирой, ей безотвѣтной, постоянно смущенной и запуганной, слабой здоровьемъ? Дня не проходило, чтобъ Глафира не на-

помнила ей прежняго ея положенія, не похвалила бы ее за то, что она не забывается. Маланья Сергѣевна охотно помирилась бы на этихъ напоминовеніяхъ и похвалахъ, какъ горьки онѣ ни были.... но Оедю у нея отняли, — вотъ что ее сокрушало. — Подъ предлогомъ, что она не въ состояніи заниматься его воспитаніемъ, ее почти не допускали до него; Глафира взялась за это дѣло; ребенокъ поступилъ въ ея полное распоряженіе. — Маланья Сергѣевна съ горя начала въ своихъ письмахъ умолять Ивана Петровича, чтобы онъ вернулся поскорѣе; самъ Петръ Андреичъ желалъ увидѣть своего сына; но онъ все только отписывался, благодарилъ отца за жену, за присылаемые деньги, обѣщалъ пріѣхать вскорѣ, — и не ѣхалъ. Двѣнадцатый годъ вызвалъ его наконецъ изъ-за границы. Увидавшись въ первый разъ послѣ шестилѣтней разлуки, отецъ съ сыномъ обнялись и даже словомъ не помянули о прежнихъ раздорахъ; не до того было тогда: вся Россія поднималась на врага, и оба они почувствовали, что русская кровь течетъ въ ихъ жилахъ. Петръ Андреичъ на свой счетъ одѣлъ цѣлый полкъ ратниковъ. Но война кончилась, опасность миновалась; Иванъ Петровичъ опять заскучалъ, опять потянуло его въ даль, въ тотъ міръ, съ которымъ онъ сросся и гдѣ чув-

ствовалъ себя дома. — Маланья Сергѣевна не могла удержать его; она слишкомъ мало для него значила. Даже надежды ея не сбылись: мужъ ея также нашелъ, что гораздо приличнѣе поручить Глафирѣ воспитаніе Ѳеди. Бѣдная жена Ивана Петровича не перенесла этого удара, не перенесла вторичной разлуки; безропотно, въ нѣсколько дней угасла она; въ теченіе всей своей жизни не умѣла она ничему сопротивляться, и съ недугомъ она не боролась. Она уже не могла говорить, уже могильныя тѣни ложились на ея лицо, но черты ея по прежнему выражали терпѣливое недоумѣніе и постоянную кротость смиренія; съ той же нѣмой покорностью глядѣла она на Глафиру, и какъ Анна Павловна на смертномъ одрѣ поцѣловала руку Петра Андреича, такъ и она приложилась къ Глафириной рукѣ, поручая ей, Глафирѣ! — своего единственного сына. Такъ кончило свое земное поприщѣ тихое и доброе существо, Богъ знаетъ зачѣмъ выхваченное изъ родной почвы и тотчасъ же брошенное, какъ вырванное деревцо, корнями на солнце; оно увяло, оно пропало безъ слѣда, это существо, — и никто не горевалъ о немъ. — Пожалѣли о Маланьѣ Сергѣевнѣ ея горничныя, да еще Петръ Андреичъ. Старику недоставало ея добраго лица, ея молчаливаго присутствія. — Прости—про-

щай, моя безотвѣтная, прошепталъ онъ, кланаясь ей въ послѣдній разъ. Онъ плакалъ, бросая горсть земли въ ея могилу.

Онъ самъ не долго пережилъ ее, не болѣе пяти лѣтъ. Зимой 1819 года, онъ тихо скончался въ Москвѣ, куда переѣхалъ съ Глафирой и внукомъ, и завѣщалъ похоронить себя рядомъ съ Анной Павловной да съ «Малашей». Иванъ Петровичъ находился тогда въ Парижѣ, для своего удовольствія; онъ вышелъ въ отставку скоро послѣ 1815 года. Узнавъ о смерти отца, онъ рѣшился возвратиться въ Россію. Надобно было подумать объ устройствѣ имѣнія, да и Оедѣ, по письму Глафиры, минуло двѣнадцать лѣтъ и наступило время серьезно заняться его воспитаніемъ.

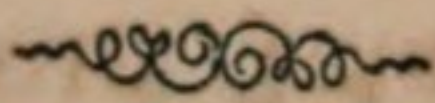
ГЛАВА X.

Иванъ Петровичъ вернулся въ Россію англома-
номъ. Коротко остриженные волосы, накрахмален-
ное жабо, долгополый гороховый сюртукъ со мно-
жествомъ воротничковъ, кислое выраженіе лица,
что-то рѣзкое и вмѣстѣ равнодушное въ обраще-
ніи, произношеніе сквозь зубы, деревянный вне-
запный хохоть, отсутствіе улыбки, исключительно
политическій и политико-экономическій разговоръ,
страсть къ кровавымъ ростбифамъ и портвейну —
все въ немъ такъ и вѣяло Великобританіей, весь
онъ казался пропитанъ ея духомъ. Но — чудное
дѣло! превратившись въ англomона, Иванъ Петро-
вичъ сталъ въ то же время патріотомъ, по край-
ней мѣрѣ онъ называлъ себя патріотомъ, хотя Рос-

сію зналъ плохо, не придерживался ни одной русской привычки и по-русски изъяснялся странно: въ обыкновенной бесѣдѣ рѣчь его, неповоротливая и вялая, вся пестрѣла галлицизмами; но чуть разговоръ касался предметовъ важныхъ, у Ивана Петровича тотчасъ являлись выраженія въ родѣ: «оказать новые опыты самоусердія»; «сіе не согласуется съ самою натурой обстоятельства» и т. д. Иванъ Петровичъ привезъ съ собою нѣсколько рукописныхъ плановъ, касавшихся до устройства и улучшенія государства; онъ очень былъ недоволенъ всѣмъ, что видѣлъ, — отсутствіе системы въ особенности возбуждало его жолчь. При свиданіи съ сестрою онъ съ первыхъ же словъ объявилъ ей, что онъ намѣренъ ввести коренныя преобразованія, что впредь у него все будетъ идти по новой системѣ. Глафира Петровна ничего не отвѣчала Ивану Петровичу, только зубы стиснула и подумала: «Куда же я-то дѣнусь?»—Впрочемъ, пріѣхавши въ деревню вмѣстѣ съ братомъ и племянникомъ, она скоро успокоилась.—Въ домѣ точно произошли нѣкоторыя перемѣны: приживальщики и тунеядцы подверглись немедленному изгнанію; въ числѣ ихъ пострадали двѣ старухи, одна—слѣпая, другая — разбитая параличемъ, да еще дряхлый майоръ очаковскихъ временъ, котораго, по причинѣ

его дѣйствительно-замѣчательной жадности, кормили однимъ чернымъ хлѣбомъ да чечевицей. Также вышелъ приказъ не принимать прежнихъ гостей: всѣхъ ихъ замѣнилъ дальній сосѣдъ, какой-то бѣлокурый золотушный баронъ, очень хорошо воспитанный и очень глупый человѣкъ. Появились новыя мѣбели изъ Москвы; завелись плевальницы, колокольчики, умывальные столики; завтракъ сталъ иначе подаваться; иностранныя вина изгнали водки и наливки; людямъ пошили новыя ливреи; къ фамильному гербу прибавилась подпись: «*in recto virtus*» . . . Въ сущности же власть Глафиры нисколько не уменьшилась; всѣ выдачи, покупки по прежнему отъ нея зависѣли; вывезенный изъ-за границы камердинеръ изъ эльзасцевъ попытался было съ нею потягаться, — и лишился мѣста, несмотря на то, что баринъ ему покровительствовалъ. Что же касается до хозяйства, до управленія имѣніями (Глафира Петровна входила и въ эти дѣла), то, несмотря на неоднократное выраженное Иваномъ Петровичемъ намѣреніе: вдохнуть новую жизнь въ этотъ хаосъ, — все осталось по старому, только оброкъ кой-гдѣ прибавился, да барщина стала потяжелѣе, да мужикамъ запретили обращаться прямо къ Ивану Петровичу. Патріотъ очень ужъ презиралъ своихъ согражданъ. Система

Ивана Петровича въ полной силѣ своей примѣнена
была только къ Ѳедѣ: воспитаніе его дѣйстви-
тельно подверглось «коренному преобразованію», —
отецъ исключительно занялся имъ.

ГЛАВА XI.

До возвращенія Ивана Петровича изъ-за границы Одея находился, какъ уже сказано, на рукахъ Глафиры Петровны. Ему не было восьми лѣтъ, когда мать его скончалась; онъ видѣлъ ее не каждый день, и полюбилъ ее страстно; память о ней, объ ея тихомъ и блѣдномъ лицѣ, объ ея унылыхъ взглядахъ и робкихъ ласкахъ навѣки запечатлѣлась въ его сердцѣ; но онъ смутно понималъ ея положеніе въ домѣ; онъ чувствовалъ, что между имъ и ею существовала преграда, которую она не смѣла и не могла разрушить. Отца онъ дичился, да и самъ Иванъ Петровичъ никогда не ласкалъ его; дѣдушка изрѣдка гладилъ его по головкѣ и допускалъ къ рукѣ, но называлъ его букой и считалъ дурачкомъ. Послѣ смерти Маланьи Сергѣевны, тетка окончательно за-

брала его въ руки. Одея боялся ея, боялся ея свѣтлыхъ и зоркихъ глазъ, ея рѣзкаго голоса; онъ не смѣлъ пикнуть при ней; бывало, онъ только что зашевелится на своемъ стулѣ, ужъ она и шипитъ: куда? Сиди смирно. — По воскресеньямъ послѣ обѣдни позволяли ему играть, то есть, давали ему толстую книгу, таинственную книгу, сочиненіе нѣкоего Максимовича-Амбодика, подъ заглавіемъ: «Символы и Эмблемы». Въ этой книгѣ помѣщалось около тысячи — частью весьма загадочныхъ рисунковъ, съ столь же загадочными толкованіями на пяти языкахъ. Купидонъ съ голымъ и пухлымъ тѣломъ игралъ большую роль въ этихъ рисункахъ. Къ одному изъ нихъ подъ названіемъ: «Шафранъ и Радуга», относилось толкованіе: «дѣйствіе сего есть бѣльшее»; противъ другаго, изображавшаго «Цаплю, летящую съ фіалковымъ цвѣткомъ во рту», стояла надпись: «Тебѣ всѣ они суть извѣстны.» — «Купидонъ и медвѣдь, лижущій своего медвѣженка» означали: «Мало-по-малу.» Одея разсматривалъ эти рисунки; всѣ были ему знакомы до малѣйшихъ подробностей: нѣкоторые, всегда одни и тѣже, заставляли его задумываться и будили его воображеніе; другихъ развлеченій онъ не зналъ. Когда наступила пора учить его языкамъ и музыкѣ, Глафира Петровна наняла за безцѣнокъ старую дѣвицу, шведку съ заячьими

глазами, которая съ грѣхомъ пополамъ говорила по-французски и по-нѣмецки, кое-какъ играла на фортепьяно, да сверхъ того отлично солила огурцы. Въ обществѣ этой наставницы, тетки, да старой сѣнной дѣвушки, Васильевны, провелъ Оедя цѣлыхъ четыре года. Бывало, сидитъ онъ въ уголку съ своими «Эмблемами»—сидитъ.... сидитъ; въ низкой комнатѣ пахнетъ гераніумомъ, тускло горитъ одна сальная свѣча, сверчокъ трещитъ однообразно, словно скучаетъ, маленькіе стѣнные часы торопливо чикаютъ на стѣнѣ, мышъ украдкой скребется и грызетъ за обоями, а три старыя дѣвы, словно Парки, молча и быстро шевелятъ спицами, тѣни отъ рукъ ихъ то бѣгаютъ, то странно дрожатъ въ полутьмѣ, и странныя, также полутемныя мысли роятся въ головѣ ребенка. Никто бы не назвалъ Оедю интереснымъ дитятей; онъ былъ довольно блѣденъ, но толстъ, нескладно сложенъ и неловокъ, — настоящій мужикъ, по выраженію Глафиры Петровны; блѣдность скоро бы исчезла съ его лица, еслибъ его почаще выпускали на воздухъ. Учился онъ порядочно, хотя часто лѣнился; онъ никогда не плакалъ; за то по временамъ находило на него дикое упрямство; тогда уже никто не могъ съ нимъ сладить. Оедя не любилъ никого изъ окружавшихъ его.... Горе сердцу не любившему съ молоду!

Такимъ-то нашелъ его Иванъ Петровичъ и, не теряя времени, принялся примѣнять къ нему свою систему. — Я изъ него хочу сдѣлать человѣка прежде всего, *un homme*, сказалъ онъ Глафирѣ Петровнѣ, и не только человѣка, но Спартанца. — Исполненіе своего намѣренія Иванъ Петровичъ началъ съ того, что одѣлъ сына по-шотландски; двѣнадцатилѣтній малый сталъ ходить съ обнаженными икрами и съ пѣтушьимъ перомъ на складномъ картузѣ; шведку замѣнилъ молодой Швейцарецъ, изучившій всѣ тонкости гимнастики; музыку, какъ занятіе недостойное мужчины, изгнали навсегда; естественныя науки, международное право, математика, столярное ремесло, по совѣту Жанъ-Жака Руссо, и геральдика, для поддержанія рыцарскихъ чувствъ, — вотъ чѣмъ долженъ былъ заниматься будущій «человѣкъ»; его будили въ четыре часа утра, тотчасъ окачивали холодною водою и заставляли бѣгать вокругъ высокаго столба на веревкѣ; ѣлъ онъ разъ въ день, по одному блюду, ѣздилъ верхомъ, стрѣлялъ изъ арбалета; при всякомъ удобномъ случаѣ упражнялся, по примѣру родителя, въ твердости воли и каждый вечеръ вносилъ въ особую книгу отчетъ прошедшаго дня и свои впечатлѣнія; а Иванъ Петровичъ съ своей стороны писалъ ему наставленія по-французски, въ которыхъ онъ назы-

валъ его *mon fils* и говорилъ ему *vous*. По-русски Оедя говорилъ отцу: ты, но въ его присутствіи не смѣлъ садиться. «Система» сбила съ толку мальчика, поселила путаницу въ его головѣ, притиснула ее; но за то на его здоровье новый образъ жизни благотѣтельно подѣйствовалъ: сначала онъ схватилъ горячку, но вскорѣ оправился и сталъ молодцомъ. Отецъ гордился имъ и называлъ его на своемъ странномъ нарѣчій: сынъ натуры, произведеніе мое. Когда Оедѣ минулъ шестнадцатый годъ, Иванъ Петровичъ почелъ за долгъ заблаговременно поселить въ него презрѣніе къ женскому полу, — и молодой Спартанецъ, съ робостью на душѣ, съ первымъ пухомъ на губахъ, полный соковъ, силъ и крови, уже старался казаться равнодушнымъ, холоднымъ и грубымъ.

Между тѣмъ время шло да шло. Иванъ Петровичъ большую часть года проводилъ въ Лаврикахъ (такъ называлось главное его родовое имѣніе), а по зимамъ пріѣзжалъ въ Москву одинъ, останавливался въ трактирѣ, прилежно посѣщалъ клубъ, ораторствовалъ и развивалъ свои планы въ гостиныхъ и болѣе чѣмъ когда либо держался англоманомъ, брюзгой и государственнымъ человѣкомъ. Но насталъ 1825 годъ и много принесъ съ собою горя. Близкіе знакомые и пріатели Ивана Петровича подверглись

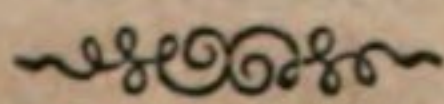
тяжкимъ испытаніямъ. Иванъ Петровичъ поспѣшилъ удалиться въ деревню и заперся въ своемъ домѣ. Прошелъ еще годъ, и Иванъ Петровичъ вдругъ захилѣлъ, ослабѣлъ, опустился: здоровье ему измѣнилось. Вольнодумецъ началъ ходить въ церковь и заказывать молебны; Европейецъ сталъ париться въ банѣ, обѣдать въ два часа, ложиться въ девять, засыпать подъ болтовню стараго дворецкаго; государственный человѣкъ сжегъ всѣ свои планы, всю переписку, трепеталъ передъ губернаторомъ и егозилъ передъ исправникомъ; человѣкъ съ закаленною волей хныкалъ и жаловался, когда у него вскакивалъ вередъ, когда ему подавали тарелку холоднаго супу. Глафира Петровна опять завладѣла всѣмъ въ домѣ; опять начали ходить съ задняго крыльца прикащики, бурмистры, простые мужики къ «старой колотовкѣ», — такъ прозывали ее дворовые люди. Перемена въ Иванѣ Петровичѣ сильно поразила его сына; ему уже пошелъ девятнадцатый годъ, и онъ начиналъ размышлять и высвободиться изъ подъ гнета давившей его руки; онъ и прежде замѣчалъ разладицу между словами и дѣлами отца, между его широкими либеральными теоріями и черствымъ, мелкимъ деспотизмомъ; но онъ не ожидалъ такого крутаго перелома. Застарѣлый эгоистъ вдругъ выказался весь. Молодой Лаврецкій собирался ѣхать въ

Москву, подготовиться въ университетъ, — неожиданное, новое бѣдствіе обрушилось на голову Ивана Петровича: онъ ослѣпъ, и ослѣпъ безнадежно, въ одинъ день.

Не довѣряя искусству русскихъ врачей, онъ сталъ хлопотать о позволеніи отправиться за границу. Ему отказали. Тогда онъ взялъ съ собою сына и цѣлыхъ три года проскитался по Россіи отъ одного доктора къ другому, безпрестанно переѣзжая изъ города въ городъ и приводя въ отчаяніе врачей, сына, прислугу своимъ малодушіемъ и нетерпѣніемъ. Совершенной тряпкой, плаксивымъ и капризнымъ ребенкомъ воротился онъ въ Лаврики. Наступили горькіе денѣчки, натерпѣлись отъ него всѣ. Иванъ Петровичъ утихалъ только, пока обѣдалъ; никогда онъ такъ жадно и такъ много не ѣлъ; все остальное время онъ ни себѣ, ни кому не давалъ покоя. Онъ молился, ропталъ на судьбу, бранилъ себя, бранилъ политику, свою систему, бранилъ все, чѣмъ хвастался и кичился, все, что ставилъ нѣкогда сыну въ образецъ; твердилъ, что ни во что не вѣритъ, — и молился снова; не выносилъ ни одного мгновенія одиночества и требовалъ отъ своихъ домашнихъ, чтобъ они постоянно, днемъ и ночью сидѣли возлѣ его креселъ и занимали его разказами, кото-

рые онъ то и дѣло прерывалъ восклицаніями: вы все врете, — экая чепуха!

Особенно доставалось Глафирѣ Петровнѣ; онъ рѣшительно не могъ обойтись безъ нея; и она до конца исполняла всѣ прихоти больного, хотя иногда не тотчасъ рѣшалась отвѣчать ему, чтобы звукомъ голоса не выдать душившей ее злобы. Такъ проскрипѣлъ онъ еще два года и умеръ въ первыхъ числахъ мая, вынесенный на балконъ, на солнце. «Глаша, Глашка! буліонцу, буліонцу, старая дур....» пролепеталъ его коснѣющій языкъ и, не договоривъ послѣдняго слова, умолкъ на вѣки. Глафира Петровна, которая только-что выхватила чашку буліону изъ рукъ дворецкаго, остановилась, посмотрѣла брату въ лицо, медленно, широко перекрестилась и удалилась молча; а тутъ же находившійся сынъ тоже ничего не сказалъ, оперся на перила балкона и долго глядѣлъ въ садъ, весь благовонный и зеленый, весь блестѣвшій въ лучахъ золотого весенняго солнца. Ему было двадцать три года; какъ страшно, какъ незамѣтно скоро пронеслись эти двадцать три года!... Жизнь открывалась передъ нимъ.

ГЛАВА XII.

Схоронивъ отца и поручивъ той же неизмѣнной Глафирѣ Петровнѣ завѣдываніе хозяйствомъ и надзоръ за прикащиками, молодой Лаврецкій отправился въ Москву, куда влекло его темное, но сильное чувство. Онъ сознавалъ недостатки своего воспитанія и вознамѣрился по возможности воротить упущенное. Въ послѣднія пять лѣтъ онъ много прочелъ и кое-что увидѣлъ; много мыслей перебродило въ его головѣ; любой профессоръ позавидовалъ бы нѣкоторымъ его познаніямъ, но въ то же время онъ не зналъ многого, что каждому гимназисту давнымъ-давно извѣстно. Лаврецкій сознавалъ, что онъ не свободенъ; онъ втайнѣ чувствовалъ себя чужакомъ. Недобрую шутку сыгралъ англоманъ съ своимъ сыномъ; капризное воспитаніе принесло

свои плоды. Долгіе годы онъ безотчетно смирялся передъ отцомъ своимъ; когда же наконецъ онъ разгадалъ его, дѣло уже было сдѣлано, привычки вкоренились; онъ не умѣлъ сходиться съ людьми; двадцати-трехъ лѣтъ отъ роду, съ неукротимой жаждой любви въ пристыженномъ сердцѣ, онъ еще ни одной женщинѣ не смѣлъ взглянуть въ глаза. При его умѣ, ясномъ и здоровомъ, но нѣсколько тяжеломъ, при его склонности къ упрямству, созерцанію и лѣни, ему бы слѣдовало съ раннихъ лѣтъ попасть въ жизненный водоворотъ, а его продержали въ искусственномъ уединеніи.... И вотъ заколдованный кругъ расторгся, а онъ продолжалъ стоять на одномъ мѣстѣ, замкнутый и сжатый въ самомъ себѣ. Смѣшно было въ его года надѣть студентскій мундиръ; но онъ не боялся насмѣшекъ, его спартанское воспитаніе хотъ на то пригодилося, что развило въ немъ пренебреженіе къ чужимъ толкамъ,—и онъ надѣлъ, не смущаясь, студентскій мундиръ. Онъ поступилъ въ физико-математическое отдѣленіе; здоровый, краснощекій, уже съ заросшей бородой, молчаливый, онъ производилъ странное впечатлѣніе на своихъ товарищей; они и не подозрѣвали того, что въ этомъ суровомъ мужѣ, аккуратно пріѣзжавшемъ на лекціи въ широкихъ деревенскихъ саняхъ парой, таился чуть не ребенокъ. Онъ имъ казался

какимъ-то мудренымъ педантомъ, они въ немъ не нуждались и не искали въ немъ, онъ избѣгалъ ихъ. Въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ, проведенныхъ имъ въ университетѣ, онъ сблизился только съ однимъ студентомъ, у котораго бралъ уроки въ латинскомъ языкѣ. Студентъ этотъ, по имени Михалевичъ, энтузіастъ и стихотворецъ, искренно полюбилъ Лаврецкаго и совершенно случайно сталъ виновникомъ важной переменны въ его судьбѣ.

Однажды, въ театрѣ (Мочаловъ находился тогда на высотѣ своей славы, и Лаврецкій не пропускалъ ни одного представленія) увидѣлъ онъ въ ложѣ бельэтажа дѣвушку, — и хотя ни одна женщина не проходила мимо его угрюмой фигуры, не заставивъ дрогнуть его сердце, никогда еще оно такъ сильно не билось. Облокотясь на бархатъ ложи, дѣвушка не шевелилась; чуткая, молодая жизнь играла въ каждой чертѣ ея смуглаго, круглаго, миловиднаго лица; изящный умъ сказывался въ прекрасныхъ глазахъ, внимательно и мягко глядѣвшихъ изъ подъ тонкихъ бровей, въ быстрой усмѣшкѣ выразительныхъ губъ, въ самомъ положеніи ея головы, рукъ, шеи; одѣта она была прелестно. Рядомъ съ нею сидѣла сморщенная и желтая женщина лѣтъ 45, декольте, въ чорномъ токѣ, съ беззубою улыбкой на напряженно-озабоченномъ и пустомъ лицѣ, а въ

углубленіи ложи виднѣлся пожилой мужчина, въ широкомъ сюртукѣ и высокомъ галстукѣ, съ выраженіемъ тупой вилчавости и какой-то заискивающей подозрительности въ маленькихъ глазкахъ, съ крашеными усами и бакенбардами, незначительнымъ огромнымъ лбомъ и измятыми щеками, по всѣмъ признакамъ отставной генералъ. Лаврецкій не отводилъ взора отъ поразившей его дѣвушки; вдругъ дверь ложи отворилась и вошелъ Михалевичъ. Появленіе этого человѣка, почти единственнаго его знакомаго во всей Москвѣ, появленіе его въ обществѣ единственной дѣвушки, поглотившей все его вниманіе, показалось Лаврецкому знаменательно и странно. Продолжая посматривать на ложу, онъ замѣтилъ, что всѣ находившіяся въ ней лица обращались съ Михалевичемъ, какъ съ стариннымъ пріателемъ. Представленіе на сценѣ перестало занимать Лаврецкаго; самъ Мочаловъ, хотя и былъ въ тотъ вечеръ «въ ударѣ», не производилъ на него обычнаго впечатлѣнія. Въ одномъ очень патетическомъ мѣстѣ Лаврецкій невольно взглянулъ на свою красавицу; она вся наклонилась впередъ; щеки ея пылали; подъ вліяніемъ его упорнаго взора, глаза ея, устремленные на сцену, медленно обратились и остановились на немъ. . . . Всю ночь мерещились ему эти глаза. Прорвалась наконецъ искусственно

возведенная плотина; онъ и дрожалъ, и горѣлъ, и на другой же день отправился къ Михалевичу. Онъ узналъ отъ него, что красавицу звали Варварой Павловной Коробьиной, что старикъ и старуха, сидѣвшіе съ ней въ ложѣ, были отецъ ея и мать, и что самъ онъ, Михалевичъ, познакомился съ ними годъ тому назадъ, во время своего пребыванія въ подмосковной на «кондиціи» у графа Н. Съ величайшей похвалой отозвался энтузіастъ о Варварѣ Павловнѣ.—Это, братъ ты мой, воскликнулъ онъ со свойственною ему порывистой пѣвучестью въ голосъ, — эта дѣвушка — изумительное, геніальное существо, артистка въ настоящемъ смыслѣ слова, и притомъ предобрая. — Замѣтивъ изъ распросовъ Лаврецкаго, какое впечатлѣніе произвела на него Варвара Павловна, онъ самъ предложилъ ему познакомить его съ нею, прибавивъ, что онъ у нихъ, какъ свой, что генералъ человѣкъ совсѣмъ не гордый, а мать такъ глупа, что только тряпки не со-сетъ. Лаврецкій покраснѣлъ, пробормоталъ что-то невнятное и убѣжалъ. Цѣлыхъ пять дней боролся онъ съ своею робостью; на шестой день молодой Спартанецъ надѣлъ новенькій мундиръ и отдался въ распоряженіе Михалевичу, который, будучи своимъ человѣкомъ, ограничился тѣмъ, что причесалъ себѣ волосы, — и оба отправились къ Коробьинымъ.

ГЛАВА XIII.

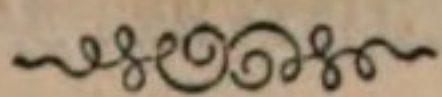
—

Отецъ Варвары Павловны, Павелъ Петровичъ Коробьинъ, генераль-майоръ въ отставкѣ, весь свой вѣкъ провелъ въ Петербургѣ на службѣ, слылъ въ молодости ловкимъ танцоромъ и фрунтовикомъ, находился, по бѣдности, адъютантомъ при двухъ-трехъ невзрачныхъ генералахъ, женился на дочери одного изъ нихъ, взявъ тысячь двадцать пять приданаго, до тонкости постигъ всю премудрость ученій и смотровъ; тянулъ, тянулъ лямку и наконецъ, годиковъ черезъ двадцать, добился генеральскаго чина, получилъ полкъ. Тутъ бы ему отдохнуть и упрочить, не спѣша, свое благосостояніе; онъ на это и рассчитывалъ, да немножко неосторожно повелъ дѣло; онъ придумалъ-было новое средство пустить въ оборотъ казенныя день-

★ ★

ги, — средство оказалось отличное, но онъ не въ-
 время поспешилъ: на него донесли; вышла болѣе
 чѣмъ непріятность, вышла скверная исторія. Кое-
 какъ отвертѣлся генераль отъ исторіи, но каррье-
 ра его лопнула; ему посовѣтовали выйти въ от-
 ставку. Года два потолкался онъ еще въ Петер-
 бургѣ, въ надеждѣ, не наскочить ли на него теп-
 ленькое статское мѣсто; но мѣсто на него не на-
 скакивало; дочь вышла изъ института, расходы уве-
 личивались съ каждымъ днемъ. . . . Скрѣпя сердце,
 рѣшился онъ переѣхать въ Москву на дешевые
 хлѣба, нанялъ въ Старой Конюшенной крошечный
 низенькій домъ съ саженымъ гербомъ на крышѣ,
 и зажилъ московскимъ отставнымъ генераломъ, тра-
 тя 2750 руб. сер. въ годъ. Москва—городъ хлѣбо-
 сольный, рада принимать встрѣчныхъ и попереч-
 ныхъ, а генераловъ и подавно; грузная, но не
 безъ военной выправки, фигура Павла Петровича
 скоро стала появляться въ лучшихъ московскихъ го-
 стиныхъ. Его голый затылокъ, съ косицами кра-
 шеныхъ волосъ и засаленой анненской лентой на
 галстукъ цвѣта воронова крыла, сталъ хорошо извѣ-
 стень всѣмъ скучливымъ и блѣднымъ юношамъ,
 угрюмо скитающимся во время танцевъ вокругъ
 игорныхъ столовъ. Павелъ Петровичъ съумѣлъ по-
 ставить себя въ обществѣ; говорилъ мало, но, по

старой привычкѣ, въ носъ, — конечно, не съ лицами чиновъ высшихъ; осторожно игралъ въ карты, дома ѣлъ умеренно, а въ гостяхъ за шестерыхъ. О женѣ его почти сказать нечего: звали ее Калліопой Карловной; изъ лѣваго ея глаза сочилась слезинка, въ силу чего Калліопа Карловна (притомъ же она была нѣмецкаго происхожденія) сама считала себя за чувствительную женщину; она постоянно чего-то все боялась, словно не доѣла, и носила узкія бархатныя платья, такъ и тусклые дутые браслеты. Единственной дочери Павла Петровича и Калліопы Карловны, Варварѣ Павловнѣ только-что минулъ семнадцатый годъ, когда она вышла изъ скаго института, гдѣ считалась, если не первою красавицей, то ужъ навѣрное первою умницей и лучшею музыкантшей, и гдѣ получила шифръ; ей еще девятнадцать лѣтъ не было, когда Лаврецкій увидѣлъ ее въ первый разъ.

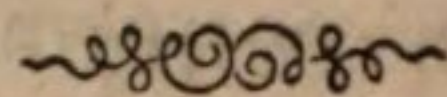

ГЛАВА XIV.

Ноги подкашивались у Спартанца, когда Михайличъ ввелъ его въ довольно плохо убранную гостиную Коробьиныхъ и представилъ хозяевамъ. Но овладѣвшее имъ чувство робости скоро исчезло: въ генералѣ врожденное всѣмъ русскимъ добродушіе еще усугублялось тою особеннаго рода привѣтливостью, которая свойственна всѣмъ, немного замараннымъ людямъ; генеральша какъ-то скоро ступала; что же касается до Варвары Павловны, то она была такъ спокойна и самоувѣренно-ласкова, что всякій въ ея присутствіи тотчасъ чувствовалъ себя какъ бы дома; притомъ отъ всего ея плѣнительнаго тѣла, отъ улыбавшихся глазъ, отъ невинно-покатыхъ плечей и блѣдно-розовыхъ рукъ, отъ легкой и въ тоже время какъ бы усталой походки,

отъ самаго звука ея голоса, замедленнаго, сладкаго, — вѣяло неуловимой, какъ тонкій запахъ — вкрадчивой, прелестью, мягкой, пока еще стыдливой, нѣгой, чѣмъ-то такимъ, что словами передать трудно, но что трогало и возбуждало, — и уже, конечно, возбуждало не робость. Лаврецкій навелъ рѣчь на театръ, на вчерашнее представленіе; она тотчасъ сама заговорила о Мочаловѣ и не ограничилась одними восклицаніями и вздохами, но произнесла нѣсколько вѣрныхъ и женски-проницательныхъ замѣчаній на счегъ его игры. Михалевичъ упомянулъ о музыкѣ; она, не чинясь, сѣла за фортепьяно и отчетливо сыграла нѣсколько шопеновскихъ мазурокъ, тогда только что входившихъ въ моду. Насталъ часъ обѣда; Лаврецкій хотѣлъ удалиться, но его удержали; за столомъ генералъ потчивалъ его хорошимъ лафитомъ, за которымъ генеральскій лакей на извожикѣ скакалъ къ Дебре. Поздно вечеромъ вернулся Лаврецкій домой и долго сидѣлъ, не раздѣваясь и закрывъ глаза рукою, въ оцѣпенѣніи очарованія. Ему казалось, что онъ теперь только понималъ, для чего стоить жить; всѣ его предположенія, намѣренія, весь этотъ вздоръ и прахъ, исчезли разомъ; вся душа его слилась въ одно чувство, въ одно желаніе, въ желаніе счастья, обладанія, любви, сладкой женской любви. Съ того дня онъ часто сталъ хо-

дять къ Коробьинымъ. Полгода спустя, онъ объяснился Варварѣ Павловнѣ и предложилъ ей свою руку. Предложеніе его было принято; генералъ давнымъ-давно, чуть ли не наканунѣ перваго посѣщенія Лаврецкаго, спросилъ у Михалевича, сколько у него, Лаврецкаго, душъ, да и Варварѣ Павловнѣ, которая во все время ухаживанія молодаго человѣка и даже въ самое мгновеніе признанія, сохранила обычную безмятежность и ясность души, и Варварѣ Павловнѣ хорошо было извѣстно, что женихъ ея богатъ, а Калліопа Карловна подумала: *Meine Tochter macht eine schöne Partie*, и купила себѣ новый токъ.

ГЛАВА XV.

Итакъ, предложеніе его было принято, но съ нѣкоторыми условіями. Во-первыхъ, Лаврецкій долженъ былъ немедленно оставить университетъ; кто жъ выходитъ за студента, да и что за странная мысль помѣщику, богатому, въ 26 лѣтъ, брать уроки, какъ школьнику? Во-вторыхъ, Варвара Павловна взяла на себя трудъ заказать и закупить приданое, выбрать даже жениховы подарки. У ней было много практическаго смысла, много вкуса, и очень много любви къ комфорту, много умѣнья доставлять себѣ этотъ комфортъ. Это умѣнье особенно поразило Лаврецкаго, когда, тотчасъ послѣ свадьбы, онъ вдвоемъ съ женою отправился въ удобной, ею купленной кареткѣ, въ Лаврики. Какъ все, что окру-

жало его, было обдуманно, предугадано, предусмотрѣно Варварой Павловной! Какіе появились въ разныхъ уютныхъ уголкахъ прелестные дорожные несесеры; какіе восхитительные туалетные ящики и кофейники, и какъ мило Варвара Павловна сама варила кофе по утрамъ! Впрочемъ Лаврецкому было тогда не до наблюденій: онъ блаженствовалъ, упоевался счастьемъ; онъ предавался ему какъ дитя.... Онъ и былъ невиненъ, какъ дитя, этотъ юный Алкидь. Недаромъ вѣяло прелестью отъ всего существа его молодой жены; недаромъ сулила она чувству тайную роскошь неизвѣданныхъ наслажденій: она сдержала больше, чѣмъ сулила. Пріѣхавши въ Лаврики въ самый разгаръ лѣта, она нашла домъ грязнымъ и темнымъ, прислугу смѣшною и устарѣлою, но не почла за нужное даже намекнуть о томъ мужу. Если бы она располагала основаться въ Лаврикахъ, она бы все въ нихъ передѣлала, начиная, разумѣется, съ дома; но мысль остаться въ этомъ степномъ захолустьи ни на мигъ не приходила ей въ голову; она жила въ немъ, какъ въ палаткѣ, кротко перенося всѣ неудобства и забавно подтрунивая надъ ними. Марфа Тимофеевна пріѣхала повидаться съ своимъ воспитанникомъ; она очень понравилась Варварѣ Павловнѣ, но ей Варвара Павловна не понравилась. Съ Глафирой Петровной но-

вая хозяйка тоже не поладила; она бы ее оставила въ покоѣ, но старику Коробьину захотѣлось запустить руки въ дѣла зятя. — Управлять имѣніемъ такого близкаго родственника, говорилъ онъ, не стыдно даже генералу. — Полагать должно, что Павелъ Петровичъ не погнушался бы заняться имѣніемъ и вовсе чуждаго ему человѣка. Варвара Павловна повела свою атаку весьма искусно; не выдаваясь впередъ, повидимому вся погруженная въ блаженство медовыхъ мѣсяцевъ, въ деревенскую тихую жизнь, въ музыку и чтеніе, она по-немногу довела Глафиру до того, что та въ одно утро вѣжала, какъ бѣшенная, въ кабинетъ Лаврецаго и, швырнувъ связку ключей на столъ, объявила, что не въ силахъ больше заниматься хозяйствомъ и не хочетъ оставаться въ деревнѣ. Надлежащимъ образомъ подготовленный Лаврецкій тотчасъ согласился на ея отъѣздъ. Этого Глафира Петровна не ожидала. «Хорошо — сказала она, и глаза ее потемнѣли, — я вижу, что я здѣсь лишняя; знаю, кто меня отсюда гонить, съ родоваго моего гнѣзда. Только ты помани мое слово, племянникъ: не свить же и тебѣ гнѣзда нигдѣ, скитаться тебѣ ввѣкъ. Вотъ тебѣ мой завѣтъ.» Въ тотъ же день она удалилась въ свою деревеньку, а черезъ недѣлю прибылъ генералъ Коробьинъ и съ пріятною меланхоліей во взгля-

дахъ и движеніяхъ принялъ управленіе всѣмъ имѣніемъ на свои руки.

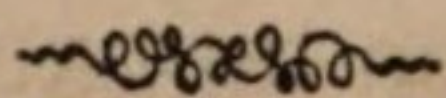
Въ сентябрѣ мѣсяцѣ Варвара Павловна увезла своего мужа въ Петербургъ. Двѣ зимы провела она въ Петербургѣ (на лѣто они переселялись въ Царское Село) въ прекрасной, свѣтлой, изящно мебелированной квартирѣ; много завели они знакомствъ въ среднихъ и даже высшихъ кругахъ общества, много выѣзжали и принимали, давали прелестнѣйшія музыкальныя и танцевальныя вечеринки. Варвара Павловна привлекала гостей, какъ огонь бабочекъ. Федору Ивановичу не совсѣмъ-то нравилась такая разсѣянная жизнь. Жена совѣтовала ему вступить на службу; онъ, по старой отцовской памяти да и по своимъ понятіямъ, не хотѣлъ служить, но въ угоду Варварѣ Павловнѣ оставался въ Петербургѣ. Впрочемъ онъ скоро догадался, что никто не мѣшалъ ему уединиться, что недаромъ у него самый покойный и уютный кабинетъ во всемъ Петербургѣ, что заботливая жена даже готова помочь ему уединяться, — и съ тѣхъ поръ все пошло прекрасно. Онъ принялся опять за собственное, по его мнѣнію недоконченное, воспитаніе, опять сталъ читать, приступилъ даже къ изученію англійскаго языка. Странно было видѣть его могучую, широко плечую фигуру, вѣчно согнутую надъ письменнымъ

столомъ, его полное, волосатое, румяное лицо до половины закрытое листами словаря или тетради. Каждое утро онъ проводилъ за работой, обѣдалъ отлично, (Варвара Павловна была хозяйка хоть куда) а по вечерамъ вступалъ въ очарованный, пахучій, свѣтлый міръ, весь населенный молодыми веселыми лицами — и средоточіемъ этого міра была та же рачительная хозяйка, его жена. Она порадовала его рожденіемъ сына, но бѣдный мальчикъ жилъ недолго; онъ умеръ весной, а лѣтомъ, по совѣту врачей, Лаврецкій повезъ жену за границу, на воды. Разсѣяніе было ей необходимо послѣ такого несчастья да и здоровье ея требовало теплаго климата. Лѣто и осень они провели въ Германіи и Швейцаріи, а на зиму, какъ оно и слѣдовало ожидать, поѣхали въ Парижъ. Въ парижѣ Варвара Павловна разцвѣла, какъ роза, и такъ же скоро и ловко, какъ въ Петербургѣ, съумѣла свить себѣ гнѣздышко. Квартиру она нашла премиленькую, въ одной изъ тихихъ, но модныхъ улицъ Парижа; мужу сшила такой шлафрокъ, какого онъ еще и не нашивалъ; наняла щегольскую служанку, отличную повариху, расторопнаго лакея; пріобрѣла восхитительную каретку, прелестный піанино. Не прошло недѣли, какъ уже она перебиралась черезъ улицу, носила шаль, раскрывала зонтикъ и надѣвала перчатки не хуже самой

чистокровной парижанки. И знакомыми она скоро обзавелась. Сперва къ ней ѣздили одни Русскіе, потомъ стали появляться Французы, весьма любезные, учтивые, холостые, съ прекрасными манерами, съ благозвучными фамиліями; всѣ они говорили скоро и много, развязно кланялись, пріятно щурили глаза; бѣлые зубы сверкали у всѣхъ подъ розовыми губами, — и какъ они умѣли улыбаться! Каждый изъ нихъ приводилъ своихъ друзей и *la belle madame de Lavretzki* скоро стала извѣстна отъ *Chaussee d'Antin* до *Rue de Lille*. Въ тѣ времена (дѣло происходило въ 1836 году) еще не успѣло развестись племя фельетонистовъ и хроникёровъ, которое теперь кишитъ повсюду, какъ муравьи въ разрытой кочкѣ: но уже тогда появлялся въ салонѣ Варвары Павловны нѣкто *M-r Jules*, неблаговидной наружности господинъ съ скандалёзной репутаціей, наглый и низкій, какъ всѣ дуэлисты и битые люди. Этотъ *M-r Jules* былъ очень противенъ Варварѣ Павловнѣ, но она его принимала, потому что онъ пописывалъ въ разныхъ газетахъ и безпрестанно упоминалъ о ней, называя ее то *M-me de L...tzki* то *M-me de****, *cette grande dame russe si distinguée, qui demeure rue de P....*; разказывалъ всему свѣту, т. е. нѣсколькимъ сотнямъ подписчиковъ, которымъ не было никакого дѣла до *M-me de L...tzki*, какъ

эта дама — настоящая по уму француженка (*une vraie française par l'esprit* — выше этого у французов похвалъ нѣтъ) мила и любезна, какая она необыкновенная музыкантша и какъ она удивительно вальсируетъ; (Варвара Павловна, дѣйствительно, такъ вальсировала, что увлекала всѣ сердца за краями своей легкой, улетающей одежды). . . . словомъ, пускалъ о ней молву по міру, — а вѣдь это, что ни говорите — пріятно. Дѣвица Марсъ уже сошла тогда со сцены, а дѣвица Рашель еще не появлялась; тѣмъ не менѣе Варвара Павловна прилежно посѣщала театры. Она приходила въ восторгъ отъ итальянской музыки и смѣялась надъ развалинами Одри, прилично зѣвала во французской комедіи и плакала отъ игры г-жи Дорваль въ какой-нибудь ультра-романтической мелодрамѣ; а главное, Листъ у ней игралъ два раза и такъ былъ милъ, такъ простъ — прелесть! Въ такихъ пріятныхъ ощущеніяхъ прошла зима, къ концу которой Варвара Павловна была даже представлена ко двору. Теодоръ Ивановичъ съ своей стороны не скучалъ, хотя жизнь подъ часъ тяжела становилась у него на плечахъ, — тяжела, потому что пуста. Онъ читалъ газеты, слушалъ лекціи въ *Sorbonne* и *Collège de France*, слѣдилъ за преніями палатъ, принялся за переводъ извѣстнаго ученаго сочиненія объ иррига-

ціяхъ. «Я не теряю времени,» думалъ онъ,—все это полезно; «но къ будущей зимѣ надобно непременно вернуться въ Россію и приняться за дѣло». Трудно сказать, ясно ли онъ сознавалъ, въ чемъ собственно состояло это дѣло, и — Богъ знаетъ, удалось ли бы ему вернуться въ Россію къ зимѣ; пока, онъ ѣхалъ съ женою въ Бадень-Бадень. . . . Неожиданный случай разрушилъ всѣ его планы.

ГЛАВА XVI.

Войдя однажды въ отсутствіи Варвары Павловны въ ея кабинетъ, Лаврецкій увидалъ на полу маленькую, тщательно сложенную бумажку. Онъ машинально ее поднялъ, машинально развернулъ и прочелъ слѣдующее, написанное на французскомъ языкѣ:

«Милый ангелъ Бетти! (я никакъ не рѣшаюсь
«назвать тебя «*Barbe* или Варвара (*Varvara*). Я на-
«прасно прождалъ тебя на углу бульвара; прихо-
«ди завтра въ половинѣ втораго на нашу квартирку.
«Твой добрый толстякъ (*ton gros bonhomme de mari*)
«объ эту пору обыкновенно зарывается въ свои
«книги; мы опять споемъ ту пѣсенку вашего по-
«эта *Пушкина* (*de votre poète Pouskine*), которой ты
«меня научила: Старый мужъ, грозный мужъ! —

«Тысячу поцалуетъ твоимъ ручкамъ и ножкамъ. Я
«жду тебя».

«Эрнестъ».

Лаврецкій не сразу понялъ, что такое онъ прочелъ; прочелъ во второй разъ — и голова у него закружилась, полъ заходилъ подъ ногами, какъ палуба корабля во время качки. Онъ и закричалъ, и задохнулся, и заплакалъ въ одно мгновенье. Онъ обезумѣлъ. Онъ такъ слѣпо довѣрялъ своей женѣ; возможность обмана, измѣны никогда не представлялась его мысли. Этотъ Эрнестъ, этотъ любовникъ его жены, былъ бѣлокурый смазливый мальчикъ лѣтъ 23-хъ, со вздернутымъ носикомъ и тонкими усиками, едва ли не самый ничтожный изъ всѣхъ ея знакомыхъ. Прошло нѣсколько минутъ, прошло полъ-часа; Лаврецкій все стоялъ, стискивая роковую записку въ рукѣ и безсмысленно глядя на полъ; сквозь какой-то темный вихрь мерещились ему блѣдныя лица; мучительно замирало сердце; ему казалось, что онъ падалъ, падалъ, падалъ.... и конца не было. Знакомый, легкій шумъ шелковаго платья вывелъ его изъ оцѣпененія; Варвара Павловна въ шляпѣ и шали торопливо возвращалась съ прогулки. Лаврецкій затрепеталъ весь и бросился вонъ; онъ почувствовалъ, что въ это мгновенье онъ былъ въ

состояніи истерзать ее, избить ее до полу-смерти, по-мужицки, задушить ее своими руками. Изумленная Варвара Павловна хотѣла остановить его; онъ могъ только прошептать: Бетти, — и выбѣжалъ изъ дому.

Лаврецкій взялъ карету и велѣлъ везти себя за-городъ. Весь остатокъ дня и всю ночь до утра пробродилъ онъ, безпрестанно останавливаясь и всплескивая руками: онъ то безумствовалъ, то ему становилось какъ будто смѣшно, даже какъ будто весело. Утромъ онъ прозябъ и зашелъ въ дрянной загородный трактиръ, спросилъ комнату и сѣлъ на стулъ передъ окномъ. Судорожная зѣвота напала на него. Онъ едва держался на ногахъ, тѣло его изнемогало — а онъ и не чувствовалъ усталости, — за то усталость брала свое: онъ сидѣлъ, глядѣлъ и ничего не понималъ; не понималъ, что съ нимъ такое случилось, отчего онъ очутился одинъ, съ одеревенѣлыми членами, съ горечью во рту, съ камнемъ на груди, въ пустой незнакомой комнатѣ; онъ не понималъ, что заставило ее, Варю, отдаться этому Французу, и какъ могла она, зная себя невѣрной, быть по прежнему спокойной, по прежнему ласковой и довѣрчивой съ нимъ! «Ничего не понимаю!» шептали его засохшія губы. — Кто мнѣ поручится

теперь, что и въ Петербургѣ.... И онъ не доканчивалъ вопроса и зѣвалъ опять, дрожа и пожимаясь всѣмъ тѣломъ. Свѣтлыя и темныя воспоминанія одинаково его терзали; ему вдругъ пришло въ голову, что на дняхъ она при немъ и при Эрнестѣ сѣла за фортепьяно и спѣла: «Старый мужъ, грозный мужъ!» Онъ вспомнилъ выраженіе ея лица, странный блескъ глазъ и краску на щекахъ, — и онъ поднялся со стула, онъ хотѣлъ пойти сказать имъ: «вы со мной напрасно пошутили; прадѣдъ мой мужиковъ за рѣбра вѣшалъ, а дѣдъ мой самъ былъ мужикъ» — да убить ихъ обоихъ. То вдругъ ему казалось, что все, что съ нимъ дѣлается, сонъ, и даже не сонъ, а такъ, вздоръ какой-то; что стоить только встряхнуться, оглянуться.... Онъ оглядывался, и какъ ястребъ когтитъ пойманную птицу, глубже и глубже врѣзывалась тоска въ его сердце. Къ довершенію всего, Лаврецкій черезъ нѣсколько мѣсяцевъ надѣялся быть отцомъ... Прошедшее, будущее, вся жизнь была отравлена. — Онъ вернулся наконецъ въ Парижъ, остановился въ гостиницѣ и послалъ Варварѣ Павловнѣ записку г-на Эрнеста съ слѣдующимъ письмомъ:

«Прилагаемая бумажка вамъ объяснить всё.
«Кстати скажу вамъ, что я не узналъ васъ: вы,

«такая всегда аккуратная, роняете такія важныя бумаги». (Эту фразу бѣдный Лаврецкій готовилъ и лелѣялъ въ теченіи нѣсколькихъ часовъ). «Я не могу больше васъ видѣть; полагаю, что и вы не должны желать свиданія со мною. Назначаю вамъ 15,000 франковъ въ годъ; больше дать не могу. Присылайте вашъ адресъ въ деревенскую контору. Дѣлайте, что хотите; живите, гдѣ хотите. Желаю вамъ счастья. Отвѣта не нужно».

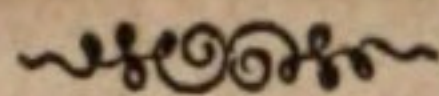
Лаврецкій написалъ женѣ, что не нуждается въ отвѣтѣ.... но онъ ждалъ, онъ жаждалъ отвѣта, объясненія этого непонятнаго, непостижимаго дѣла. Варвара Павловна въ тотъ же день прислала ему большое французское письмо. Оно его доконало; послѣднія его сомнѣнія исчезли, — и ему стало стыдно, что у него оставались еще сомнѣнія. Варвара Павловна не оправдывалась: она желала только увидать его, умоляла не осуждать ее безвозвратно. Письмо было холодно и напряженно, хотя кой-гдѣ виднѣлись пятна слезъ. — Лаврецкій усмѣхнулся горько и велѣлъ сказать черезъ посланнаго, что все очень хорошо. Три дня спустя, его уже не было въ Парижѣ; но онъ поѣхалъ не въ Россію, а въ Италію. Онъ самъ не зналъ, почему онъ выбралъ именно Италію; ему въ сущности было все равно

куда ни ѣхать, — лишь бы не домой. Онъ послалъ предписаніе своему бурмистру на счетъ женниной пенсіи, приказывая ему въ то же время немедленно принять отъ генерала Коробьина всѣ дѣла по имѣнію, не дожидаясь сдачи счетовъ, и распорядиться о выѣздѣ его превосходительства изъ Лавриковъ; живо представилъ онъ себѣ смущеніе, тщетную величавость изгоняемаго генерала и, при всемъ своемъ горѣ, почувствовалъ нѣкоторое злобное удовольствіе. Тогда же попросилъ онъ въ письмѣ Глафиру Петровну вернуться въ Лаврики и отправилъ на ея имя довѣренность; но Глафира Петровна въ Лаврики не вернулась и сама припечатала въ газетахъ объ уничтоженіи довѣренности, что было совершенно излишне. Скрываясь въ небольшомъ италіанскомъ городкѣ, Лаврецкій еще долго не могъ заставить себя не слѣдить за женою. Изъ газетъ онъ узналъ, что она изъ Парижа поѣхала, какъ располагала, въ Бадень-Бадень; имя ея скоро появилось въ статейкѣ, подписанной тѣмъ же мусье Жюлемъ. Въ этой статейкѣ сквозь обычную игривость проступало какое-то дружественное соболѣзнованіе; очень гадко сдѣлалось на душѣ Оедора Иваныча при чтеніи этой статейки. Потомъ онъ узналъ, что у него родилась дочь; мѣсяца черезъ два получилъ онъ отъ бурмистра извѣщеніе о

томъ, что Варвара Павловна вытребовала себѣ первую треть своего жалованья. — Потомъ стали ходить все болѣе и болѣе дурные слухи; наконецъ съ шумомъ пронеслась по всѣмъ журналамъ трагикомическая исторія, въ которой жена его играла не завидную роль.... Все было кончено: Варвара Павловна стала «извѣстностью».

Лаврецкій пересталъ слѣдить за нею; но не скоро могъ съ собою сладить. Иногда такая брала его тоска по женѣ, что онъ, казалось, все бы отдалъ, даже пожалуй.... простилъ бы ее, лишь бы услышать снова ея ласковый голосъ, почувствовать снова ея руку въ своей рукѣ. Однако время шло не даромъ. Онъ не былъ рожденъ страдальцемъ: его здоровая природа вступила въ свои права. Много стало ему ясно; самый ударъ, поразившій его, не казался ему болѣе непредвидѣннымъ; онъ понялъ свою жену, — близкаго человѣка только тогда и поймешь вполнѣ, когда съ нимъ разстанешься. Онъ опять могъ заниматься, работать, хотя уже далеко не съ прежнимъ рвеніемъ; скептицизмъ, подготовленный опытами жизни, воспитаніемъ, окончательно забрался въ его душу. Онъ сталъ очень равнодушенъ ко всему. Прошло года четыре и онъ почувствовалъ себя въ силахъ возвратиться на роди-

ну, встрѣтиться съ своими. Не останавливаясь ни въ Петербургѣ, ни въ Москвѣ, прибылъ онъ въ городъ О., гдѣ мы разстались съ нимъ и куда мы просимъ теперь благосклоннаго читателя вернуться вмѣстѣ съ нами.

ГЛАВА XVII.

На другое утро послѣ описаннаго нами дня, часу въ десятомъ, Лаврецкій всходилъ на крыльцо Кали-тинскаго дома. Ему навстрѣчу вышла Лиза въ шляпкѣ и въ перчаткахъ.

— Куда вы? спросилъ онъ ее.

— Къ обѣднѣ. Сегодня воскресенье.

— А развѣ вы ходите къ обѣднѣ?

Лиза молча, съ изумленіемъ, посмотрѣла на него.

— Извините пожалуйста, проговорилъ Лаврецкій, я... я не то хотѣлъ сказать, я пришелъ проститься съ вами, я черезъ часъ ѣду въ деревню.

— Вѣдь это отсюда не далеко? спросила Лиза.

— Верстѣ двадцать пять.

На порогъ двери появилась Леночка въ сопровожденіи горничной.

— Смотрите, не забывайте насъ, промолвила Лиза и спустилась съ крыльца.

— И вы не забывайте меня. Да послушайте, прибавилъ онъ, вы идете въ церковь; помолитесь, кстати, и за меня.

Лиза остановилась и обернулась къ нему.

— Извольте, сказала она, прямо глядя ему въ лицо, я помолюсь и за васъ. Пойдемъ, Леночка.

Въ гостиной Лаврецкій засталъ Марію Дмитріевну одну. Отъ нея пахло одеколономъ и мятой. У ней, по ея словамъ, болѣла голова, и ночь она провела безпокойно. Она приняла его съ обычною своею томной любезностью и понемногу разговаривалась.

— Не правда ли, спросила она его, — какой Владиміръ Николаичъ пріятный молодой человѣкъ?

— Какой это Владиміръ Николаичъ?

— Да Паншинъ, вотъ, что вчера здѣсь былъ. Вы ему ужасно понравились; я вамъ скажу по секрету, *mon cher cousin*, онъ просто безъ ума отъ моей Лизы. Чтѣжь? Онъ хорошей фамиліи, служить прекрасно, уменъ, ну, камеръ-юнкеръ, и если на то будетъ воля Божія, я съ своей стороны, какъ мать, очень буду рада.—Отвѣтственность, конечно, большая; конечно отъ родителей зависитъ счастье дѣтей, да вѣдь и то сказать: до сихъ

поръ, худо ли, хорошо ли, а вѣдь все я, вездѣ я одна, какъ есть; и воспитала-то дѣтей, и учила ихъ, все я. . . . я вотъ и теперь мамзель отъ г-жи Бюлюсь выписала. . . .

Марья Дмитріевна пустилась въ описаніе своихъ заботъ, стараній, своихъ материнскихъ чувствъ. Лаврецкій слушалъ ее молча и вертѣлъ въ рукахъ шляпу. Его холодный, тяжелый взглядъ смутилъ разболтавшуюся барыню.

— А лиза какъ вамъ нравится? спросила она.

— Лизавета Михайловна прекраснѣйшая дѣвица, возразилъ Лаврецкій, всталъ, откланялся и зашелъ къ Марѣ Тимофеевнѣ. Марья Дмитріевна съ неудовольствіемъ посмотрѣла ему вслѣдъ и подумала: экой тюлень, мужикъ! Ну, теперь я понимаю, почему его жена не могла остаться ему вѣрной.

Марѣа Тимофеевна сидѣла у себя въ комнатѣ, окруженная своимъ штатомъ. Онъ состоялъ изъ пяти существъ, почти одинаково близкихъ ея сердцу: изъ толстозобаго ученаго снѣгиря, котораго она полюбила за то, что онъ пересталъ свистать и таскать воду, маленькой, очень пугливой и смирной собаченки Роски, сердитаго кота Матроса, черномазой вертлявой дѣвочки лѣтъ девяти, съ огромными глазами и вострымъ носикомъ, которую звали Шурочкой, — и пожилой женщины

лѣтъ пятидесяти пяти, въ бѣломъ чепцѣ и коричневой кургузой кацавейкѣ на темномъ платьѣ, по имени Настасьи Карповны Огарковой. Шурочка была мѣщаночка, круглая сирота. Марѳа Тимофеевна взяла ее къ себѣ изъ жалости, какъ и Роску; и собаченку, и дѣвочку она нашла на улицѣ; обѣ были худы и голодны, обѣихъ мочилъ осенній дождь; за Роской никто не погнался, а Шурочку даже охотно уступилъ Марѳѣ Тимофеевнѣ ея дядя, пьяный башмачникъ, который самъ не доѣдалъ и племянницу не кормилъ, а колотилъ по головѣ колодкой. Съ Настасьей Карповной Марѳа Тимофеевна свела знакомство на богомольи, въ монастырѣ; сама подошла къ ней въ церкви, (она понравилась Марѳѣ Тимофеевнѣ за то, что, по ея словамъ, очень вкусно молилась), сама съ ней заговорила и пригласила ее къ себѣ на чашку чаю. Съ того дня она уже не разставалась съ ней. Настасья Карповна была женщина самого веселаго и кроткаго нрава, вдова бездѣтная, изъ бѣдныхъ дворянокъ; голову имѣла круглую, сѣдую, мягкія бѣлыя руки, мягкое лицо съ крупными, добрыми чертами и нѣсколько смѣшнымъ, вздернутымъ носомъ; она благоговѣла передъ Марѳой Тимофеевной и та ее очень любила, хотя подтрунивала надъ ея нѣжнымъ сердцемъ: она чувствовала слабость ко всѣмъ молодымъ

людямъ и невольно краснѣла, какъ дѣвочка, отъ самой невинной шутки. Весь ея капиталецъ состоялъ изъ 1200 рублей ассигнаціями; она жила на счетъ Марѣы Тимофеевны, но на ровной съ ней ногѣ. Марѣа Тимофеевна не вынесла бы подобострастья.

— А! Оеда! начала она, какъ только увидала его, — вчера вечеромъ ты не видѣлъ моей семьи: полюбуйся. Мы всѣ къ чаю собрались; это у насъ второй, праздничный чай. Всѣхъ поласкать можешь: только Шурочка не дастся, а котъ оцарапаетъ. Ты сегодня ѣдешь?

— Сегодня. — Лаврецкій присѣлъ на низкое стульце. — Я уже съ Марьей Дмитріевной простился. Я и Лизавету Михайловну видѣлъ.

— Зови ее Лизой, отецъ мой; что за Михайловна она для тебя? Да сиди смирно, а то ты Шурочкинъ стулъ сломаешь.

— Она къ обѣднѣ шла, продолжалъ Лаврецкій. Развѣ она богомольна?

— Да, Оеда, очень. Больше насъ съ тобою, Оеда.

— А вы развѣ не богомольны; замѣтила, пришепетывая, Настасья Карповна. И сегодня къ ранней обѣднѣ не пошли, а къ поздней пойдете.

— Анъ нѣтъ; ты одна пойдешь; облѣнилась я, мать моя, возразила Марѣа Тимофеевна, — чаемъ

ужь очень себя балую. — Она говорила Настасьѣ Карповнѣ: ты, хотя и жила съ ней на ровной ногѣ, — не даромъ же она была Пестова. Трое Пестовыхъ значатся на синодикѣ Ивана Васильевича Грознаго. Марфа Тимофеевна это знала.

— Скажите пожалуйста, началъ опять Лаврецкій: — мнѣ Марья Дмитріевна сейчасъ говорила объ этомъ. . . . какъ бишь его? Паншинѣ. Что это за господинъ?

— Экая она болтушка, прости Господи! проворчала Марфа Тимофеевна; — чай, подъ секретомъ тебѣ сообщила, что вотъ, молъ, какой навертывается женихъ. Шушукала бы съ своимъ поповичемъ; нѣтъ видно ей мало. И вѣдь нѣтъ еще ничего, да и слава Богу! а она уже болтаетъ.

— Почему же слава Богу? спросилъ Лаврецкій.

— А потому, что молодецъ мнѣ не нравится; да и чему тутъ радоваться?

— Не нравится онъ вамъ?

— Да, не всѣхъ же ему плѣнять. Будетъ съ него и того, что вотъ Настасья Карповна въ него влюблена.

Бѣдная вдова вся всполошилась.

— Что вы это, Марфа Тимофеевна, Бога вы не боитесь! воскликнула она, и румянецъ мгновенно разлился у ней по лицу и по шеѣ.

— И вѣдь знаетъ, плуть — перебила ее Марѳа Тимофеевна, знаетъ чѣмъ ее прельстить: табатерку ей подарилъ. Ѳедя, попроси у ней табачку понюхать; ты увидишь, табатерка какая славная: на крышкѣ гусаръ на конѣ представленъ. Ужь ты лучше, мать моя, не оправдывайся.

Настасья Карповна только руками отмахивалась.

— Ну, а Лиза, спросилъ Лаврецкій, къ нему равнодушна?

— Кажется, онъ ей нравится, — а впрочемъ Господь ее вѣдаетъ! Чужая душа, ты знаешь, темный лѣсъ, а дѣвичья и подавно. Вотъ и Шурочкину душу, — поди, разбери! Зачѣмъ она прячется, а не уходитъ, съ тѣхъ поръ какъ ты пришелъ?

Шурочка фыркнула подавленнымъ смѣхомъ и выскочила вонъ, а Лаврецкій поднялся съ своего мѣста.

— Да, промолвилъ онъ съ разстановкой, — дѣвичью душу не разгадаешь.

Онъ сталъ прощаться.

— Чтожь? скоро мы тебя увидимъ? спросила Марѳа Тимофеевна.

— Какъ придется, тетушка; тутъ вѣдь недалеко.

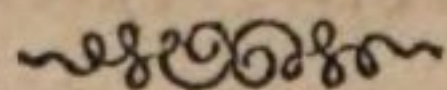
— Да, вѣдь ты въ Васильевское ѣдешь. Ты не

хочешь жить въ Лаврикахъ: — ну, это твое дѣло; только съѣзди ты, поклонись гробу матери твоей, да и бабкину гробу кстати. Ты тамъ за границей всякаго ума набрался, а кто знаетъ, можетъ быть, онѣ и почувствуютъ въ своихъ могилкахъ, что ты къ нимъ пришелъ. Да не забудь, Одея, по Глафирѣ Петровнѣ тоже панафиду отслужить; вотъ гебѣ и цѣлковый. Возьми, возьми, это я по ней хочу отслужить панафиду. Я ее при жизни не любила, а нечего сказать, съ характеромъ была дѣвка. Умница была; ну и тебя не обидѣла. А теперь ступай съ Богомъ, а то я тебѣ надоѣмъ.

И Марѳа Тимофеевна обняла своего племянника.

— А Лизѣ за Паншинымъ не быть, не беспокойся; не такого мужа она стоитъ.

— Да я нисколько и не беспокоюсь, отвѣчалъ Лаврецкій и удалился.

ГЛАВА XVIII.

Часа четыре спустя, онъ ѣхалъ домой. Тарантасъ его быстро катился по проселочной, мягкой дорогѣ. Недѣли двѣ какъ стояла засуха; тонкій туманъ разливался молокомъ въ воздухъ и застилалъ отдаленные лѣса; отъ него пахло гарью. Множество темноватыхъ тучекъ съ неясно-обрисованными краями расползались по блѣдно-голубому небу; довольно крѣпкій ветеръ мчался сухой, непрерывной струей, не разгоняя зноя. Приложившись головой къ подушкѣ и скрестивъ на груди руки, Лаврецкій глядѣлъ на пробѣгавшіе вѣеромъ загоны полей, на медленно мелькавшія ракиты, на глухихъ воронъ и грачей, съ тупой подозрительностью взиравшихъ бокомъ на проѣзжавшій экипажъ, на длинныя межи, заросшія чернобыльникомъ, полынью и полевой

рябинкой; онъ глядѣлъ. . . . и эта свѣжая, степная, тучная голь и глушь, эта зелень, эти длинные холмы, овраги съ приземистыми дубовыми кустами, сѣрыя деревеньки, жидкія березы — вся эта, давно имъ невиданная, русская картина навѣвала на его душу сладкія и въ тоже время почти скорбныя чувства, давила грудь его какимъ-то пріятнымъ давленіемъ. Мысли его медленно бродили; очертанія ихъ были также неясны и смутны, какъ очертанія тѣхъ высокихъ, тоже какъ будто бы бродившихъ, тучекъ. Вспомнилъ онъ свое дѣтство, свою мать, вспомнилъ, какъ она умирала, какъ поднесли его къ ней, и какъ она, прижимая его голову къ своей груди, начало-было слабо голосить надъ нимъ, да взглянула на Глафиру Петровну — и умолкла. Вспомнилъ онъ отца, сперва бодрого, всѣмъ недовольнаго, съ мѣднымъ голосомъ, — потомъ слѣпаго, плаксиваго, съ неопрятной сѣдой бородой; вспомнилъ, какъ онъ однажды за столомъ, выпивъ лишнюю рюмку вина и заливъ себѣ салфетку соусомъ, вдругъ засмѣялся и началъ, мигая ничего не видѣвшими глазами и краснѣя, рассказывать про свои побѣды; вспомнилъ Варвару Павловну — и невольно прищурился, какъ щурится человѣкъ отъ мгновенной внутренней боли, и встряхнулъ головой. Потомъ мысль его остановилась на Лизѣ.

— Вотъ, подумалъ онъ, — новое существо только что вступаетъ въ жизнь. Славная дѣвушка, что-то изъ нея выйдетъ? Она и собой хороша. Блѣдное, свѣжее лицо, глаза и губы такія серьезныя и взглядъ честный и невинный. Жаль, она, кажется, восторженна немножко. Ростъ славный, и такъ легко ходить, и голосъ тихій. Очень я люблю, когда она вдругъ остановится, слушаетъ со вниманіемъ, безъ улыбки, потомъ задумается и откинетъ назадъ свои волосы. Точно, мнѣ самому сдается, Паншинъ ея не стоитъ. Однако, чѣмъ же онъ дурень? А впрочемъ, чего я размечтался? Побѣжить и она по той же дорожкѣ, по какой всѣ бѣгаютъ. Лучше я сосну. — И Лаврецкій закрылъ глаза.

Заснуть онъ не могъ, но погрузился въ дремотное дорожное онѣмѣніе. Образы прошедшаго, по прежнему, не спѣша, поднимались, всплывали въ его душѣ, мѣшаясь и путаясь съ другими представленіями. Лаврецкій, Богъ знаетъ почему, сталъ думать о Робертѣ Пилѣ.... о французской исторіи.... о томъ, какъ бы онъ выигралъ сраженіе, еслибъ онъ былъ генераломъ; ему чудились выстрѣлы и крики.... Голова его скользила на бокъ, онъ открывалъ глаза.... Тѣже поля, тѣже степные виды; стертыя подковы пристяжныхъ попеременно сверкаютъ сквозь волнистую пыль; рубаха ямщика, желтая,

съ красными ластовицами, надувается отъ вѣтра.... «Хорошъ возвращаюсь я на родину» — промелькнуло у Лаврецкаго въ головѣ; и онъ закричалъ: «пошелъ!» запахнулъ въ шинель и плотнѣе прижался къ подушкѣ. Тарантасъ толкнуло: Лаврецкій выпрямился и широко раскрылъ глаза. Передъ нимъ на пригоркѣ тянулась небольшая деревенька; немного вправо виднѣлся ветхій господскій домикъ, съ закрытыми ставнями и кривымъ крылечкомъ; по широкому двору, отъ самыхъ воротъ росла крапива, зеленая и густая, какъ конопля; тутъ же стоялъ дубовый, еще крѣпкій анбарчикъ. Это было Васильевское.

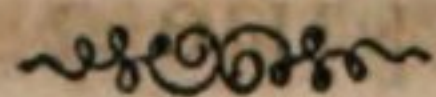
Ямщикъ повернулъ къ воротамъ, остановилъ лошадей; лакей Лаврецкаго приподнялся на козлахъ и, какъ бы готовясь соскочить, закричалъ: гей! Раздался сиплый, глухой лай; но даже собаки не показались; лакей снова приготовился соскочить и закричалъ: гей! Повторился дряхлый лай и спустя мгновенье на дворъ, низвѣстно откуда, выбѣжалъ человекъ въ нанковомъ кафтанѣ, съ бѣлой, какъ снѣгъ, головой; онъ посмотрѣлъ, защищая глаза отъ солнца, на тарантасъ, ударилъ себя вдругъ обѣими руками по ляжкамъ, сперва немного заметался на мѣстѣ, потомъ бросился отворять ворота. Тарантасъ въѣхалъ на дворъ, шурша колесами по кра-

пивѣ, и остановился передъ крыльцомъ. Бѣлоголовый человѣкъ, весьма повидимому юркій, уже стоялъ, широко и криво разставивъ ноги на послѣдней ступенькѣ, отстегнулъ передокъ, судорожно дернувъ къ верху кожу, и помогая барину спуститься на землю, поцаловалъ у него руку.

— Здравствуй, здравствуй, братъ, проговорилъ Лаврецкій: — тебя, кажется, Антономъ зовутъ? Ты живъ еще?

Старикъ молча поклонился и побѣжалъ за ключами. Пока онъ бѣгалъ, ямщикъ сидѣлъ неподвижно, сбочась и поглядывая на запертую дверь; а лакей Лаврецкаго, какъ спрыгнулъ, такъ и остался въ живописной позѣ, закинувъ одну руку на козлы. Старикъ принесъ ключи и, безо всякой нужды изгибаясь какъ змѣя и высоко поднимая локти, отперъ дверь, посторонился и опять поклонился въ поясъ.

— Вотъ я и дома, вотъ я и вернулся, подумалъ Лаврецкій, входя въ крошечную переднюю, между тѣмъ какъ ставни со стукомъ и визгомъ отворялись одинъ за другимъ и дневной свѣтъ проникалъ въ опустѣлые покои.

ГЛАВА XIX.

—

Небольшой домикъ, куда пріѣхалъ Лаврецкій и гдѣ два года тому назадъ скончалась Глафира Петровна, былъ выстроенъ въ прошломъ столѣтіи, изъ прочнаго сосноваго лѣсу; онъ на видъ казался ветхимъ, но могъ простоять еще лѣтъ пятьдесятъ или болѣе. Лаврецкій обошелъ всѣ комнаты и, къ великому безпокойству старыхъ, вялыхъ мухъ съ бѣлой пылью на спинѣ, неподвижно сидѣвшихъ подъ приотлками, велѣлъ всюду открыть окна: съ самой смерти Глафиры Петровны никто не отпиралъ ихъ. Все въ домѣ осталось, какъ было: тонконогіе бѣлые диванчики въ гостиной, обитые глянцовитымъ сѣрымъ штофомъ, протертые и продавленные, живо напоминали Екаторининскія времена; въ гостиной же стояло любимое кресло хозяйки, съ высокой и

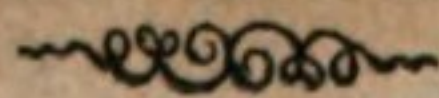
прямой спинкой, къ которой она и въ старости не прислонялась. На главной стѣнѣ висѣлъ старинный портретъ Федорова прадѣда, Андрея Лаврецкаго; темное, жолчное лицо едва отдѣлялось отъ почернѣвшаго и покоробленнаго фона; небольшіе злые глаза угрюмо гдѣбли изъ подъ нависшихъ, словно опухшихъ вѣкъ; черные волосы безъ пудры щоткой вздымались надъ тяжелымъ, изрытымъ лбомъ. На углу портрета висѣлъ вѣнокъ изъ запыленныхъ иммортелей: «Сами Глафира Петровна извоили плести», доложилъ Антонъ. Въ спальнѣ возвышалась узкая кровать подъ пологомъ изъ стародавей, весьма добротной полосатой матеріи; горка полинялыхъ подушекъ и стеганое жидкое одѣяльце лежали на кровати, а у изголовья висѣлъ образъ Введенія во храмъ Пресвятой Богородицы, тотъ самый образъ, къ которому старая дѣвица, умирая одна и всѣми забытая, въ послѣдній разъ приложилась уже хладѣющими губами. Туалетный столикъ изъ штучнаго дерева, съ мѣдными бляхами и кривымъ зеркальцемъ, съ почернѣлой позолотой, стоялъ у окна. Рядомъ съ спальней находилась образная, маленькая комнатка, съ голыми стѣнами и тяжелымъ кіотомъ въ углу; на полу лежалъ истертый и закапанный воскомъ коверчикъ; Глафира Петровна клала на немъ земные поклоны. Антонъ отправился

съ лакеемъ Лаврецаго отпирать конюшню и сарай; на мѣсто его явилась старушка, чуть ли не ровесница ему, повязанная платкомъ по самыя брови; голова ея тряслась и глаза глядѣли тупо, но выражали усердіе, давнишнюю привычку служить безотвѣтно, и въ тоже время — какое-то почтительное сожалѣніе. Она подошла къ ручкѣ Лаврецаго и остановилась у двери, въ ожиданіи приказаній. Онъ рѣшительно не помнилъ, какъ ее звали, не помнилъ даже, видѣлъ ли ее когда нибудь; оказалось, что ее звали Апраксѣей; лѣтъ сорокъ тому назадъ, таже Глафира Петровна сослала ее съ барскаго двора и велѣла ей быть птичницей; впрочемъ она говорила мало, — словно изъ ума выжила, — а глядѣла подобострастно. Кромѣ этихъ двухъ стариковъ да трехъ пузатыхъ ребятишекъ въ длинныхъ рубашонкахъ, Антоновыхъ правнуковъ, жилъ еще на барскомъ дворѣ однорукій безтягольный мужичонка; онъ бормоталъ, какъ тетеревъ, и не былъ способенъ ни на что; немногимъ полезнѣе его была драхлая собака, привѣтствовавшая лаемъ возвращеніе Лаврецаго: она уже лѣтъ десять сидѣла на тяжелой цѣпи, купленной по распоряженію Глафиры Петровны, и едва-едва была въ состояніи двигаться и влачить свою ношу. Осмотрѣвъ домъ, Лаврецкій вышелъ въ садъ и остался имъ доволенъ.

Онъ весь заросъ бурьяномъ, лопухами, крыжовникомъ и малиной; но въ немъ было много тѣни, много старыхъ липъ, которыя поражали своею громадностью и страннымъ расположеніемъ сучьевъ: онѣ были слишкомъ тѣсно посажены и когда-то — лѣтъ сто тому назадъ — стрижены. Садъ оканчивался небольшимъ свѣтлымъ прудомъ съ каймой изъ высокаго красноватаго тростника. Слѣды человѣческой жизни гложутъ очень скоро: усадьба Глафиры Петровны не успѣла одичать, но уже казалась погруженной въ ту тихую дрѣму, которой дремлетъ все на землѣ, гдѣ только нѣтъ людской, безпокойной заразы. Ѳедоръ Ивановичъ прошелся также по деревнѣ; бабы глядѣли на него съ порогу своихъ избъ, подпирая щеку рукою; мужики издали кланялись, дѣти бѣжали прочь, собаки равнодушно лаяли. Ему наконецъ захотѣлось ѣсть; но онъ ожидалъ свою прислугу и повара только къ вечеру; обозъ съ провизіей изъ Лавриковъ еще не прибывалъ, — пришлось обратиться къ Антону. Антонъ сейчасъ распорядился: поймалъ, зарѣзалъ и ошпаль старую курицу; Апраксѣя долго терла и мыла ее, стирала ее, какъ бѣлье, прежде чѣмъ положила ее въ кастрюлю; когда она наконецъ сварилась, Антонъ накрылъ и убралъ столъ, поставилъ передъ приборомъ почернѣвшую солонку аплике о трехъ

ножкахъ и граненый графинчикъ съ круглой стеклянной пробкой и узкимъ горлышкомъ; потомъ доложилъ Лаврецкому пѣвучимъ голосомъ, что кушанье готово, — и самъ сталъ за его стуломъ, обвернувъ правый кулакъ салфеткой и распространя какой-то крѣпкій, древній запахъ, подобный запаху кипарисоваго дерева. Лаврецкій отвѣдалъ супу и досталъ курицу; кожа ея была вся покрыта крупными пупырушками; толстая жила шла по каждой ногѣ, мясо отзывалось древесиной и щолокомъ. Пообѣдавъ, Лаврецкій сказалъ, что онъ выпилъ бы чаю, если... «Сею минутою-съ подамъ-съ», перебилъ его старикъ, — и сдержалъ свое обѣщаніе. Сыскалась щепотка чаю, завернутая въ клочокъ красной бумаги; сыскался небольшой, но прерьяный и шумливый самоварчикъ, сыскался и сахаръ въ очень маленькихъ, словно обтаявшихъ кускахъ. Лаврецкій напился чаю изъ большой чашки; онъ еще съ дѣтства помнилъ эту чашку: игорныя карты были изображены на ней, изъ нея пили только гости, — и онъ пилъ изъ нея, словно гость. Къ вечеру прибыла прислуга; — Лаврецкому не захотѣлось лечь въ теткиной кровати; онъ велѣлъ постлатъ себѣ постель въ столовой. Погасивъ свѣчку, онъ долго глядѣлъ вокругъ себя и думалъ не веселую думу; онъ испытывалъ чувство, знакомое каждому чело-

вѣку, которому приходится въ первый разъ ночевать въ давно необитаемомъ мѣстѣ; ему казалось, что обступившая его со всѣхъ сторонъ темнота не могла привыкнуть къ новому жильцу, что самыя стѣны дома недоумѣваютъ. Наконецъ онъ вздохнулъ, натянулъ на себя одѣяло и заснулъ. Антонъ дольше всѣхъ остался на ногахъ; онъ много шептался съ Апраксѣй, охалъ въ полъ-голоса, раза два перекрестился; они оба не ожидали, чтобы баринъ поселился у нихъ въ Васильевскомъ, когда у него подъ-бокомъ было такое славное имѣнье съ отлично-устроенной усадьбой; они и не подозрѣвали, что самая эта усадьба была противна Лаврецкому: она возбуждала въ немъ тягостныя воспоминанія. Нашептавшись вдоволь, Антонъ взялъ палку, поколотилъ по висячей, давно безмолвной доскѣ у анбара и тутъ же прикорнулъ на дворѣ, ничѣмъ не прикрывъ свою бѣлую голову. Майская ночь была тиха и ласкова, — и сладко спалось старику.

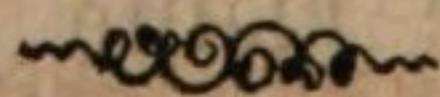
ГЛАВА XX.

—

На другой день Лаврецкій всталъ довольно рано, потолковалъ со старостой, побывалъ на гумнѣ, велѣлъ снять цѣпь съ дворной собаки, которая только полаяла немного, но даже не отошла отъ своей кануры, — и, вернувшись домой, погрузился въ какое-то мирное оцѣпенѣніе, изъ котораго не выходилъ цѣлый день. «Вотъ когда я попалъ на самое дно рѣки», сказалъ онъ самому себѣ не однажды. Онъ сидѣлъ подъ окномъ, не шевелился и словно прислушивался къ теченью тихой жизни, которая его окружала, къ рѣдкимъ звукамъ деревенской глуши. Вотъ гдѣ-то за крапивою кто-то напѣваетъ тонкимъ-тонкимъ голоскомъ; комаръ словно вторитъ ему. Вотъ онъ пересталъ, а комаръ все пищитъ; сквозь дружное, назойливо-жалобное жуж-

жаніе мухъ раздаётся гудѣнье толстаго шмеля, который то и дѣло стучится головой о потолокъ; пѣтухъ на улицѣ закричалъ, хрипло вытягивая послѣднюю ноту, простучала телега, на деревнѣ скрипятъ ворота. «Чего?» задребезжалъ вдругъ бабій голосъ. «Охъ ты мой сударикъ», говоритъ Антонъ двухъ-лѣтней дѣвчкѣ, которую нянчить на рукахъ. «Квасъ неси», повторяетъ тотъ же бабій голосъ, — и вдругъ находитъ тишина мертвая; ничто не стукнетъ, не шелохнется; вѣтеръ листкомъ не шевельнетъ; ласточки несутся безъ крика одна за другой по землѣ, — и печально становится на душѣ отъ ихъ безмолвнаго налета. «Вотъ когда я на днѣ рѣки», думаетъ опять Лаврецкій. «И всегда, во всякое время тиха и неспѣшна здѣсь жизнь», думаетъ онъ; «кто входитъ въ ея кругъ — покоряйся: здѣсь не зачѣмъ волноваться, нечего мутить; здѣсь только тому и удача, кто прокладываетъ свою тропинку не торопясь, какъ пахарь борозду плугомъ. И какая сила кругомъ, какое здоровье въ этой бездѣйственной тиши! Вотъ тутъ подъ окномъ коренастый лопухъ лѣзетъ изъ густой травы; надъ нимъ вытягиваетъ зоря свой сочный стебель; богородицны слѣзки еще выше выкидываютъ свои розовыя кудри; а тамъ дальше, въ поляхъ лоснится рожь, и овесъ уже пошелъ въ трубочку, и ши-

рится во всю ширину свою каждый листъ на каждомъ деревѣ, каждая травка на своемъ стеблѣ. На женскую любовь ушли мои лучшіе годы», продолжаетъ думать Лаврецкій; «пусть же вытрезвить меня здѣсь скука, пусть успокоить меня, подготовить къ тому, чтобы и я умѣлъ не спѣша дѣлать дѣло.» И онъ снова принимается прислушиваться къ тишинѣ, ничего не ожидая, — и въ то же время какъ будто безпрестанно ожидая чего-то: тишина обнимаетъ его со всѣхъ сторонъ; солнце катится тихо по спокойному синему небу, и облака тихо плывутъ по немъ: кажется, онѣ знаютъ, куда и зачѣмъ они плывутъ. Въ то самое время, въ другихъ мѣстахъ на землѣ кипѣла, торопилась, грохотала жизнь; здѣсь таже жизнь текла неслышно, какъ вода по болотнымъ травамъ; и до самого вечера Лаврецкій не могъ оторваться отъ созерцанія этой уходящей, утекающей жизни; скорбь о прошедшемъ таяла въ его душѣ, какъ весенній снѣгъ, — и странное дѣло! — никогда не было въ немъ такъ глубоко и сильно чувство родины.

ГЛАВА XXI.

Въ теченіи двухъ недѣль Ѳедоръ Ивановичъ привелъ домикъ Глафиры Петровны въ порядокъ, разчистилъ дворъ, садъ; изъ Лавриковъ привезли ему удобную мебель, изъ города вино, книги, журналы; на конюшнѣ появились лошади; словомъ, Ѳедоръ Ивановичъ обзавелся всѣмъ нужнымъ и началъ жить — не то помѣщикомъ, не то отшельникомъ. Дни его проходили однообразно; но онъ не скучалъ, хотя никого не видѣлъ; онъ прилежно и внимательно занимался хозяйствомъ, ѣздилъ верхомъ по окрестностямъ, читалъ. Впрочемъ онъ читалъ мало: ему пріятнѣе было слушать рассказы старика Антона. Обыкновенно Лаврецкій садился съ трубкой табаку и чашкой холодного чаю къ окну; Антонъ становился у двери, заложивъ назадъ ру-

ки, — и начиналъ свои неторопливые рассказы о стародавнихъ временахъ, о тѣхъ баснословныхъ временахъ, когда овесъ и рожь продавались не мѣрками, а въ большихъ мѣшкахъ, по двѣ и по три копѣйки за мѣшокъ; когда во всѣ стороны, даже подъ городомъ тянулись непроходимые лѣса, не тронутыя степи. «А теперь», жаловался старикъ, которому уже стукнуло лѣтъ за восемьдесятъ, — «такъ все вырубили да распахали, что проѣхать негдѣ.» Также рассказывалъ Антонъ много о своей госпожѣ, Глафирѣ Петровнѣ: какія онѣ были разсудительныя и бережливыя; какъ нѣкоторый господинъ, молодой сосѣдъ, поддѣлывался-было къ нимъ, часто сталъ наѣзжать, — и какъ онѣ для него изволили даже надѣвать свой праздничный чепецъ съ лентами цвѣту массака и желтое платье изъ трю-трю-левантина; но какъ потомъ, разгнѣвавшись на господина сосѣда за неприличный вопросъ: «что, молъ, должонъ быть у васъ, сударыня, капиталъ?» приказали ему отъ дому отказать, и какъ онѣ тогда же приказали, чтобъ все, послѣ ихъ кончины до самомалѣйшей тряпицы, было представлено Федору Ивановичу. И точно: Лаврецкій нашелъ весь теткинъ скарбъ въ цѣлости, не выключая праздничнаго чепца съ лентами цвѣта массака и жолтаго платья изъ трю-трю-левантина.

Старинныхъ бумагъ и любопытныхъ документовъ, на которые разсчитывалъ Лаврецкій, не оказалось никакихъ, кромѣ одной ветхой книжки, въ которую дѣдушка его, Петръ Андреичъ, вписывалъ—тò: «Празднованіе въ городѣ Санктпетербургѣ замиренія, заключеннаго съ Турецкой имперіей его сіятельствомъ княземъ Александръ Александровичемъ Прозоровскимъ»; тò рецептъ груднаго *декохта* съ примѣчаніемъ: «Сіе наставленіе дано генеральшѣ Прасковѣ Ѳедоровнѣ Салтыковой отъ протопресвитера церкви Живоначальныя Троицы Ѳеодора Авксентьевича»; то политическую новость слѣдующаго рода: «О тиграхъ французахъ что-то замолкло»; — и тутъ же рядомъ: «Въ Московскихъ вѣдомостяхъ показано, что скончался господинъ преміеръ-маіоръ Михаилъ Петровичъ Колычевъ. Не Петра ли Васильевича Колычева сынъ?» Лаврецкій нашелъ также нѣсколько старыхъ календарей и сонниковъ и таинственное сочиненіе г. Амбодика; много воспоминаній возбудили въ немъ давно-забытыя, но знакомыя «Символы и Эмблемы.» Въ туалетномъ столикѣ Глафиры Петровны Лаврецкій нашелъ небольшой пакетъ, завязанный черной ленточкой, запечатанный чернымъ сургучомъ и засунутый въ самую глубь ящика. Въ пакетѣ лежали лицомъ къ лицу пастелевый портретъ его отца въ

молодости, съ мягкими кудрями, рассыпанными по лбу, съ длинными томными глазами и полу-раскрытымъ ртомъ, — и почти стертый портретъ блѣдной женщины въ бѣломъ платьѣ, съ бѣлымъ розаномъ въ рукѣ, — его матери. Съ самой себя Глафира Петровна никогда не позволила снять портрета. «Я, батюшка, Ѳедоръ Ивановичъ», говаривалъ Лаврецкому Антонъ, — «хоша и въ господскихъ хоромахъ тогда жительства не имѣлъ, а вашего пра-дѣдушку, Андрея Аѳанасьича помню, — какъ же: мнѣ, когда они скончались, восемнадцатый годочекъ пошелъ. Разъ я имъ въ саду встрѣлся, — такъ даже поджилки затряслись; однако они ничего, только спросили, какъ зовутъ, — и въ свои покои за носовымъ платкомъ послали. Баринъ былъ, что и говорить, — и старшѣго надъ собой не зналъ. Потому была, доложу вамъ, у вашего пра-дѣдушки чудная така ладонка; съ Аѳонской горы имъ монахъ ту ладонку подарилъ. И сказалъ онъ ему этта монахъ-то: за твое, бояринъ, радушіе сіе тебѣ дарю; носи — и суда не бойся. Ну, да вѣдь тогда, батюшка, извѣстно, какія были времена: что баринъ восхотѣлъ, то и творилъ. Бывало, кто даже изъ господъ вздумаетъ имъ перечить, такъ они только посмотрятъ на него да скажутъ: мелко плаваешь; — самое это у нихъ было любимое слово.

И жилъ онъ, вашъ блаженный памяти прадѣдушка, въ хоромахъ деревянныхъ малыхъ; а что добра послѣ себя оставилъ, серебра что, всякихъ запасовъ, — всѣ подвалы биткомъ набиты были. Хозяинъ былъ. Тотъ-то графинчикъ, что вы похвалить изволили, — ихъ былъ: изъ него водку кушали. А вотъ дѣдушка вашъ Петръ Андреичъ и палаты себѣ поставилъ каменные, а добра не нажилъ; все у нихъ пошло *хинею*; и жили они хуже папенькинаго, и удовольствій никакихъ себѣ не производили, — а денежки всѣ порѣшилъ, и помянуть его нечѣмъ; ложки серебряной отъ нихъ не осталось, — и то еще спасибо, Глафира Петровна порада.»

— А правда ли, перебивалъ его Лаврецкій:—ее старой колотовкой звали?

— Да вѣдь кто звалъ! возражалъ съ неудовольствіемъ Антонъ. . . .

— А что, батюшка, — рѣшился спросить однажды старикъ, — что наша барынька, гдѣ изволить свое пребываніе имѣть?

— Я развелся съ женою, проговорилъ съ усиліемъ Лаврецкій: — пожалуйста, не спрашивай о ней.

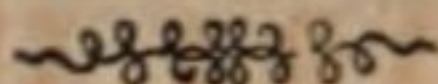
— Слушаю-съ, печально возразилъ старикъ.

По прошествіи трехъ недѣль, Лаврецкій поѣхалъ верхомъ въ О. . . . къ Калитинымъ и провелъ у нихъ

вечеръ. Леммъ былъ у нихъ; онъ очень понравился Лаврецкому. Хотя, по милости отца, онъ ни на какомъ инструментѣ не игралъ, однако страстно любилъ музыку, музыку дѣльную, классическую. Паншина въ тотъ вечеръ у Калитиныхъ не было. Губернаторъ услалъ его куда-то за городъ. Лиза играла одна, и очень отчетливо; Леммъ оживился, расходился, свернулъ бумажку трубочкой и дирижировалъ. Марья Дмитриевна сперва смѣялась, глядя на него, потомъ ушла спать; по ея словамъ, Бетговенъ слишкомъ волновалъ ея нервы. Въ полночь Лаврецкій проводилъ Лемма на квартиру и просидѣлъ у него до трехъ часовъ утра. Леммъ много говорилъ; сутулина его выпрямилась, глаза расширились и заблестали, самые волосы приподнялись надо лбомъ. Уже такъ давно никто не принималъ въ немъ участя, а Лаврецкій видимо интересовался имъ, заботливо и внимательно расспрашивалъ его. Старика это тронуло; онъ кончилъ тѣмъ, что показалъ гостю свою музыку, сыгралъ и даже спѣлъ мертвеннымъ голосомъ нѣкоторые отрывки изъ своихъ сочиненій, между прочимъ цѣлую положенную имъ на музыку балладу Шиллера: Фридолинъ. Лаврецкій похвалилъ его, заставилъ кое-что повторить и, уѣзжая, пригласилъ его къ себѣ погостить на нѣсколько дней. Леммъ, проводившій его

до улицы, тотчасъ согласился и крѣпко пожалъ его руку; но оставшись одинъ на свѣжемъ и сыромъ воздухѣ, при только что занимавшейся зарѣ, оглянулся, прищурился, съежился и, какъ виноватый, побрелъ въ свою комнатку. «*Ich bin wohl nicht klug*» (я не въ своемъ умѣ) пробормоталъ онъ, ложась въ свою жесткую и короткую постель. Онъ попытался сказатьсь больнымъ, когда нѣсколько дней спустя Лаврецкій заѣхалъ за нимъ въ коляскѣ; но Ѳедоръ Ивановичъ вошелъ къ нему въ комнату и уговорилъ его. Сильнѣе всего подѣйствовало на Лемма то обстоятельство, что Лаврецкій собственно для него велѣлъ привести къ себѣ въ деревню фортепьяно изъ города. Они вдвоемъ отправились къ Калитинымъ и провели у нихъ вечеръ, но уже не такъ пріятно, какъ въ послѣдній разъ. Паншинъ былъ тамъ, много рассказывалъ о своей поѣздкѣ, очень забавно передразнивалъ и представлялъ видѣнныхъ имъ помѣщиковъ; Лаврецкій смѣялся, но Леммъ не выходилъ изъ своего угла, молчалъ, тихо шевелился весь, какъ паукъ, глядѣлъ угрюмо и тупо, и оживился только тогда, когда Лаврецкій сталъ прощаться. Даже сидя въ коляскѣ, старикъ продолжалъ дичиться и ёжиться; но тихій, теплый воздухъ, легкій вѣтерокъ, легкія тѣни, запахъ травы, березовыхъ почекъ, мирное сіянье безлуннаго звѣзд-

наго неба, дружный топоть и фыркание лошадей, всѣ обаянія дороги, весны, ночи — спустились въ душу бѣднаго нѣмца, и онъ самъ первый заговорилъ съ Лаврецкимъ.

ГЛАВА XII.

Онъ сталъ говорить о музыкѣ, о Лизѣ, потомъ опять о музыкѣ. Онъ какъ будто медленнѣе произносилъ слова, когда говорилъ о Лизѣ. Лаврецкій навелъ рѣчь на его сочиненія и полушутя предложилъ ему написать для него либретто.

— Гмъ, либретто! возразилъ Леммъ: — нѣтъ, это не по мнѣ; у меня уже нѣтъ той живости, той игры воображенія, которая необходима для оперы; я уже теперь лишился силъ моихъ; но еслибъ я могъ еще что нибудь сдѣлать, я бы удовольствовался романсомъ; конечно, я желалъ бы хорошихъ словъ.

Онъ умолкъ и долго сидѣлъ неподвижно и поднявъ глаза на небо.

— Напримѣръ, проговорилъ онъ наконецъ, —

чтонибудь въ такомъ родѣ: — вы, звѣзды, о вы, чистыя звѣзды!...

Лаврецкій слегка обернулся къ нему лицомъ и сталъ глядѣть на него.

— Вы, звѣзды, чистыя звѣзды, повторилъ Леммъ... Вы взираете одинаково на правыхъ и на виновныхъ.... но одни невинные сердцемъ, или что нибудь въ этомъ родѣ... васъ понимаютъ, то есть, нѣтъ, — васъ любятъ. Впрочемъ, я не поэтъ, — куда мнѣ? Но что нибудь въ этомъ родѣ, что нибудь высокое.

Леммъ отодвинулъ шляпу на затылокъ; въ тонкомъ сумракѣ свѣтлой ночи лицо его казалось блѣднѣе и моложе.

— И вы тоже, продолжалъ онъ постепенно утихавшихъ голосомъ, — вы знаете, кто любить, кто умѣетъ любить, потому что вы, чистыя, вы однѣ можете утѣшить.... нѣтъ, это все не то; я не поэтъ, промолвилъ онъ: — но что нибудь въ этомъ родѣ.

— Мнѣ жаль, что и я не поэтъ, замѣтилъ Лаврецкій.

— Пустыя мечтанья, возразилъ Леммъ и углубился въ уголь коляски. Онъ закрылъ глаза, какъ бы собираясь заснуть.

Прошло нѣсколько мгновеній... Лаврецкій при-

слушался.... Звѣзды, чистыя звѣзды, любовь, — шепталъ старикъ.

— Любовь, повторилъ про себя Лаврецкій, задумался и тяжело стало у него на душѣ.

— Прекрасную вы написали музыку на Фридолина, Христофоръ Ѳедорычъ, промолвилъ онъ громко: — а какъ вы полагаете, этотъ Фридолинъ, послѣ того, какъ графъ привелъ его къ женѣ, вѣдь онъ тутъ-то и сдѣлался ея любовникомъ, — а?

— Это вы такъ думаете, возразилъ Леммъ: — потому что, вѣроятно, опытъ... Онъ вдругъ умолкъ и въ смущеніи отвернулся. Лаврецкій принужденно засмѣялся, тоже отвернулся и сталъ глядѣть на дорогу.

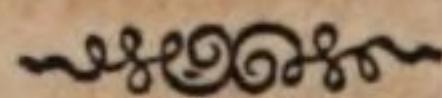
Звѣзды уже начинали блѣднѣть и небо сѣрѣло, когда коляска подъѣхала къ крыльцу домика въ Васильевскомъ. Лаврецкій проводилъ своего гостя въ назначенную ему комнату, вернулся въ кабинетъ и сѣлъ передъ окномъ. Въ саду пѣлъ соловей свою послѣднюю, передразвѣтную пѣснь. Лаврецкій вспомнилъ, что и у Калитиныхъ въ саду пѣлъ соловей; онъ вспомнилъ также тихое движеніе Лизиныхъ глазъ, когда при первыхъ его звукахъ они обратились къ темному окну. Онъ сталъ думать о ней и сердце въ немъ утихло. Чистая дѣвушка, прогово-

рилъ онъ въ полголоса: — чистыя звѣзды, прибавилъ онъ съ улыбкой и спокойно легъ спать.

А Леммъ долго сидѣлъ на своей кровати съ нотной тетрадкой на колѣняхъ. Казалось, небывалая, сладкая мелодія собиралась посѣтить его: онъ уже горѣлъ и волновался, онъ чувствовалъ уже истому и сладость ея приближенія. . . . но онъ не дождался ея.

— Не поэтъ и не музыкантъ, прошепталъ онъ наконецъ. . . .

И усталая голова его тяжело опустилась на подушку.

ГЛАВА XXIII.

На другое утро хозяинъ и гость пили чай въ саду подъ старой липой.

— Маэстро! сказалъ между прочимъ Лаврецкій:— вамъ придется скоро сочинять торжественную кантату.

— По какому случаю?

— А по случаю бракосочетанія г. Паншина съ Лизой. Замѣтили ли вы, какъ онъ вчера за ней ухаживалъ? Кажется, у нихъ уже все идетъ на ладъ.

— Этого не будетъ! воскликнулъ Леммъ.

— Почему?

— Потому что это невозможно. Впрочемъ, прибавилъ онъ погода немного, — на свѣтѣ все возможно. Особенно здѣсь у васъ, въ Россіи.

— Россію мы оставимъ пока въ сторонѣ; но что же дурного находите вы въ этомъ бракѣ?

— Все дурно, все. Лизавета Михайловна дѣвица справедливая, серьезная, съ возвышенными чувствами, — а онъ. . . . онъ дил-лет-тантъ, однимъ словомъ.

— Да вѣдь она его любитъ?

Леммъ всталъ со скамейки.

— Нѣтъ, она его не любитъ, то-есть, она очень чиста сердцемъ и не знаетъ сама, что это значитъ: любить. Мадамъ фонъ-Калитинъ ей говоритъ, что онъ хорошій молодой человѣкъ, а она слушается мадамъ фонъ-Калитинъ, потому что она еще совсемъ дитя, хоть ей и девятнадцать лѣтъ: молится утромъ, молится вечеромъ, — и это очень похвально; но она его не любитъ. Она можетъ любить одно прекрасное, а онъ не прекрасенъ, то-есть, душа его не прекрасна.

Леммъ произнесъ всю эту рѣчь связно и съ жаромъ, расхаживая маленькими шагами взадъ и впередъ передъ чайнымъ столикомъ и бѣгая глазами по землѣ.

— Дражайшій маэстро! воскликнулъ вдругъ Лаврецкій: — мнѣ сдается, что вы сами влюблены въ мою кузину.

Леммъ вдругъ остановился.

— Пожалуйста, началъ онъ невѣрнымъ голосомъ: — не шутите такъ надо мною. Я не безумецъ; я въ темную могилу гляжу, не въ розовую будущность.

Лаврецкому стало жаль старика; онъ попросилъ у него прощенія. Леммъ послѣ чая съигралъ ему свою кантату, а за обѣдомъ, вызванный самимъ Лаврецькимъ, опять разговорился о Лизѣ. Лаврецькій слушалъ его со вниманіемъ и любопытствомъ.

— Какъ вы думаете, Христофоръ Ѳедорычъ? сказалъ онъ наконецъ: — вѣдь у насъ теперь, кажется, все въ порядкѣ; садъ въ полномъ цвѣту. Не пригласить ли ее сюда на день вмѣстѣ съ ея матерью и моею старушкой теткой, — а? Вамъ это будетъ пріятно?

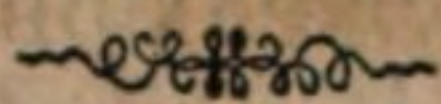
Леммъ наклонилъ голову надъ тарелкой.

— Пригласите, проговорилъ онъ.

— А Паншина не надобно?

— Не надобно, возразилъ старикъ съ почти-дѣтской улыбкой.

Дня два спустя, Ѳедоръ Ивановичъ отправился въ городъ къ Калитинымъ.

ГЛАВА XXIV.

Онъ засталъ всѣхъ дома; но онъ не тотчасъ объявилъ имъ о своемъ намѣреніи; онъ хотѣлъ сперва переговорить наединѣ съ Лизой. Случай помогъ ему; ихъ оставили вдвоемъ въ гостиной. Они разговорились; она успѣла уже привыкнуть къ нему, — да она и вообще никого не дичилась. Онъ слушалъ ее, глядѣлъ ей въ лицо и мысленно твердилъ слова Лемма, соглашался съ нимъ. Случается иногда, что два уже знакомыхъ, но не близкихъ другъ другу человека внезапно и быстро сближаются въ теченіе нѣсколькихъ мгновеній, — и сознаніе этого сближенія тотчасъ выражается въ ихъ взглядахъ, въ ихъ дружелюбныхъ и тихихъ усмѣшкахъ, въ самыхъ ихъ движеніяхъ; — именно это случилось съ Лаврецкимъ и Лизой. «Вотъ онъ

какой», подумала она, ласково глядя на него; «вот ты какая», подумалъ и онъ. А потому онъ не очень удивился, когда она, не безъ маленькой однако запинки, объявила ему, что давно имѣеть на сердцѣ сказать ему что-то, но боится его разсердить.

— Не бойтесь, говорите, — промолвилъ онъ и остановился передъ ней.

Лиза подняла на него свои ясные глаза.

— Вы такіе добрые, начала она и въ то же время подумала: «Да, онъ точно добрый....» — Вы извините меня, я бы не должна смѣть говорить объ этомъ съ вами.... но какъ могли вы.... отчего вы разстались съ вашей женой?

Лаврецкій дрогнулъ, поглядѣлъ на Лизу и подскѣлъ къ ней.

— Дитя мое, заговорилъ онъ: — не прикасайтесь пожалуйста къ этой ранѣ; руки у васъ нѣжныя, а все-таки мнѣ будетъ больно.

— Я знаю, продолжала Лиза, какъ будто не разслушавъ его, — она передъ вами виновата, я не хочу ея оправдывать; но какъ же можно разлучать то, что Богъ соединилъ?

— Наши убѣжденія на этотъ счетъ слишкомъ различны, Лизавета Михайловна, произнесъ Лаврецкій довольно рѣзко; мы не поймемъ другъ друга.

Лиза поблѣднѣла; все тѣло ея слегка затрепетало, но она не замолчала.

— Вы должны простить, промолвила она тихо, — если хотите, чтобы и васъ простили.

— Простить! подхватилъ Лаврецкій. — Вы бы сперва должны были узнать, за кого вы просите? Простить эту женщину, принять ее опять въ свой домъ, ее, это пустое, безсердечное существо! И кто вамъ сказалъ, что она хочетъ возвратиться ко мнѣ? Помилуйте, она совершенно довольна своимъ положеніемъ. Да что тутъ толковать? Имя ея не должно быть произносимо вами. Вы слишкомъ чисты, вы не въ состояніи даже понять такое существо.

— Зачѣмъ оскорблять? . . . съ усиліемъ проговорила Лиза; дрожь ея рукъ становилась видимой. — Вы сами ее оставили, Ѳедоръ Ивановичъ.

— Но я же вамъ говорю, возразилъ съ невольнымъ взрывомъ нетерпѣнья Лаврецкій: — вы не знаете, какое это созданіе!

— Такъ зачѣмъ же вы женились на ней? прошептала Лиза и потупила глаза.

Лаврецкій быстро поднялся со стула.

— Зачѣмъ я женился? Я былъ тогда молодъ и неопытенъ; я обманулся, я увлекся красивой внѣшностью. Я не зналъ женщинъ, я ничего не зналъ.

Дай вамъ Богъ заключить болѣе счастливый бракъ! но повѣрьте, напередъ ни за что нельзя ручаться.

— И я могу также быть несчастной, — промолвила Лиза; голосъ ея начиналъ прерываться: — но тогда надо будетъ покориться; я не умѣю говорить, но если мы не будемъ покоряться. . . .

Лаврецкій стиснулъ руки и топнулъ ногой.

— Не сердитесь, простите меня, торопливо произнесла Лиза.

Въ это мгновенье вошла Марья Дмитриевна. Лиза встала и хотѣла удалиться.

— Пойдите, неожиданно крикнулъ ей вслѣдъ Лаврецкій. У меня есть до вашей матушки и до васъ великая просьба: посѣтите меня на моемъ новосельи. Вы знаете, я завелъ фортепьяно; Леммъ гостить у меня, сирень теперь цвѣтетъ; вы подышите деревенскимъ воздухомъ и можете вернуться въ тотъ же день, — согласны вы?

Лиза взглянула на мать, а Марья Дмитриевна приняла болѣзненный видъ; но Лаврецкій не далъ ей разинуть рта и тутъ же поцаловалъ у ней обѣ руки. Марья Дмитриевна, всегда чувствительная на ласку и уже вовсе не ожидавшая такой любезности отъ «тюленя», умилилась душою и согласилась. Пока она соображала, какой бы назначить день, Лаврецкій подошелъ къ Лизѣ и, все еще

взволнованный, украдкой шепнулъ ей: «спасибо, вы добрая дѣвушка; я виноватъ. . . .» и ея блѣдное лицо заалѣлось веселой и стыдливой улыбкой; глаза ея тоже улыбнулись, — она до того мгновенья боялась, не оскорбила ли она его?

— Владиміръ Николаичъ съ нами можетъ ѣхать? спросила Марья Дмитріевна.

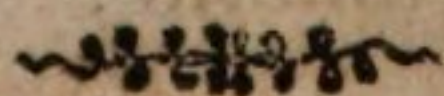
— Конечно, возразилъ Лаврецкій: — но не лучше ли намъ быть въ своемъ семейномъ кружкѣ?

— Да вѣдь, кажется. . . . начала было Марья Дмитріевна. . . . — Впрочемъ, какъ хотите, прибавила она.

Рѣшено было взять Леночку и Шурочку. Марья Тимофеевна отказалась отъ поѣздки.

— Тяжело мнѣ, свѣтъ, сказала она, — кости старыя ломать; и ночевать у тебя, чай, негдѣ; да мнѣ и не спится въ чужой постели. Пусть эта молодежь скачетъ.

Лаврецкому уже не удалось болѣе побывать наединѣ съ Лизой; но онъ такъ глядѣлъ на нее, что ей и хорошо становилось, и стыдно немножко, и жалко его. Прощаясь съ ней, онъ крѣпко пожалъ ей руку; она задумалась, оставшись одна.

ГЛАВА XXV.

Когда Лаврецкій вернулся домой, его встрѣтилъ на порогѣ гостиной человѣкъ высокаго роста и худой, въ затасканномъ синемъ сюртукѣ, съ морщинистымъ, но оживленнымъ лицомъ, съ растрепанными сѣдыми бакенбардами, длиннымъ, прямымъ носомъ и небольшими воспаленными глазками. Это былъ Михалевичъ, бывшій его товарищъ по университету. Лаврецкій сперва не узналъ его, но горячо его обнялъ, какъ только тотъ назвалъ себя. — Они не видѣлись съ Москвы. — Посыпались восклицанія, разспросы; выступили на свѣтъ Божій давно — загложшія воспоминанія. — Торопливо выкуривая трубку за трубкой, отпивая по глотку чаю и размахивая длинными руками, Михалевичъ разсказалъ Лаврецкому свои похождения; въ нихъ не было ниче-

го очень веселаго, удачей въ предпріятіяхъ своихъ онъ похвастаться не могъ, — а онъ безпрестанно смѣялся сиплымъ, нервическимъ хохотомъ. Мѣсяцъ тому назадъ получилъ онъ мѣсто въ частной конторѣ богатаго откупщика, верстъ за 300 отъ города О... и узнавъ о возвращеніи Лаврецкаго изъ-за границы, свернулъ съ дороги, чтобы повидаться съ старымъ пріятелемъ. Михалевичъ говорилъ такъ же порывисто, какъ и въ молодости, шумѣлъ и кипѣлъ по прежнему. Лаврецкій упомянулъ было о своихъ обстоятельствахъ, но Михалевичъ перебилъ его, поспѣшно пробормотавъ: «Слышалъ, братъ, слышалъ, — кто этого могъ ожидать?» — и тотчасъ перевелъ разговоръ въ область общихъ разсужденій.

— Я, братъ, промолвилъ онъ, — завтра долженъ ѣхать; сегодня мы, ужъ ты извини меня, ляжемъ поздно. Мнѣ хочется непременно узнать, что ты, какія твои мнѣнія, убѣжденья, чѣмъ ты сталъ, чему жизнь тебя научила? — (Михалевичъ придерживался еще фразеологіи 30-хъ годовъ). Что касается до меня, я во многомъ измѣнился, братъ; волны жизни упали на мою грудь, — кто бишь это сказалъ? — хотя въ важномъ, въ существенномъ я не измѣнился; я по прежнему вѣрю въ добро, въ истину; но я не только вѣрю, — я вѣрую теперь, да — я вѣрую, вѣрую. Послушай, ты знаешь, я пописываю

стихи; въ нихъ поэзіи нѣтъ, но есть правда. Я тебѣ прочту мою послѣднюю піэсу; въ ней я выразилъ самыя задушевные мои убѣжденія. Слушай. Михалевичъ принялся читать свое стихотвореніе; оно было довольно длинно и оканчивалось слѣдующими стихами:

Новымъ чувствамъ всѣмъ сердцемъ отдался,
Какъ ребенокъ душою я сталъ:
И я сжегъ все, чему поклонялся,
Поклонился всему, что сжигалъ.

Произнося послѣдніе два стиха, Михалевичъ чуть не заплакалъ; легкія судороги — признакъ сильнаго чувства — пробѣжали по его широкимъ губамъ, некрасивое лицо его просвѣтлѣло. Лаврецкій слушалъ его, слушалъ. . . . духъ противорѣчія зашевелился въ немъ; его раздражала всегда готовая, постоянно кипучая восторженность московскаго студента. — Четверти-часа не прошло, какъ уже загорѣлся между ними споръ, одинъ изъ тѣхъ нескончаемыхъ споровъ, на который способны только русскіе люди. Съ оника, послѣ многолѣтней разлуки, проведенной въ двухъ различныхъ мірахъ, не понимая ясно ни чужихъ, ни даже собственныхъ мыслей, цѣпляясь за слова и возражая одними словами, заспорили они о предметахъ самыхъ отвлечен-

ныхъ — и спорили такъ, какъ будто дѣло шло о жизни и смерти обоихъ; голосили и вопили такъ, что всѣ люди всполошились въ домѣ, а бѣдный Леммъ, который съ самаго пріѣзда Михалевича заперся у себя въ комнатѣ, почувствовалъ недоумѣнье и началъ даже чего-то смутно бояться.

— Что же ты послѣ этого? разочарованный? кричалъ Михалевицъ въ первомъ часу ночи.

— Развѣ разочарованные такіе бываютъ? возражалъ Лаврецкій; тѣ всѣ бываютъ блѣдные и больные, — а хочешь, я тебя одной рукой подниму?

— Ну, если не *разочарованій*, то *скептыкъ*, это еще хуже (выговоръ Михалевича отзывался его родной, Малороссіей). А съ какого права можешь ты быть скептикомъ? Тебѣ въ жизни не повезло, положимъ; въ этомъ твоей вины не было; ты былъ рожденъ съ душой страстной, любящей, а тебя насильственно отводили отъ женщинъ; первая попавшаяся женщина должна была тебя обмануть.

— Она и тебя обманула, замѣтилъ угрюмо Лаврецкій.

— Положимъ, положимъ; я былъ тутъ орудіемъ судьбы, — впрочемъ, что это я вру — судьбы нѣту; старая привычка неточно выражаться. Но чтожь это доказываетъ?

— Доказываетъ то, что меня съ дѣтства вывихнули.

— А ты себя вправь! — на то ты человѣкъ, ты мужчина; энергіи тебѣ не занимать-стать! — Но какъ бы то ни было, развѣ можно, развѣ позволительно — частный, такъ сказать, фактъ возводить въ общій законъ, въ непреложное правило?

— Какое тутъ правило? перебилъ Лаврецкій; я не признаю...

— Нѣтъ, это твое правило, правило, — перебивалъ его въ свою очередь Михалевичъ.

— Ты эгоистъ, вотъ что! гремѣлъ онъ часъ спустя: — ты желалъ самонаслажденья, ты желалъ счастья въ жизни, ты хотѣлъ жить только для себя....

— Что такое самонаслажденье?

— И все тебя обмануло; все рухнуло подъ твоими ногами.

— Что такое самонаслажденье, спрашиваю я тебя?

— И оно должно было рухнуть. Ибо ты искалъ опоры тамъ, гдѣ ее найти нельзя; ибо ты строилъ свой домъ на зыбкомъ пескѣ...

— Говори яснѣй, безъ сравненій, *ибо* я тебя не понимаю.

— Ибо, — пожалуй, смѣйся, — ибо нѣтъ въ тебѣ вѣры, нѣтъ теплоты сердечной; умъ, все одинъ

только копѣчный умъ.... ты, просто, жалкій, отсталой вольтеріанецъ — вотъ ты кто.

— Кто, я вольтеріанецъ?

— Да, такой же, какъ твой отецъ, и самъ того не подозрѣваешь.

— Послѣ этого, воскликнулъ Лаврецкій, я въ правѣ сказать, что ты фанатикъ!

— Увы! возразилъ съ сокрушеніемъ Михалевичъ, — я, къ несчастью, ничѣмъ не заслужилъ еще такого высокаго наименованія....

— Я теперь нашелъ, какъ тебя назвать, кричалъ тотъ же Михалевичъ въ 3-мъ часу ночи. — Ты не скептикъ, не разочарованный, не вольтеріанецъ, ты — байбакъ, и ты злостный байбакъ, байбакъ съ сознаніемъ, не наивный байбакъ. Наивные байбаки лежатъ-себѣ на печи и ничего не дѣлаютъ, потому что не умѣютъ ничего дѣлать; они и не думаютъ ничего; а ты мыслящій человѣкъ — и лежишь; ты могъ бы что нибудь дѣлать — и ничего не дѣлаешь; лежишь сытымъ брюхомъ кверху и говоришь: такъ оно и слѣдуетъ, лежать-то, потому что все, что люди ни дѣлаютъ, — все вздоръ и ни къ чему не ведущая чепуха.

— Да съ чего ты взялъ, что я лежу? твердилъ Лаврецкій; почему ты предполагаешь во мнѣ такія мысли?

— А сверхъ того вы всѣ, вся ваша братія, — продолжалъ неугомонный Михалевичъ, — начитанные байбаки. Вы знаете, на какую ножку нѣмецъ хромаеть; знаете, что плохо у англичанъ и у французовъ, — и вамъ ваше жалкое знаніе въ подспорье идетъ, лѣнь вашу постыдную, бездѣйствіе ваше гнусное оправдываетъ. Иной даже гордится тѣмъ, что я-моль вотъ умница — лежу, а тѣ, дураки, хлопчуть. Да! — А то есть у насъ такіе господа — впрочемъ я это говорю не на твой счетъ, — которые всю жизнь свою проводятъ въ какомъ-то млѣніи скуки, привыкаютъ къ ней, сидятъ въ ней — какъ. . . . какъ грибъ въ сметанѣ, подхватилъ Михалевичъ и самъ засмѣялся своему сравненію. — О, это млѣніе скуки — гибель русскихъ людей! Весь вѣкъ собирается работать противный байбакъ....

— Да чтожь ты бранишься? вопилъ въ свою очередь Лаврецкій. Работать.... дѣлать.... Скажи лучше, что дѣлать, а не бранись, Демосѣенъ полтавскій!

— Вишь чего захотѣлъ! — Это я тебѣ не скажу, братъ; это всякій самъ долженъ знать, возражалъ съ ироніей Демосѣенъ. Помѣщикъ! — дворянинъ! и не знаетъ, что дѣлать! Вѣры нѣтъ, а то бы зналъ, вѣры нѣтъ — и нѣтъ откровенія.

— Дай же, по крайней мѣрѣ, отдохнуть, чортъ;

дай оглядѣться, молилъ Лаврецкій.

— Ни минуты отдыха, ни секунды! возражалъ съ повелительнымъ движеніемъ руки Михалевичъ. Ни одной секунды! — Смерть не ждетъ, и жизнь ждать не должна.

— И когда же, гдѣ же вздумали люди обайбачиться? кричалъ онъ въ четыре часа утра, но уже нѣсколько осипшимъ голосомъ, — у насъ! теперь! въ Россіи! Когда на каждой отдѣльной личности лежитъ долгъ, отвѣтственность великая передъ Богомъ, передъ народомъ, передъ самимъ собою! Мы спимъ, а время уходитъ; мы спимъ....

— Позволь мнѣ тебѣ замѣтить, промолвилъ Лаврецкій: — что мы вовсе не спимъ теперь, а скорѣе другимъ не даемъ спать. Мы, какъ пѣтухи, деремъ горло. Послушай-ка, это никакъ уже третьи кричатъ.

Эта выходка разсмѣшила и успокоила Михалевича. «До завтра» проговорилъ онъ съ улыбкой — и всунулъ трубку въ кисетъ. «До завтра», повторилъ Лаврецкій; но друзья еще болѣе часу бесѣдовали.... Впрочемъ голоса ихъ не возвышались болѣе — и рѣчи ихъ были тихія, грустныя, добрыя рѣчи.

Михалевичъ уѣхалъ на другой день, какъ ни удерживалъ его Лаврецкій. Ѳедору Иванычу не удалось убѣдить его остаться; но наговорился онъ съ нимъ

досыта. Оказалось, что у Михалевича гроша за душою не было. Лаврецкій уже наканунѣ съ сожалѣньемъ замѣтилъ въ немъ всѣ признаки и привычки застарѣлой бѣдности: сапоги у него были сбиты, сзади на сюртукѣ недоставало одной пуговицы, руки его не вѣдали перчатокъ, въ волосахъ торчалъ пухъ; пріѣхавши, онъ и не подумалъ попросить умыться, а за ужиномъ ѣлъ, какъ акула, раздирая руками мясо и съ трескомъ перегрызая кости своими крѣпкими черными зубами. Оказалось также, что служба не пошла ему въ прокъ, что всѣ надежды свои онъ возлагалъ на откупщика, который взялъ его единственно для того, чтобы имѣть у себя въ конторѣ «образованнаго человѣка.» Со всѣмъ тѣмъ Михалевичъ не унывалъ и жилъ-себѣ — циникомъ, идеалистомъ, поэтомъ, искренно радѣя и сокрушаясь о судьбахъ человѣчества, о собственномъ призваніи, — и весьма мало заботясь о томъ, какъ бы не умереть съ голоду. Михалевичъ женатъ не былъ; но влюблялся безъ счету и писалъ стихотворенія на всѣхъ своихъ возлюбленныхъ; особенно пылко воспѣлъ онъ одну таинственную, чернокудрую «панну».... Ходили, правда, слухи, будто эта панна была простая жидовка, хорошо извѣстная многимъ кавалерійскимъ офицерамъ.... Но какъ подумаешь — развѣ и это не все равно?

Съ Леммомъ Михалевичъ не сошелся; нѣмца, съ непрезычки, запугали его многошумныя рѣчи, его рѣзкія манеры.... Горемыка издали и тотчасъ чуетъ другаго горемыку, но подъ старость рѣдко сходится съ нимъ, — и это нисколько не удивительно: ему съ нимъ нечѣмъ дѣлиться, — даже надеждами.

Передъ отъѣздомъ Михалевичъ еще долго бесѣдовалъ съ Лаврецкимъ, пророчилъ ему гибель, если онъ не очнется, умолялъ его серьезно заняться бытомъ своихъ крестьянъ, ставилъ себя въ примѣръ, говоря, что онъ очистился въ горнилѣ бѣдъ, — и тутъ же нѣсколько разъ назвалъ себя счастливымъ человекомъ, сравнилъ себя съ птицей небесной, съ лиліей долины....

— Съ черной лиліей, во всякомъ случаѣ, замѣтилъ Лаврецкій.

— Э, братъ! не аристократничай, возразилъ добродушно Михалевичъ; а лучше благодари Бога, что и въ твоихъ жилахъ течетъ честная плебейская кровь. Но я вижу, тебѣ нужно теперь какое нибудь чистое, неземное существо, которое исторгло бы тебя изъ твоей апатіи....

— Спасибо, братъ, промолвилъ Лаврецкій; съ меня будетъ этихъ неземныхъ существъ.

— Молчи, *цыныкъ*! воскликнулъ Михалевичъ.

— «Циникъ», поправилъ его Лаврецкій.

— Именно цыныкъ, — повторилъ, не смущаясь, Михалевичъ. Даже сидя въ тарантасѣ, куда вынесли его плоскій, жолтый, до странности легкій чемоданъ, онъ еще говорилъ; окутанный въ какой-то испанскій плащъ съ порыжѣлымъ воротникомъ и львиными лапами вмѣсто застежекъ, онъ еще развивалъ свои воззрѣнія на судьбы Россіи и водилъ смуглой рукой по воздуху, какъ бы разсѣвая сѣмена будущаго благоденствія. Лошади тронулись наконецъ. . . . «Помни мои послѣднія три слова» закричалъ онъ, высунувшись всѣмъ тѣломъ изъ тарантаса и стоя на балансѣ: «религія, прогрессъ, человѣчность! — Прощай!» Голова его съ нахлобученной на глаза фуражкой исчезла. Лаврецкій остался одинъ на крыльцѣ — и пристально глядѣлъ вдаль по дорогѣ, пока тарантасъ не скрылся изъ виду. «А вѣдь онъ, пожалуй, правъ», думалъ онъ возвращаясь въ домъ, «пожалуй, что я байбакъ.» Многія изъ словъ Михалевича неотразимо вошли ему въ душу, хотъ онъ и спорилъ и не соглашался съ нимъ. Будь только человѣкъ добръ, — его никто отразить не можетъ.

ГЛАВА XXVI.

—

Дня два спустя, Марья Дмитриевна, по обѣщанію, прибыла со всей своей молодежью въ Васильевское. Дѣвочки побѣжали тотчасъ въ садъ, а Марья Дмитриевна томно прошла по комнатамъ и томно все похвалила. Визитъ свой Лаврецкому она считала знакомъ великаго снисхожденья, чуть не добрымъ поступкомъ. Она привѣтливо улыбнулась, когда Антонъ и Апраксѣя, по старинной дворовой привычкѣ, подошли къ ней къ ручкѣ, — и разслабленнымъ голосомъ въ носъ попросила напиться чаю. Къ великой досадѣ Антона, надѣвшаго вязаные бѣлыя перчатки, чай подалъ пріѣзжей барынѣ не онъ, а наемный камердинеръ Лаврецкаго, не понимавшій, по словамъ старика, никакихъ порядковъ. За то Антонъ за обѣдомъ взялъ свое: твердой сто-

пою сталъ онъ за кресло Марьи Дмитріевны — и уже никому не уступилъ своего мѣста. Давно-небывалое появленіе гостей въ Васильевскомъ — и встревожило, и обрадовало старика: ему было пріятно видѣть, что съ его бариномъ хорошіе господа знаютъ. Впрочемъ не онъ одинъ волновался въ тотъ день: Леммъ волновался тоже. Онъ надѣлъ коротенькій табачнаго цвѣту фракъ съ острымъ хвостикомъ, туго затянулъ свой шейный платокъ — и безпрестанно откашливался и сторонился, съ пріятнымъ и привѣтливымъ видомъ. Лаврецкій съ удовольствіемъ замѣтилъ, что сближеніе между нимъ и Лизой продолжалось; она, какъ только вошла, дружельюбно протянула ему руку. Послѣ обѣда Леммъ досталъ изъ задняго кармана фрака, куда онъ то и дѣло запускалъ руку, — небольшой свертокъ нотной бумаги и сжавъ губы, молча, положилъ его на фортепьяно. Это былъ романсъ, сочиненный имъ наканунѣ на старомодныя нѣмецкія слова, въ которыхъ упоминалось о звѣздахъ. Лиза тотчасъ сѣла за фортепьяно и разобрала романсъ. . . . Увы! музыка оказалась запутанной и непріятно-напряженной; видно было, что композиторъ силился выразить что-то страстное, глубокое, но ничего не вышло: усиліе такъ и осталось однимъ усиліемъ. Лаврецкій и Лиза оба это почувствовали — и Леммъ это

понялъ; ни слова не сказавъ, положилъ онъ свой романсъ обратно въ карманъ и — въ отвѣтъ на предложеніе Лизы сыграть его еще разъ — покачалъ только головой, значительно сказалъ: «теперь — баста» — сгорбился, съежился — и отошелъ.

Къ вечеру пошли всѣмъ обществомъ ловить рыбу. Въ прудѣ за садомъ водилось много карасей и гольцовъ. Марью Дмитріевну посадили на кресло возлѣ берега, въ тѣни, постлали ей коверъ подъ ноги, дали лучшую удочку; Антонъ, какъ старый опытный рыболовъ, предложилъ ей свои услуги. Онъ усердно насаживалъ червяковъ, шлепалъ по нимъ рукою, плевалъ на нихъ и даже самъ закидывалъ удочку, граціозно наклоняясь впередъ всѣмъ корпусомъ. Марья Дмитріевна въ тотъ же день отозвалась о немъ Федору Ивановичу слѣдующей фразой на институтско-французскомъ языкѣ: *«Il n'y a plus maintenant de ces gens comme ça comme autrefois.»* Леммъ съ двумя дѣвочками отправился подальше, къ самой плотинѣ; Лаврецкій помѣстился возлѣ Лизы. Рыба клевала безпрестанно; выхваченные караси то и дѣло сверкали въ воздухѣ своими то золотыми, то серебряными боками; радостныя восклицанія дѣвочекъ не умолкали; сама Марья Дмитріевна изнѣженно взвизгнула раза два. Рѣже всѣхъ бралось у Лаврецкаго и у Лизы; вѣроятно, это происходило

отъ того, что они меньше другихъ обращали вниманія на ловлю и дали поплавкамъ своимъ подплыть къ самому берегу. Красноватый высокій камышъ тихо шелестилъ вокругъ нихъ, впереди тихо сіяла неподвижная вода, и разговоръ у нихъ шелъ тихій. Лиза стояла на маленькомъ плоту; Лаврецкій сидѣлъ на наклоненномъ стволѣ ракиты; на Лизѣ было бѣлое платье, перехваченное вокругъ пояса широкой, тоже бѣлой, лентой; соломенная шляпа висѣла у ней на одной рукѣ, — другою она съ нѣкоторымъ усиліемъ поддерживала гнуткое удище. Лаврецкій глядѣлъ на ея чистый, нѣсколько строгій профиль, на закинутые за уши волосы, на нѣжныя щеки, которыя загорѣли у ней, какъ у ребенка, — и думалъ: «О, какъ мило стоишь ты надъ моимъ прудомъ!» Лиза не оборачивалась къ нему, а смотрѣла на воду — и не-то щурилась, не-то улыбалась. Тѣнь отъ близкой липы падала на обоихъ.

— А знаете ли, началъ Лаврецкій: — я много размышлялъ о нашемъ послѣднемъ разговорѣ съ вами и пришелъ къ тому заключенію, что вы чрезвычайно добры.

— Я совсѣмъ не съ тѣмъ намѣреніемъ, возразила было Лиза, — и застыдилась.

— Вы добры, повторилъ Лаврецкій. — Я топор-

ный человекъ, а чувствую, что всѣ должны васъ любить. Вотъ хоть бы Леммъ. Онъ просто влюбленъ въ васъ.

Брови у Лизы — не то, чтобы нахмурились, а дрогнули; это съ ней всегда случалось, когда она слышала что нибудь непріятное.

— Очень онъ мнѣ былъ жалокъ сегодня, подхватилъ Лаврецкій, — съ своимъ неудавшимся романсомъ. Быть молодымъ и не уметь — это сносно; но состарѣться и не быть въ силахъ — это тяжело. И вѣдь обидно то, что не чувствуешь, когда уходятъ силы. Старику трудно переносить такіе удары!... Берегитесь, у васъ клюетъ.... Говорятъ, прибавилъ Лаврецкій, помолчавъ немного, — Владиміръ Николаичъ написалъ очень милый романсъ.

— Да, отвѣчала Лиза: — это бездѣлка, но недурная.

— А какъ по вашему, спросилъ Лаврецкій: — хорошій онъ музыкантъ?

— Мнѣ кажется, у него большія способности къ музыкѣ; но онъ до сихъ поръ не занимался ею, какъ слѣдуетъ.

— Такъ. А человекъ онъ хорошій?

Лиза засмѣялась и быстро взглянула на Федора Ивановича.

— Какой странный вопросъ! воскликнула она, вытащила удочку и далеко закинула ее снова.

— Отчего же странный? Я спрашиваю о немъ у васъ, какъ человѣкъ недавно сюда пріѣхавшій, какъ дровственникъ.

— Какъ родственникъ?

— Да. Вѣдь я вамъ, кажется, довожусь дядей.

— У Владиміра Николаича доброе сердце, заговорила Лиза; онъ уменъ; *татап* его очень любить.

— А вы его любите?

— Онъ хорошій человѣкъ; отчего же мнѣ его не любить?

— А! промолвилъ Лаврецкій и умолкъ; полупечальное, полу-насмѣшливое выраженіе промелькнуло у него на лицѣ. Упорный взглядъ его смущалъ Лизу, но она продолжала улыбаться. — Ну и дай Богъ имъ счастья, — пробормоталъ онъ наконецъ, какъ будто про себя, и отворотилъ голову.

Лиза покраснѣла.

— Вы ошибаетесь, Федоръ Ивановичъ, сказала она: — вы напрасно думаете. . . . А развѣ вамъ Владиміръ Николаичъ не нравится? спросила она вдругъ.

— Не нравится.

— Отчего же?

— Мнѣ кажется, сердца-то у него и нѣту.

Улыбка сошла съ лица Лизы.

— Вы привыкли строго судить людей, — промолвила она послѣ долгаго молчанья.

— Я не думаю. Какое право имѣю я строго судить другихъ, помилуйте, — когда я самъ нуждаюсь въ снисхожденіи? Или вы забыли, что надомной одинъ лѣнивый не смѣется?—А что, прибавилъ онъ, сдержали вы свое обѣщаніе?

— Какое?

— Помолились вы за меня?

— Да, я за васъ молилась и молюсь каждый день. А вы пожалуйста не говорите легко объ этомъ.

Лаврецкій началъ увѣрять Лизу, что ему это и въ голову не приходило, что онъ глубоко уважаетъ всякія убѣжденія; потомъ онъ пустился толковать о религіи, о ея значеніи въ исторіи человѣчества, о значеніи христіанства....

— Христіаниномъ нужно быть, заговорила не безъ нѣкотораго усилія Лиза, — не для того, чтобы познавать небесное.... тамъ.... земное, а для того, что каждый человѣкъ долженъ умереть.

Лаврецкій съ невольнымъ удивленіемъ поднялъ глаза на Лизу и встрѣтилъ ея взглядъ.

— Какое это вы промолвили слово! сказалъ онъ.

— Это слово не мое, отвѣчала она.

— Не ваше.... Но почему вы заговорили о смерти?

— Не знаю. Я часто о ней думаю.

— Часто?

— Да.

— Этого не скажешь, глядя на васъ теперь; у васъ такое веселое, свѣтлое лицо, вы улыбае-
тесь....

— Да, мнѣ очень весело теперь, наивно возра-
зила Лиза.

Лаврецкому захотѣлось взять ея обѣ руки и крѣп-
ко стиснуть ихъ....

— Лиза, Лиза, закричала Марья Дмитріевна, по-
ди сюда, посмотри какого карася я поймала.

— Сейчасъ, *татап*, отвѣчала Лиза и пошла къ
ней, а Лаврецкій остался на своей ракитѣ. «Я го-
ворю съ ней, словно я не отжившій человѣкъ»,
думалъ онъ. Уходя, Лиза повѣсила свою шляпу на
вѣтку; съ страннымъ, почти нѣжнымъ чувствомъ
посмотрѣлъ Лаврецкій на эту шляпу, на ея длин-
ная, немного помятая ленты. Лиза скоро къ нему
вернулась и опять стала на плотъ.

— Почему же вамъ кажется, что у Владиміра
Николаича сердца нѣтъ? спросила она нѣсколько
мгновеній спустя.

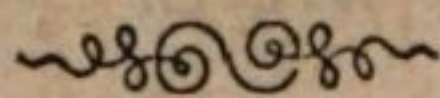
— Я вамъ уже сказалъ, что я могъ ошибиться; а впрочемъ время все покажетъ.

Лиза задумалась. Лаврецкій заговорилъ о своемъ житьѣ-бытьѣ въ Васильевскомъ, о Михалевичѣ, объ Антонѣ; онъ чувствовалъ потребность говорить съ Лизой, сообщить ей все, что приходило ему въ душу; она такъ мило, такъ внимательно его слушала; ея рѣдкія замѣчанія и возраженія казались ему такъ просты и умны. Онъ даже сказалъ ей это.

Лиза удивилась.

— Право? промолвила она: — А я такъ думала, что у меня, какъ у моей горничной Насти, *своихъ* словъ нѣтъ; она однажды сказала своему жениху: тебѣ должно быть скучно со мной; ты мнѣ говоришь все такое хорошее; а у меня *своихъ* словъ нѣту.

И слава Богу, подумалъ Лаврецкій.

ГЛАВА XXVII.

—

Между тѣмъ вечеръ наступалъ и Марья Дмитріевна изъявила желаніе возвратиться домой. Дѣвочки съ трудомъ оторвали отъ пруда, снарядили. Лаврецкій объявилъ, что проведетъ гостей до полъ-дороги и велѣлъ осѣдлатъ себѣ лошадь. Усаживая Марью Дмитріевну въ карету, онъ хватился Лемма; но старика нигдѣ не могли найти. Онъ тотчасъ исчезъ, какъ только кончилось уженъе. Антонъ съ замѣчательной для его лѣтъ силой хлопнулъ дверцы и сурово закричалъ: пошелъ, кучеръ! Карета тронулась. На заднихъ мѣстахъ помещались Марья Дмитріевна и Лиза; на переднихъ дѣвочки и горничная. Вечеръ стоялъ теплый и тихій, и окна съ обѣихъ сторонъ были опущены. Лаврецкій ѣхалъ рысью возлѣ кареты со стороны

Лизы, положивъ руку на дверцы. Онъ бросилъ поводья на шею плавно бѣжавшей лошади, изрѣдка мѣняясь двумя-тремя словами съ молодой дѣвушкой. Заря исчезла; наступила ночь, а воздухъ даже потѣлѣлъ. Марья Дмитриевна скоро задремала; дѣвочки и горничная заснули тоже. Быстро и ровно катилась карета; Лиза наклонилась впередъ; только что поднявшійся мѣсяцъ свѣтилъ ей въ лицо, ночной пахучій вѣтерокъ дышалъ ей въ глаза и щеки. Ей было хорошо. Рука ея опиралась на дверцы кареты рядомъ съ рукою Лаврецкаго. И ему было хорошо: онъ несея по спокойной ночной теплыни, не спуская глазъ съ добраго молодого лица, слушающая молодой, и въ шопотѣ звенѣвшій голосъ, говорившій простыя, добрыя вещи; онъ и не замѣтилъ, какъ проѣхалъ полъ-дороги. Онъ не захотѣлъ будить Марью Дмитриевну, пожалъ слегка руку Лизы, сказалъ: «вѣдь мы друзья теперь, не правда ли»? Она кивнула головой, онъ остановилъ лошадей. Карета покатила дальше, тихонько колыхаясь и ныряя; Лаврецкій отправился шагомъ домой. Обоянье лѣтней ночи охватило его; все вокругъ казалось такъ неожиданно-странно, и въ тоже время такъ давно и такъ сладко знакомо; вблизи и вдали — а далеко было видно, хотя глазъ многого не понималъ изъ того что видѣлъ, — все

покоилось; молодая, разцвѣтающая жизнь сказывалась въ самомъ этомъ покоѣ. Лошадь Лаврецаго бодро шла, мѣрно раскачиваясь направо и налево; большая, черная тѣнь ея шла съ ней рядомъ; было что-то таинственно-пріятное въ топотъ ея копытъ, что-то веселое и чудное въ гремящемъ крикѣ перепеловъ. Звѣзды исчезли въ какомъ-то свѣтломъ дымѣ; неполный мѣсяцъ блестѣлъ твердымъ блескомъ; свѣтъ его разливался голубымъ потокомъ по небу и падалъ пятномъ дымчатаго золота на проходившія близко тонкія тучки; свѣжесть воздуха вызывала легкую влажность на глаза, ласково охватывала всѣ члены, лилась вольною струею въ грудь. Лаврецкій наслаждался и радовался своему наслажденію. Ну! мы еще поживемъ, думалъ онъ; — не совсѣмъ еще насъ заѣла. . . . онъ не договорилъ, кто или что. . . . Потомъ онъ сталъ думать о Лизѣ, о томъ, что врядъ ли она любитъ Паншина; что встрѣтятся онъ съ ней при другихъ обстоятельствахъ, — Богъ знаетъ, что могло бы изъ этого выйти; что онъ понимаетъ Лемма, хотя у ней «своихъ» словъ нѣтъ. Да и это неправда; у ней есть свои слова. . . . «Не говорите объ этомъ легкомысленно» вспомнилось Лаврецкому. Онъ долго ѣхалъ, понутивъ голову, потомъ выпрямился, медленно произнесъ:

И я сжегъ все, чему поклонялся;
 Поклонился всему, что сжигалъ...

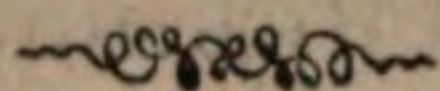
но тотчасъ же ударилъ лошадь хлыстомъ и скакалъ
 вплоть до дому.

Слѣзая съ коня, онъ въ послѣдній разъ оглянулся, съ невольной благодарной улыбкой. Ночь, безмолвная, ласковая ночь лежала на холмахъ и на долинахъ; издали, изъ ея благовонной глубины, Богъ знаетъ откуда — съ неба ли, съ земли — тянуло тихимъ и мягкимъ тепломъ. Лаврецкій послалъ послѣдній поклонъ Лизѣ — и взбѣжалъ на крыльцо.

Слѣдующій день прошелъ довольно вяло. Съ утра падалъ дождь; Леммъ глядѣлъ исподлобья и все крѣпче и крѣпче стискивалъ губы, точно онъ давалъ себѣ зарокъ никогда не открывать ихъ. Ложась спать, Лаврецкій взялъ съ собою на постель цѣлую груду французскихъ журналовъ, которые уже болѣе двухъ недѣль лежали у него на столѣ нераспечатанные. Онъ принялся равнодушно рвать конверты и пробѣгать столбцы газетъ, въ которыхъ впрочемъ не было ничего новаго. Онъ уже хотѣлъ бросить ихъ — и вдругъ вскочилъ съ постели, какъ ужаленный. Въ фельетонѣ одной изъ газетъ извѣстный уже намъ мусье Жюль сообщалъ

своимъ читателямъ «горестную новость»: прелестная, очоровательная москвитянка, писалъ онъ, — одна изъ царицъ моды, украшеніе парижскихъ салоновъ, *madame de Lavretzki* скончалась почти внезапно, — и вѣсть эта, къ сожалѣнію, слишкомъ вѣрная, только-что дошла до него, г-на Жюля. Онъ былъ, такъ продолжалъ онъ, — можно сказать, другомъ покойницы....

Лаврецкій одѣлся, вышелъ въ садъ и до самаго утра ходилъ взадъ и впередъ все по одной аллеѣ.

ГЛАВА XXVIII.

—

На слѣдующее утро за чаемъ Леммъ попросилъ Лаврецкаго дать ему лошадей для того, чтобы возвратиться въ городъ. «Мнѣ пора приняться за дѣло, то-есть за уроки», замѣтилъ старикъ, «а то я здѣсь только даромъ время теряю». Лаврецкій не сразу отвѣчалъ ему: онъ казался разсѣяннымъ. «Хорошо, сказалъ онъ наконецъ, я съ вами самъ поѣду». — Безъ помощи слуги, крехтя и сердясь, уложилъ Леммъ свой небольшой чемоданъ, изорвалъ и сжегъ нѣсколько листовъ натной бумаги. Подали лошадей. Выходя изъ кабинета, Лаврецкій положилъ въ карманъ вчерашній нумеръ газеты. Во все время дороги, и Леммъ и Лаврецкій мало говорили другъ съ другомъ; cadaго изъ нихъ занимали собственные мысли, и каждый былъ радъ, что другой его

не беспокоить. И разстались они довольно сухо, что впрочемъ часто случается между пріятелями на Руси. Лаврецкій подвезъ старика къ его домику: тотъ выльзъ, досталъ свой чемоданъ и не протягивая своему пріятелю руки (онъ держалъ чемоданъ обѣими руками передъ грудью), не глядя даже на него, сказалъ ему по-русски: прощайте-сь. — Прощайте, повторилъ Лаврецкій и велѣлъ кучеру ѣхать къ себѣ на квартиру. Онъ нанималъ на всякій случай квартиру въ городѣ О. Написавши нѣсколько писемъ и наскоро пообѣдавъ, Лаврецкій отправился къ Калитинымъ. Онъ засталъ у нихъ въ гостиной одного Паншина, который объявилъ ему, что Марья Дмитриевна сейчасъ выдетъ, и тотчасъ съ самой радушной любезностью вступилъ съ нимъ въ разговоръ. До того дня Паншинъ обращался съ Лаврецкимъ — не то, чтобъ свысока, а снисходительно; но Лиза, рассказывая Паншину свою вчерашнюю поѣздку, отозвалась о Лаврецкомъ, какъ о прекрасномъ и умномъ человѣкѣ; этого было довольно: слѣдовало завоевать «прекраснаго» человѣка. Паншинъ началъ съ комплиментовъ Лаврецкому, съ описанія восторга, съ которымъ, по его словамъ, все семейство Марьи Дмитриевны отзывалось о Васильевскомъ, и потомъ, по обыкновенію своему, ловко перейдя къ самому себѣ, началъ говорить о своихъ заняті-

яхъ, о воззрѣніяхъ своихъ на жизнь, на свѣтъ и на службу; сказалъ слова два о будущности Россіи, о томъ, какъ слѣдуетъ губернаторовъ въ рукахъ держать; тутъ же весело подтрунилъ надъ самимъ собою и прибавилъ, что между прочимъ ему въ Петербургѣ поручили — «*de populariser l'idée du cadastre*». Онъ говорилъ довольно долго, съ небрежной самоувѣренностью разрѣшая всѣ затрудненія и, какъ фокусникъ шарами, играя самыми важными административными и политическими вопросами. Выраженія: «вотъ чтобы я сдѣлалъ, еслибъ я былъ правительствомъ»; «вы, какъ умный человѣкъ, тотчасъ со мной согласитесь», не сходили у него съ языка. Лаврецкій холодно слушалъ разглагольствованія Паншина; не нравился ему этотъ красивый, умный и непринужденно-изящный молодой человѣкъ, съ своей свѣтлой улыбкой, вѣжливымъ голосомъ и пытливыми глазами. Паншинъ скоро догадался, съ свойственнымъ ему быстрымъ пониманіемъ ощущеній другаго, что не доставляетъ особеннаго удовольствія своему собесѣднику, и подъ благовиднымъ предлогомъ скрылся, рѣшивъ про себя, что Лаврецкій, можетъ быть, и прекрасный человѣкъ, но не симпатичный, «*aigri*» и «*en somme*» нѣсколько смѣшной. — Марья Дмитріевна появилась въ сопровожденіи Геденовскаго; потомъ при-

шла Марфа Тимофеевна съ Лизой, за ними пришли остальные домочадцы; потомъ пріѣхала и любительница музыки, Бѣленицына, маленькая, худенькая дама, съ почти-ребяческимъ, усталымъ и красивымъ личикомъ, въ шумящемъ черномъ платьѣ, съ пестрымъ вѣеромъ и толстыми золотыми бреслетами; пріѣхалъ и мужъ ея, краснощекій, пухлый чело-вѣкъ, съ большими ногами и руками, съ бѣлыми рѣсницами и не подвижной улыбкой на толстыхъ губахъ; въ гостяхъ жена никогда съ нимъ не говорила, а дома въ минуты нѣжности называла его своимъ поросеночкомъ; Паншинъ вернулся: очень стало людно и шумно въ комнатахъ. Лаврецкому такое множество народа было не понутру; особенно сердила его Бѣленицына, которая то и дѣло глядѣла на него въ лорнетъ. Онъ бы тотчасъ ушелъ, еслибъ не Лиза; ему хотѣлось сказать ей два слова наединѣ, но онъ долго не могъ улучить удобное мгновенье и довольствовался тѣмъ, что съ тайной радостью слѣдилъ за нею взоромъ; никогда ея лицо не казалось ему благороднѣй и милѣй. Она много выигрывала отъ близости Бѣленицыной. Та безпрестанно двигалась на стулѣ, поводила своими узкими плечиками, смѣялась изнѣженнымъ смѣхомъ и то щурилась, то вдругъ широко раскрывала глаза. Лиза сидѣла смирно, глядѣла прямо и вовсе не

смѣялась. Хозяйка сѣла играть въ карты съ Мар-
еой Тимофеевной, Бѣленицынымъ и Гедеоновскимъ,
который игралъ очень медленно, безпрестанно оши-
бался, моргалъ глазами и утиралъ лицо платкомъ.
Паншинъ принялъ меланхолическій видъ, выражался
кратко, многозначительно и печально, — ни дать
ни взять невысказавшійся художникъ, — но, не
смотря на просьбы Бѣленицыной, которая очень
съ нимъ кокетничала, не соглашался спѣть свой
романсъ: Лаврецкій его стѣснялъ. Федоръ Ива-
нычъ тоже говорилъ мало; особенное выраженіе
его лица поразило Лизу, какъ только онъ вошелъ
въ комнату; она тотчасъ почувствовала, что онъ
имѣетъ сообщить ей что-то, но, сама не зная по-
чему, боялась спросить его. Наконецъ, переходя
въ залу наливать чай, она невольно поворотила го-
лову въ его сторону. Онъ тотчасъ пошелъ вслѣдъ
за ней.

— Что съ вами? промолвила она, ставя чай-
никъ на самоваръ.

— А развѣ вы что замѣтили? проговорилъ онъ.

— Вы сегодня не такой, какимъ я васъ видѣла
до сихъ поръ.

Лаврецкій наклонился надъ столомъ.

— Я хотѣлъ, началъ онъ, — передать вамъ одно
извѣстіе, но теперь невозможно. — Впрочемъ про-

читите вотъ, что отмѣчено карандашомъ въ этомъ фельетонѣ, прибавилъ онъ, подавая ей номеръ взятаго съ собою журнала. — Прошу хранить это въ тайнѣ, я зайду завтра утромъ.

Лиза изумилась... Паншинъ показался на порогѣ двери; она положила журналъ къ себѣ въ карманъ.

— Читали вы Обермана, Лизавета Михайловна? задумчиво спросилъ ее Паншинъ.

Лиза отвѣчала ему вскользь и пошла изъ залы наверхъ. Лаврецкій вернулся въ гостиную и приблизился къ игорному столу. Марфа Тимофеевна, распустивъ ленты чепца и покраснѣвъ, начала ему жаловаться на своего партнера, Гедеоновскаго, который, по ея словамъ, ступить не умѣлъ.

— Видно, въ карты играть, говорила она, — не то, что выдумки сочинять.

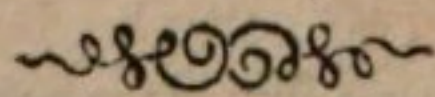
Тотъ продолжалъ моргать глазами и утираться. Лиза пришла въ гостиную и сѣла въ уголъ; Лаврецкій посмотрѣлъ на нее, она на него посмотрѣла, — и обоимъ стало почти жутко. Онъ прочелъ недоумѣніе и какой-то тайный упрекъ на ея лицѣ. Поговорить съ нею, какъ бы ему хотѣлось, онъ не могъ; оставаться въ одной комнатѣ съ нею, гостемъ въ числѣ другихъ гостей — было тяжело; онъ рѣшился уйти. Прощаясь съ нею, онъ успѣлъ по-

вторить, что придетъ завтра, и прибавилъ, что надеется на ея дружбу.

— Приходите, отвѣчала она съ тѣмъ же недоумѣніемъ на лицѣ.

Паншинъ оживился по уходѣ Лаврецкаго; онъ началъ давать совѣты Гедеоновскому, насмѣшливо любезничалъ съ Бѣленицыной и наконецъ спѣлъ свой романсъ. Но съ Лизой онъ говорилъ и глядѣлъ на нее по прежнему: значительно и немного печально.

А Лаврецкій опять не спалъ всю ночь. Ему не было грустно, онъ не волновался, онъ затихъ весь но онъ не могъ спать. Онъ даже не вспоминалъ прошедшаго времени; онъ просто глядѣлъ въ свою жизнь, сердце его билось тяжело и ровно, часы летѣли, онъ и не думалъ о снѣ. По временамъ только всплывала у него въ головѣ мысль; да вѣдь это неправда, это все вздоръ, — и онъ останавливался, поникалъ головою и снова принимался глядѣть въ свою жизнь.

ГЛАВА XXIX.

Марья Дмитріевна не слишкомъ ласково приняла Лаврецкаго, когда онъ явился къ ней на слѣдующій день. «Вишь, повадился», подумала она. Онъ ей самъ по себѣ не очень нравился, да и Паншинъ, подъ вліяніемъ котораго она находилась, весьма коварно и небрежно похвалилъ его накануне. Такъ какъ она не считала его гостемъ и не полагала нужнымъ занимать родственника, почти домашняго человѣка, то и получаса не прошло, какъ онъ уже шелъ съ Лизой въ саду по аллеѣ. Леночка и Шурочка бѣгали въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ по цвѣтнику.

Лиза была спокойна по обыкновенію, но болѣе обыкновеннаго блѣдна. Она достала изъ кармана и

протянула Лаврецкому мелко сложенный листъ журнала.

— Это ужасно, промолвила она.

Лаврецкій ничего не отвѣчалъ.

— Да можетъ быть это еще и неправда, прибавила Лиза.

— Оттого-то я и просилъ васъ не говорить объ этомъ никому.

Лиза прошлаь немного.

— Скажите, начала она: — вы не огорчены? насколько?

— Я самъ не знаю, что я чувствую, отвѣчалъ Лаврецкій.

— Но вѣдь вы ее любили прежде?

— Любилъ.

— Очень?

— Очень.

— И не огорчены ея смертью?

— Она не теперь для меня умерла.

— Это грѣшно, что вы говорите. — Не сердитесь на меня. Вы меня назвали своимъ другомъ другъ все можетъ говорить. Мнѣ, право, даже страшно. — Вчера у васъ такое нехорошее было лицо. — Помните, недавно, какъ вы жаловались на нее? — а ея уже тогда, можетъ быть, на свѣтѣ не было. Это страшно. Точно это вамъ въ наказаніе послано.

Лаврецкій горько усмѣхнулся.

— Вы думаете? По крайней мѣрѣ я теперь свободенъ.

Лиза слегка вздрогнула.

— Полноте, не говорите такъ. — На что вамъ ваша свобода? Вамъ не объ этомъ теперь надо думать, а о прощеніи. . . .

— Я давно ее простилъ, перебилъ Лаврецкій и махнулъ рукой.

— Нѣтъ — не то, возразила Лиза и покраснѣла. — Вы не такъ меня поняли. Вы должны позаботиться о томъ, чтобы васъ простили. . . .

— Кому меня прощать?

— Кому? — Богу. Кто же можетъ насъ простить кромѣ Бога?

Лаврецкій схватилъ ее за руку.

— Ахъ, Лизавета Михайловна, повѣрьте, воскликнулъ онъ: — я и такъ довольно былъ наказанъ. Я уже все искупилъ, повѣрьте.

— Это вы не можете знать, проговорила Лиза въ полголоса. — Вы забыли, — еще недавно, вотъ когда вы сомной говорили, вы не хотѣли ее прощать.

Оба молча прошли по аллеѣ.

— А что же ваша дочь? спросила вдругъ Лиза и остановилась.

Лаврецкій встрепенулся.

— О, не беспокойтесь! — Я уже послалъ письма во всѣ мѣста. Будущность моей дочери, какъ вы ее.... какъ вы говорите — обезпечена. Не беспокойтесь.

Лиза печально улыбнулась.

— Но вы правы, продолжалъ Лаврецкій. — Что мнѣ дѣлать съ моей свободой? На что мнѣ она?

— Когда вы получили этотъ журналъ? промолвила Лиза, не отвѣчая на его вопросъ.

— На другой день послѣ вашего посѣщенія.

— И неужели.... неужели вы даже не заплакали?

— Нѣтъ. Я былъ пораженъ; но откуда было взяться слезамъ? Плакать о прошедшемъ,—да вѣдь оно у меня все выжжено.—Самый проступокъ ея не разрушилъ мое счастіе, а доказалъ мнѣ только, что его вовсе никогда и не бывало. О чемъ же тутъ было плакать? Впрочемъ кто знаетъ?—я, можетъ быть, былъ бы болѣе огорченъ, еслибъ я получилъ это извѣстіе двумя недѣлями раньше.

— Двумя недѣлями? возразила Лиза. — Да чтожь такое случилось въ эти двѣ недѣли?

Лаврецкій ничего не отвѣчалъ, а Лиза вдругъ покраснѣла еще пуще прежняго.

— Да, да, вы угадали, подхватилъ внезапно Ла-

вредкѣй. — Въ теченіи этихъ двухъ недѣль я узналъ, что значитъ чистая женская душа, и мое прошедшее еще больше отъ меня отодвинулось....

Лиза смутилась и тихонько пошла въ цвѣтникъ къ Леночкѣ и Шурочкѣ.

— А я доволенъ тѣмъ, что показалъ вамъ этотъ журналъ, говорилъ Лаврецкѣй, идя за нею слѣдомъ. — Я уже привыкъ ничего не скрывать отъ васъ, и надѣюсь, что и вы оплатите мнѣ такимъ же довѣріемъ.

— Вы думаете? промолвила Лиза и остановилась. — Въ такомъ случаѣ я бы должна была... да нѣтъ! Это невозможно.

— Что такое? Говорите, говорите.

— Право, мнѣ кажется, я не должна.... А впрочемъ, прибавила Лиза и съ улыбкой оборотилась къ Лаврецкому, — что за откровенность въ-половину?— Знаете ли? я получила сегодня письмо.

— Отъ Паншина?

— Да, отъ него.... Почему вы знаете?..

— Онъ проситъ вашей руки?

— Да, произнесла Лиза и прямо и серьезно посмотрѣла Лаврецкому въ глаза.

Лаврецкѣй въ свою очередь серьезно посмотрѣлъ на Лизу.

— Ну, и что же вы ему отвѣчали? проговорилъ онъ наконецъ.

— Я не знаю, что отвѣчать, возразила Лиза и опустила сложенные руки.

— Какъ? Вѣдь вы его любите?

— Да, онъ мнѣ нравится; онъ, кажется, хорошій человѣкъ.

— Вы тоже самое и въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ сказали мнѣ четвертаго дня. — Я желаю знать, любите ли вы его тѣмъ сильнымъ, страстнымъ чувствомъ, которое мы привыкли называть любовью?

— Какъ *вы* понимаете, — нѣтъ.

— Вы въ него не влюблены?

— Нѣтъ. Да развѣ это нужно?

— Какъ?

— Маменькѣ онъ нравится, продолжала Лиза. — Онъ добрый. — Я ничего противъ него не имѣю.

— Однако вы колеблетесь?

— Да. . . . и, можетъ быть, — вы, ваши слова тому причиной. Помните, что вы третьяго дня говорили? Но это слабость....

— О, дитя мое! воскликнулъ вдругъ Лаврецкій — и голосъ его задрожалъ: — не мудрствуйте лукаво, не называйте слабостью крикъ вашего сердца,

которое не хочет отдаться безъ любви. Не берите на себя такой страшной отвѣтственности передъ тѣмъ человѣкомъ, котораго вы не любите и которому хотите принадлежать....

— Я слушаюсь, я ничего не беру на себя, произнесла было Лиза....

— Слушайтесь вашего сердца; оно одно вамъ скажетъ правду, перебилъ ее Лаврецкій. — Опытъ, разсудокъ, все это прахъ и суета! Не отнимайте у себя лучшаго, единственного счастья на землѣ....

— Вы ли это говорите, Федоръ Ивановичъ? Вы сами женились по любви — и были ли вы счастливы?

Лаврецкій всплеснулъ руками.

— Ахъ, не говорите обо мнѣ! Вы и понять не можете всего того, что молодой, неискушенный, безобразно воспитанный мальчикъ можетъ принять за любовь! — Да и наконецъ, къ чему клеветать на себя? — Я сейчасъ вамъ говорилъ, что я не зналъ счастья.... нѣтъ! я былъ счастливъ!

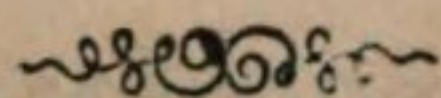
— Мнѣ кажется, Федоръ Ивановичъ, произнесла, понизивъ голосъ, Лиза — (когда она не соглашалась съ своимъ собесѣдникомъ, она всегда понижала голосъ, притомъ она чувствовала большое волненіе) — счастье на землѣ зависитъ не отъ насъ....

— Отъ насъ, отъ насъ, повѣрьте мнѣ. . . . (Онъ схватилъ ее за обѣ руки. Лиза поблѣднѣла и почти съ испугомъ, но внимательно глядѣла на него) — лишь бы мы не портили сами своей жизни. Для иныхъ людей бракъ по любви можетъ быть несчастьемъ; но не для васъ, съ вашимъ спокойнымъ нравомъ, съ вашей ясной душой! Умоляю васъ, не выходите замужъ безъ любви, по чувству долга, отреченья, что ли. . . . Это тоже безвѣріе, тотъ же разсчетъ — и еще худшій. Повѣрьте мнѣ, — я имѣю право это говорить, я дорого заплатилъ за это право. И если вашъ Богъ. . . .

Въ это мгновенье Лаврецкій замѣтилъ, что Леночка и Шурочка стояли подлѣ Лизы и съ нѣмымъ изумленьемъ уставились на него. — Онъ выпустилъ Лизины руки, торопливо проговорилъ: извините меня пожалуйста, — и направился къ дому.

— Обѣ одномъ только прошу я васъ, промолвилъ онъ, возвращаясь къ Лизѣ: — не рѣшайтесь тотчасъ, подождите, подумайте о томъ, что я вамъ сказалъ. Еслибъ даже вы неповѣрили мнѣ, еслибъ вы рѣшились на бракъ по разсудку, — и въ такомъ случаѣ не за г-на Паншина вамъ выходить. Онъ не можетъ быть вашимъ мужемъ. . . . Не правда ли, вы общаетесь мнѣ не спѣшить?

Лиза хотѣла отвѣтить Лаврецкому — и ни слова не вымолвила — не оттого, что она рѣшилась «спѣшить»; но оттого, что сердце у ней слишкомъ сильно билось, и чувство, похожее на страхъ, захватило дыханіе.

ГЛАВА XXX.

Уходя отъ Калитиныхъ, Лаврецкій встрѣтился съ Паншинымъ: они холодно поклонились другъ другу. Лаврецкій пришелъ къ себѣ на квартиру и заперся. Онъ испытывалъ ощущенія, едва ли когда нибудь имъ испытанныя. Давно ли находился онъ въ состояніи «мирнаго оцѣпенѣнія»? давно ли чувствовалъ себя, какъ онъ выражался, на самомъ днѣ рѣки? Чтò же измѣнило его положеніе? чтò вынесло его наружу, на поверхность? Самая обыкновенная, неизбѣжная, хотя всегда неожиданная, случайность: смерть? — Да; но онъ не столько думалъ о смерти жены, о своей свободѣ, сколько о томъ, — какой отвѣтъ дать Паншину Лиза? Онъ чувствовалъ, что въ теченіе трехъ послѣднихъ дней онъ сталъ глядѣть на нее другими глазами; онъ

вспоминалъ, какъ, возвращаясь домой и думая о ней въ тишинѣ ночи, онъ говорилъ самому себѣ: «если бы!...» Это «еслибы», отнесенное имъ къ прошедшему, къ невозможному, сбылось, хоть и не такъ, какъ онъ полагалъ, — но одной его свободы было мало. «Она послушается матери, думалъ онъ — «она выйдетъ за Паншина; но если даже она ему откажетъ, — не все ли равно для меня?» Проходя передъ зеркаломъ, онъ мелькомъ взглянулъ на свое лицо и пожалъ плечами.

День пронесся быстро въ этихъ размышленіяхъ; насталъ вечеръ. Лаврецкій отправился къ Калитинымъ. Онъ шелъ поспѣшно, но къ дому ихъ приблизился замедленными шагами. Передъ крыльцомъ стояли дрожки Паншина. «Ну, подумалъ Лаврецкій, не буду эгоистомъ» — и вошелъ въ домъ. Въ домѣ онъ никого не встрѣтилъ, и въ гостиной было тихо; онъ отворилъ дверь и увидѣлъ Марью Дмитриевну, игравшую въ пикетъ съ Паншинымъ. Паншинъ молча ему поклонился, а хозяйка дома воскликнула: вотъ неожиданно! — и слегка нахмурила брови. Лаврецкій подсѣлъ къ ней и сталъ глядѣть ей въ карты.

— Вы развѣ умѣете въ пикетъ? спросила она его съ какою-то скрытной досадой и тужъ же объявила, что разнеслась.

Паншинъ счелъ девяносто и началъ учтиво и спокойно брать взятки, съ строгимъ и достойнымъ выраженіемъ на лицѣ. Такъ должны играть дипломаты; вѣроятно, такъ и онъ игралъ въ Петербургѣ съ какимъ нибудь сильнымъ сановникомъ, которому желалъ внушить выгодное мнѣніе о своей солидности и зрѣлости. «Сто-одинъ, сто-два, черви, сто-три», мѣрно раздавался его голосъ, и Лаврецкій не могъ понять, чѣмъ онъ звучалъ: укоризной или самодовольствіемъ.

— Можно видѣть Марѳу Тимофеевну? спросилъ онъ, замѣчая, что Паншинъ еще съ бѣльшимъ достоинствомъ принимался тасовать карты. Художника въ немъ уже не замѣчалось и тѣни.

— Я думаю, — можно; она у себя, на верху, отвѣчала Марья Дмитріевна: — освѣдомьтесь.

Лаврецкій отправился на верхъ. И Марѳу Тимофеевну онъ засталъ за картами: она играла въ дурачки съ Настасьей Карповной. Роска залаяла на него; но обѣ старушки привѣтливо его приняли; особенно Марѳа Тимофеевна казалась въ духѣ.

— А! Оеда! Милости просимъ, промолвила она; — садись, мой батюшка. А мы сейчасъ доиграемъ. Хочешь варенья? Шурочка, достань ему банку съ клубникой. Не хочешь? Ну, такъ сиди такъ; а курить — не кури; не могу я табачища

вашего терпѣть, да и Матросъ отъ него чихаетъ.

Лаврецкій поспѣшилъ объявить, что вовсе не жалаеть курить.

— Былъ ты внизу? продолжала старушка; — кого тамъ видѣлъ? Паншинъ все тамъ торчитъ? А Лизу видѣлъ? Нѣтъ. Она сюда хотѣла придти. Да вотъ и она; легка на поминѣ.

Лиза вошла въ комнату и, увидѣвъ Лаврецкаго, покраснѣла.

— Я къ вамъ на минутку, Марфа Тимофеевна, начала было она....

— Зачѣмъ на минутку, возразила старушка; что это вы всѣ, молодыя дѣвки, за непосѣды за такія? Ты видишь, у меня гость; покалякай съ нимъ, займи его.

Лиза присѣла на край стула, подняла глаза на Лаврецкаго — и почувствовала, что ей нельзя было не дать ему знать, чѣмъ кончилось ея свиданіе съ Паншинымъ. Но какъ это сдѣлать? Ей и стыдно было, и неловко. Давно ли она познакомилась съ нимъ, съ этимъ человѣкомъ, который и въ церковь рѣдко ходитъ, и такъ равнодушно переноситъ кончину жены, — и вотъ уже она сообщаетъ ему свои тайны.... Правда, онъ принимаетъ въ ней участіе; она сама вѣритъ ему и чувствуетъ къ нему влеченье; но все-таки ей стыдно стало, точно

чужой вошелъ въ ея дѣвическую, чистую комнату.

Марѳа Тимофеевна пришла ей на помощь.

— Вѣдь если ты его занимать не будешь, заговорила она, ктожь его бѣдненькаго займетъ? Я для него слишкомъ стара, онъ для меня слишкомъ уменъ, а для Настасьи Карповны онъ слишкомъ старъ; ей все молоденькихъ подавай.

— Чѣмъ же я могу занять Ѳедора Иваныча? промолвила Лиза. Если онъ хочетъ, я лучше ему что нибудь на фортепьяно съиграю, прибавила она нерѣшительно.

— И прекрасно; ты у меня умница, возразила Марѳа Тимофеевна.—Ступайте, мои милые, внизъ; когда кончите, приходите; а я вотъ въ дурахъ осталась, мнѣ обидно, я отыгаться хочу.

Лиза встала. Лаврецкій пошелъ за ней. Спускаясь съ лѣстницы, Лиза остановилась.

— Правду говорятъ, начала она, — что женщины исполнены противорѣчій. Вашъ примѣръ долженъ былъ испугать меня, сдѣлать меня недовѣрчивой къ бракамъ по любви, а я...

— Вы отказали ему? перебилъ Лаврецкій.

— Нѣтъ; но и не согласилась. Я ему все сказала, все, что я чувствовала, и попросила его подождать. Довольны вы? прибавила она съ быстрой

улыбкой и, слегка трогая перила рукою, сбѣжала съ лѣстницы.

— Чтò мнѣ сыграть вамъ, спросила она, поднимая крышку фортепьяно.

— Чтò хотите, отвѣчалъ Лаврецкій и сѣлъ такъ, что могъ смотрѣть на нее.

Лиза начала играть и долго не отводила глазъ отъ своихъ пальцевъ. Она взглянула наконецъ на Лаврецкаго и остановилась: такъ чудно и странно показалось ей его лицо.

— Чтò съ вами? спросила она.

— Ничего, возразилъ онъ: — мнѣ очень хорошо; я радъ за васъ, я радъ васъ видѣть, — продолжайте.

— Мнѣ кажется, говорила Лиза нѣсколько мгновений спустя: — если бы онъ точно меня любилъ, онъ бы не написалъ этого письма; онъ долженъ былъ бы чувствовать, что я не могу отвѣчать ему теперь.

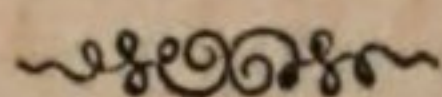
— Это не важно, промолвилъ Лаврецкій; важно то, что вы его не любите.

— Перестаньте, чтò это за разговоръ? Мнѣ все мерещется ваша покойная жена, и вы мнѣ страшны.

— Не правда ли, Вольдемаръ, какъ мило играетъ моя Лизетъ? говорила въ то же время Марья Дмитриевна Паншину.

— Да, отвѣчалъ Паншинъ: — очень мило.

Марья Дмитріевна съ нѣжностью посмотрѣла на молодого своего партнёра; но тотъ принялъ еще болѣе важный и озабоченный видъ и объявилъ четырнадцать королей.

ГЛАВА XXXI.

—

Лаврецкій не былъ молодымъ человѣкомъ; онъ не могъ долго обманываться на счетъ чувства, внутреннего ему Лизой; онъ окончательно въ тотъ же день убѣдился въ томъ, что полюбилъ ее. Не много радости принесло ему это убѣжденіе. «Неужели, подумалъ онъ, мнѣ въ тридцать-пять лѣтъ нечего другого дѣлать, какъ опять отдать свою душу въ руки женщины? Но Лиза не чета *той*; она бы не потребовала отъ меня постыдныхъ жертвъ; она не отвлекала бы меня отъ моихъ занятій; она бы сама воодушевила меня на честный, строгій трудъ, и мы пошли бы оба впередъ, къ прекрасной цѣли. Да, — кончилъ онъ свои размышленія, — все это хорошо, но худо то, что она вовсе не захочетъ пойти со мной. Не даромъ она сказала мнѣ, что

я ей страшенъ. За то и Паншина она не любить.... слабое утѣшеніе»!

Лаврецкій поѣхалъ въ Васильевское; но и четырехъ дней тамъ не выжилъ, — такъ ему показалось скучно. Его томило также ожиданіе: извѣстіе, сообщенное г-мъ Жюлемъ, требовало подтвержденія, а онъ не получалъ никакихъ писемъ. Онъ вернулся въ городъ и просидѣлъ вечеръ у Калитиныхъ. Ему легко было замѣтить, что Марья Дмитриевна была противъ него востановлена; но ему удалось нѣсколько умиловитишь ее, проигравъ ей рублей пятнадцать въ пикетъ, — и онъ провелъ около получаса почти наединѣ съ Лизой, несмотря на то, что мать ей еще наканунѣ совѣтовала не быть слишкомъ фамиліарной съ человѣкомъ «*qui un a si grand ridicule*». Онъ нашелъ въ ней перемѣну: она стала какъ будто задумчивѣе, попѣняла ему за его отсутствіе и спросила его — не пойдеть ли онъ на другой день къ обѣднѣ? (на другой день было воскресенье).

— Ступайте, сказала она прежде чѣмъ онъ успѣлъ отвѣтить: — мы вмѣстѣ помолимся за упокой ея души. — Потомъ она прибавила, что не знаетъ, какъ ей быть, — не знаетъ, имѣеть ли она право заставлять Паншина долѣе ждать ея рѣшенія.

— Почему же? спросилъ Лаврецкій.

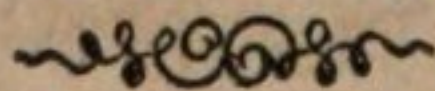
— Потому, сказала она, — что я уже теперь начинаю подозревать, какое будетъ это рѣшеніе.

Она объявила, что голова у ней болитъ, и ушла къ себѣ наверхъ, нерѣшительно протянувъ Лаврецкому кончики пальцевъ.

На другой день Лаврецкій отправился къ обѣднѣ. Лиза уже была въ церкви, когда онъ пришелъ. Она замѣтила его, хотя не обернулась къ нему. Она усердно молилась: тихо свѣтились ея глаза, тихо склонялась и поднималась ея голова. Онъ почувствовалъ, что она молилась и за него, и чудное умиленіе наполнило его душу. Ему было и хорошо, и немного совѣстно. Чинно стоявшій народъ, родныя лица, согласное пѣніе, запахъ ладану, длинные косые лучи отъ оконъ, самая темнота стѣнъ и сводовъ — все говорило его сердцу. Давно не былъ онъ въ церкви, давно не обращался къ Богу: онъ и теперь не произнесъ никакихъ молитвенныхъ словъ, — онъ безъ словъ даже не молился, — но хотя на мгновенье, если не тѣломъ, то всѣмъ помысломъ своимъ повергнулся ницъ и приникъ смиренно къ землѣ. Вспомнилось ему, какъ въ дѣтствѣ онъ всякій разъ въ церкви до тѣхъ поръ молился, пока не ощущалъ у себя на лбу какъ бы чьего-то свѣжаго прикосновенія: это, думалъ онъ тогда, ангель-хранитель принимаетъ меня, кладетъ на меня пе-

чать избранія. Онъ взглянулъ на Лизу.... «Ты меня сюда привела, подумалъ онъ:—коснись же меня, коснись моей души.» Она все такъ же тихо молилась; лицо ея показалось ему радостнымъ и онъ умилился вновь, онъ попросилъ другой душѣ — покоя, своей — прощенья....

Они встрѣтились на паперти; она привѣтствовала его съ веселой и ласковой важностью. Солнце ярко освѣщало молодую траву на церковномъ дворѣ, пестрыя платья и платки женщинъ; колокола сосѣднихъ церквей гудѣли въ вышинѣ; воробьи чирикали по заборамъ. Лаврецкій стоялъ съ непокрытой головой и улыбался; легкій ветерокъ вздымалъ его волосы и концы лентъ Лизиной шляпы. Онъ посадилъ Лизу и бывшую съ ней Леночку въ карету, раздалъ всѣ свои деньги нищимъ и тихонько побрелъ домой.

ГЛАВА XXXII.

—

Настали трудные дни для Федора Ивановича. Онъ находился въ постоянной лихорадкѣ. Каждое утро отправлялся онъ на почту, съ волненіемъ распечатывалъ письма, журналы, — и нигдѣ не находилъ ничего, что бы могло подтвердить или опровергнуть роковой слухъ. Иногда онъ самъ себя становился гадокомъ; «что это я, думалъ онъ, — жду, какъ воронъ крови, вѣрной вѣсти о смерти жены». Къ Калитинымъ онъ ходилъ каждый день: но и тамъ ему не становилось легче. Хозяйка явно дулась на него, принимала его изъ снисхожденія; Паншинъ обращался съ нимъ преувеличенно-вѣжливо; Леммъ напустилъ на себя мизантропію и едва кланялся ему, — а главное: Лиза какъ будто его избѣгала. Когда же ей случалось остаться съ

нимъ наединѣ, въ ней, вмѣсто прежней довѣрчивости, проявлялось замѣшательство; она не знала, что сказать ему, и онъ самъ чувствовалъ смущеніе. Лиза въ нѣсколько дней стала не та, какою онъ ее зналъ; въ ея движеніяхъ, голосѣ, въ самомъ смѣхѣ замѣчалась тайная тревога, небывалая прежде неровность. Марья Дмитріевна, какъ истая эгоистка, ничего не подозрѣвала; но Марѳа Тимофеевна начинала присматривать за своей любимицей. Лаврецкій не разъ упрекнулъ себя въ томъ, что показалъ Лизѣ полученный имъ номеръ журнала; онъ не могъ не сознаться, что въ его душевномъ состояніи было что-то возмутительное для чистаго чувства. Онъ полагалъ также, что переменѣ въ Лизѣ происходила отъ ея борьбы съ самой собою, отъ ея сомнѣній: какой отвѣтъ дать Паншину? Однажды она принесла ему книгу, романъ Вальтеръ-Скотта, который она сама у него спросила.

— Вы прочли эту книгу? проговорилъ онъ.

— Нѣтъ; мнѣ теперь не до книгъ, отвѣчала она и хотѣла уйти.

— Пойдите на минуту; я съ вами такъ давно не былъ наединѣ. — Вы словно меня боитесь.

— Да.

— Отчего же, помилуйте?

— Не знаю.

Лаврецкій помолчалъ.

— Скажите, началъ онъ, — вы еще не рѣшились?

— Что вы хотите сказать? промолвила она, не поднимая глазъ.

— Вы понимаете меня....

Лиза вдругъ вспыхнула.

— Не спрашивайте меня ни о чемъ, произнесла она съ живостью, — я ничего не знаю; я сама себя не знаю.... И она тотчасъ же удалилась.

На слѣдующій день Лаврецкій пріѣхалъ къ Калитинымъ послѣ обѣда и засталъ у нихъ всѣ приготовления ко всенощной.. Въ углу столовой на четырехугольномъ столѣ, покрытомъ чистой скатертью, уже находились прислоненные къ стѣнѣ небольшіе образа въ золотыхъ окладахъ, съ маленькими тусклыми алмазами на вѣнчикахъ. Старый слуга, въ сѣромъ фракѣ и башмакахъ, прошелъ, не спѣша и не стуча каблуками, черезъ всю комнату, поставилъ двѣ восковыя свѣчи въ тонкихъ подсвѣчникахъ передъ образами, перекрестился, поклонился и тихо вышелъ. Неосвѣщенная гостиная была пуста. Лаврецкій походилъ по столовой, спросилъ — не именинница ли кто? Ему отвѣчали шопотомъ, что нѣтъ, а что всенощную заказали по желанію Лизаветы Михайловны да Марфы Тимофеевны; что хотѣли было чудотворную икону поднять, но что

она уѣхала за тридцать верстъ къ больному. Скоро прибылъ вмѣстѣ съ дьячками и священникъ, чело-
вѣкъ уже не молодой, съ большой лысиной, и гром-
ко кашлянулъ въ передней; дамы тотчасъ верени-
цей потянулись изъ кабинета и подошли къ нему
подъ благословеніе; Лаврецкій молча имъ поклонил-
ся, и онѣ ему поклонились молча. Священникъ по-
стоялъ немного, еще разъ откашлянувшись и спро-
силъ въ полголоса басомъ:

— Приступать прикажете?

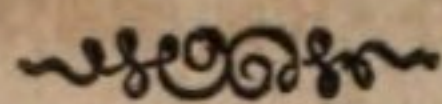
— Приступите, батюшка, возразила Марья Дми-
тріевна.

Онъ зачалъ облачаться; дьячокъ въ стихарѣ по-
добострастно попросилъ уголька; запахло ладаномъ.
Изъ передней вышли горничные и лакеи и оста-
новились сплошной кучкой передъ дверями. Роска,
никогда не сходявшая съ верху, вдругъ появилась
въ столовой: ее стали выгонять — она испугалась,
завертѣлась и сѣла; лакей подхватилъ ее и унесъ.
Всенощная началась. Лаврецкій прижался въ уго-
локъ; ощущенія его были странны, почти грустны:
онъ самъ не могъ хорошенько разобрать, что онъ
чувствовалъ. Марья Дмитриевна стояла впереди
всѣхъ, передъ креслами; она крестилась изнѣженно-
небрежно, по-барски — то оглядывалась, то вдругъ

поднимала взоры кверху: она скучала. Марѳа Тимофеевна казалась озабоченной; Настасья Карповна клала земные поклоны и вставала съ какимъ-то скромнымъ и мягкимъ шумомъ; Лиза, какъ стала, такъ и не двигалась съ мѣста и не шевелилась; по сосредоточенному выраженію ея лица можно было догадаться, что она пристально и горячо молилась. Прикладываясь ко кресту по окончаніи всенощной, она также поцѣловала большую красную руку священника. Марья Дмитріевна пригласила его откушать чаю; онъ снялъ эпитрахиль, принялъ нѣсколько свѣтскій видъ и вмѣстѣ съ дамами перешелъ въ гостиную. Начался разговоръ, неслишкомъ оживленный. Священникъ выпилъ четыре чашки, безпрестанно отирая платкомъ свою лысину; рассказалъ между прочимъ, что купецъ Авошниковъ пожертвовалъ семь сотъ рублей на позолоту церковнаго «кумполо», и сообщилъ вѣрное средство противъ веснушекъ. Лаврецкій подсѣлъ-было къ Лизѣ, но она держалась строго, почти сурово и ни разу не взглянула на него. Она какъ будто съ намѣреніемъ его не замѣчала; какая-то холодная, важная восторженность нашла на нее. Лаврецкому почему-то все хотѣлось улыбнуться и сказать что нибудь забавное; но на сердцѣ у него было смущеніе, и онъ ушелъ наконецъ, тайно недоумѣвая. . . . Онъ

чувствовалъ, — что-то было въ Лизѣ, куда онъ проникнуть не могъ.

Въ другой разъ Лаврецкій, сидя въ гостиной и слушая вкрадчивыя, но тяжёлыя разглагольствованія Гедеоновскаго, внезапно, самъ не зная почему, оборотился и уловилъ глубокой, внимательный, вопросительный взглядъ въ глазахъ Лизы. . . . Онъ былъ устремленъ на него, этотъ загадочный взглядъ. Лаврецкій цѣлую ночь потомъ о немъ думалъ. Онъ любилъ не какъ мальчикъ, не къ лицу ему было вздыхать и томиться, да и сама Лиза не такого рода чувства возбуждала; но любовь на всякій возрастъ имѣетъ свои страданья, — и онъ испыталъ ихъ вполнѣ.

ГЛАВА XXXIII.

Однажды Лаврецкій, по обыкновенію своему, сидѣлъ у Калитиныхъ. Послѣ томительно-жаркаго дня наступилъ такой прекрасный вечеръ, что Марья Дмитріевна, несмотря на свое отвращеніе къ сквозному вѣтру, велѣла отворить всѣ окна и двери въ садъ и объявила, что въ карты играть не станетъ, что въ такую погоду въ карты играть грѣхъ, а должно наслаждаться природой. Изъ гостей былъ одинъ Паншинъ. Настроенный вечеромъ и не желая пѣть передъ Лаврецкимъ, но чувствуя приливъ художническихъ ощущеній, онъ пустился въ поэзію: прочелъ хорошо, но слишкомъ сознательно и съ ненужными тонкостями, нѣсколько стихотвореній Лермонтова (тогда Пушкинъ не успѣлъ еще опять войти въ моду) — и вдругъ, какъ бы устыдясь

своихъ изліяній, началъ по поводу извѣстной «Думы» укорять и упрекать новѣйшія поколѣнія, при чемъ не упустилъ случая изложить, какъ бы онъ все повернулъ по своему, еслибъ власть у него была въ рукахъ. — «Россія, говорилъ онъ, — отстала отъ Европы; нужно подогнать ее. Увѣряютъ, что мы молоды—это вздоръ; да и притомъ у насъ изобрѣтательности нѣтъ; самъ Х-въ признается въ томъ, что мы даже мышеловки не выдумали. Слѣдовательно, мы поневолѣ должны заимствовать у другихъ. Мы больны, говоритъ Лермонтовъ, — я согласенъ съ нимъ; но мы больны оттого, что только на-половину сдѣлались европейцами; чѣмъ мы ушиблись, тѣмъ мы и лечиться должны (*«le cadastre»* подумалъ Лаврецкій).—У насъ, продолжалъ онъ,—лучшія головы—*les meilleures têtes*,—давно въ этомъ убѣдились; всѣ народы въ сущности одиноковы; вводите только хорошія учрежденія — и дѣло съ концомъ. Пожалуй, можно принаравливать къ существующему народному быту; это наше дѣло, дѣло людей (онъ чуть не сказалъ: государственныхъ)—служащихъ; но въ случаѣ нужды, не безпокойтесь, учрежденія передѣлаютъ самый этотъ бытъ.» Марья Дмитріевна съ умиленіемъ поддакивала Паншину; «вотъ какой, думала она,—умный человѣкъ у меня бесѣдуетъ.» Лиза молчала, при-

слонившись къ окну; Лаврецкій молчалъ тоже; Марѳа Тимофеевна, игравшая въ уголку въ карты съ своей пріятельницей, ворчала себѣ что-то подъ носъ. Паншинъ расхаживалъ по комнатѣ и говорилъ красиво, но съ тайнымъ озлобленьемъ: казалось, онъ бранилъ не цѣлое поколѣнье, а нѣсколькихъ извѣстныхъ ему людей. Въ саду Калитиныхъ, въ большомъ кустѣ сирени жилъ соловей; его первые вечерніе звуки раздавались въ промежуткахъ краснорѣчивой рѣчи; первыя звѣзды зажигались на розовомъ небѣ надъ неподвижными верхушками липъ. Лаврецкій поднялся и началъ возражать Паншину; завязался споръ. Лаврецкій отстаивалъ молодость и самостоятельность Россіи; отдавалъ себя, свое поколѣніе на жертву, — но заступался за новыхъ людей, за ихъ убѣжденія и желанія; Паншинъ возражалъ раздражительно и рѣзко, объявилъ, что умные люди должны все передѣлать, и занесся наконецъ до того, что, забывъ свое камеръ-юнкерское званіе и чиновничью каррьеру, назвалъ Лаврецкаго отсталымъ консерваторомъ, даже намекнулъ — правда, весьма отдаленно — на его ложное положеніе въ обществѣ. Лаврецкій не разсердился, не возвысилъ голоса (онъ вспомнилъ, что Михалевичъ тоже называлъ его отсталымъ — только вольтеріянцемъ) — и спокойно разбилъ Пан-

шина на всѣхъ пунктахъ. Онъ доказалъ ему невозможность скачковъ и надменныхъ передѣлокъ съ высоты чиновничьяго сомосознанья — передолокъ, не оправданныхъ ни знаніемъ родной земли, ни дѣйствительной вѣрой въ идеалъ, хотя бы отрицательный; привелъ въ примѣръ свое собственное воспитаніе, требовалъ прежде всего признанія народной правды и смиренія передъ нею — того смиренія, безъ котораго и смѣлость противу лжи невозможна; не отклонился наконецъ отъ заслуженнаго, по его мнѣнію, упрека въ легкомысленной растратѣ времени и силъ.

— Все это прекрасно! воскликнулъ наконецъ раздосадованный Паншинъ: — вотъ вы вернулись въ Россію, — что же вы намѣрены дѣлать?

— Пахать землю, отвѣчалъ Лаврецкій, — и стараться какъ можно лучше ее пахать.

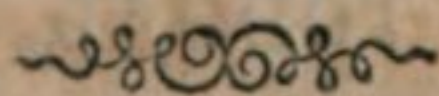
— Это очень похвально, безспорно, возразилъ Паншинъ, — и мнѣ сказывали, что вы уже большіе сдѣлали успѣхи по этой части; но согласитесь, что не всякій способенъ на такого рода занятія....

— *Une nature poétique*, заговорила Марья Дмитріевна, — конечно не можетъ пахать.... *et puis*, вы призваны, Владиміръ Николаичъ, дѣлать все *en grand*.

Этого было слишкомъ даже для Паншина; онъ

замаялся — и замаялъ разговоръ. Онъ попытался перевести его на красоту звѣзднаго неба, на мызуку Шуберта — все какъ-то не клеилось; онъ кончилъ тѣмъ, что предложилъ Марьѣ Дмитріевнѣ сыграть съ ней въ пикетъ. — «Какъ! въ такой вечеръ?» слабо возразила она; однако велѣла принести карты.

Паншинъ съ трескомъ разорвалъ новую колоду, а Лиза и Лаврецкій, словно сговорившись, оба встали и помѣстились возлѣ Марѣы Тимофеевны. Имъ сдѣлалось вдругъ такъ хорошо обоимъ, что они даже побоялись остаться вдвоемъ, — и въ то же время они почувствовали оба, что испытанное ими въ послѣдніе дни смущеніе исчезло и не возвратится болѣе. Старушка потрепала украдкой Лаврецкаго по щекѣ, лукаво прищурилась и нѣсколько разъ покачала головой, приговаривая шопотомъ: «отдѣлалъ умника, спасибо.» Все затихло въ комнатѣ; слышалось только слабое потрескиваніе восковыхъ свѣчей, да иногда стукъ руки по столу, да восклицаніе или счетъ очковъ, — да широкой волной вливалась въ окна, вмѣстѣ съ росистой прохладой, могучая, до дерзости звонкая пѣснь соловья.

ГЛАВА XXXIV.

Лиза не вымолвила ни одного слова въ теченіе спора между Лаврецкимъ и Паншинымъ, но внимательно слѣдила за нимъ и вся была на сторонѣ Лаврецкаго. Политика ее занимала очень мало; но самонадѣянный тонъ свѣтскаго чиновника (онъ никогда еще такъ не высказывался) ее отталкивалъ; его презрѣніе къ Россіи ее оскорбило. Лизѣ и въ голову не приходило, что она патріотка; но ей было по душѣ съ русскими людьми; русскій складъ ума ее радовалъ; она не чинясь, по цѣлымъ часамъ бесѣдовала съ старостой материнскаго имѣнія, когда онъ пріѣзжалъ въ городъ, и бесѣдовала съ нимъ какъ съ ровней, безъ всякаго барскаго снисхожденія. Лаврецкій все это чувствовалъ; онъ бы не сталъ

возражать одному Паншину; онъ говорилъ только для Лизы. Другъ другу они ничего не сказали, даже глаза ихъ рѣдко встрѣчались; но оба они поняли, что тѣсно сошлись въ этотъ вечеръ, поняли, что и любятъ и не любятъ одно и тоже. Въ одномъ только они расходились; но Лиза втайнѣ надѣялась привести его къ Богу. Они сидѣли возлѣ Марѣы Тимофеевны и, казалось, слѣдили за ея игрой; да они и дѣйствительно за ней слѣдили, — а между тѣмъ у каждаго изъ нихъ сердце росло въ груди, и ничего для нихъ не пропадало: для нихъ пѣлъ соловей, и звѣзды горѣли, и деревья тихо шептали, убаюканныя и сномъ, и нѣгой лѣта, и тепломъ. Лаврецкій отдавался весь увлекавшей его волнѣ — и радовался; но слово не выразить того, что происходило въ чистой душѣ дѣвушки: оно было тайной для нея самой; пусть же останется оно и для всѣхъ тайной. Никто не знаетъ, никто не видѣлъ и не увидитъ никогда, какъ, призванное къ жизни и разцвѣтанію, наливается и зрѣетъ зерно въ лонѣ земли.

Пробило десять часовъ. Марѣа Тимофеевна отправилась къ себѣ на верхъ съ Настасьей Карповой; Лаврецкій и Лиза прошли по комнатѣ, остановились передъ раскрытой дверью сада, взглянули въ темную даль, потомъ другъ на друга — и улыб-

нулись: такъ, кажется, взялись бы они за руки, наговорились бы дõсыта. Они вернулись къ Марьѣ Дмитріевнѣ и къ Паншину, у которыхъ пикетъ затянулся. Послѣдній «король» кончился наконецъ, и хозяйка встала, крехтя и охая, съ обложеннаго подушками кресла; Паншинъ взялъ шляпу, поцаловалъ у Марьи Дмитріевны руку, замѣтилъ, что инымъ счастливымъ теперь ничто не мѣшаетъ спать или наслаждаться ночью, а ему придется до утра просидѣть надъ глупыми бумагами, холодно раскланялся съ Лизой (онъ не ожидалъ, что въ отвѣтъ на его предложеніе она попроситъ его подождать, — и потому дулся на нее) — и удалился. Лаврецкій отправился вслѣдъ за нимъ. У воротъ они разстались; Паншинъ разбудилъ своего кучера, толкнувъ его концомъ палки въ шею, сѣлъ на дрожки и покатилъ. Лаврецкому не хотѣлось идти домой: онъ вышелъ изъ города въ поле. Ночь была тиха и свѣтла, хотя луны не было; Лаврецкій долго бродилъ по роситой травѣ: узкая тропинка попалась ему; онъ пошелъ по ней. — Она привела его къ длинному забору, къ калиткѣ; онъ попытался, самъ не зная зачѣмъ, толкнуть ее: она слабо скрипнула и отворилась, словно ждала прикосновенія его руки. Лаврецкій очутился въ саду, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по липовой аллеѣ и вдругъ

остановился въ изумленіи: онъ узналъ садъ Кали-
тиныхъ.

Онъ тотчасъ же вошелъ въ черное пятно тѣни, падавшей отъ густаго орѣховаго куста и долго стоялъ неподвижно, дивясь и пожимая плечами.

«Это не даромъ», подумалъ онъ.

Все было тихо кругомъ: со стороны дома не приносилось никакого звука. Онъ осторожно пошелъ впередъ. Вотъ на поворотѣ аллеи весь домъ вдругъ глянулъ на него своимъ темнымъ фасомъ; въ двухъ только окнахъ на верху мерцалъ свѣтъ: у Лизы горѣла свѣча за бѣлымъ занавѣсомъ, да у Марфы Тимофеевны въ спальнѣ передъ образомъ теплилась краснымъ огонькомъ лампадка, отражаясь ровнымъ сіяніемъ на золотѣ оклада; внизу дверь на балконъ широко зѣвала, раскрытая настежь. Лаврецкій сѣлъ на деревянную скамейку, подперся рукою и сталъ глядѣть на эту дверь да на окно Лизы. Въ городѣ пробило полночь; въ домѣ маленькіе часики тонко прозвенѣли двѣнадцать; сторожъ дробно поколотилъ по доскѣ. Лаврецкій ничего не думалъ, ничего не ждалъ; ему пріятно было чувствовать себя вблизи Лизы, сидѣть въ ея саду на скамейкѣ, гдѣ и она сидѣла не однажды.... Свѣтъ исчезъ въ Лизиной комнатѣ.

«Спокойной ночи, моя милая дѣвушка», прошеп-

талъ Лаврецкій, продолжая сидѣть неподвижно и не сводя взора съ потемнѣвшаго окна.

Вдругъ свѣтъ появился въ одномъ изъ оконъ нижняго этажа, перешелъ въ другое, въ третье. . . . Кто-то шелъ со свѣчкой по комнатамъ. — Неужели Лиза? Не можетъ быть. . . . Лаврецкій приподнялся. . . . Мелькнулъ знакомый обликъ, и въ гостиной появилась Лиза. Въ бѣломъ платьѣ, съ нерасплетенными косами по плечамъ, она тихонько подошла къ столу, нагнулась надъ нимъ, поставила свѣчку и чего-то поискала; потомъ, обернувшись лицомъ къ саду, она приблизилась къ раскрытой двери и вся бѣлая, легкая, стройная, остановилась на порогѣ. Трепетъ пробѣжалъ по членамъ Лаврецкаго.

— Лиза! сорвалось едва внятно съ его губъ.

Она вздрогнула и начала всматриваться въ темноту.

— Лиза! повторилъ Лаврецкій громче и вышелъ изъ тѣни аллеи.

Лиза съ испугомъ вытянула голову и пошатнулась назадъ: она узнала его. Онъ назвалъ ее въ третій разъ и протянулъ къ ней руки. Она отделилась отъ двери и вступила въ садъ.

— Вы? проговорила она. — Вы здѣсь?

— Я.... я.... выслушайте меня, прошепталъ Лаврецкій и, схвативъ ея руку, повелъ ее къ скамейкѣ.

Она шла за нимъ безъ сопротивленія; ея блѣдное лицо, неподвижные глаза, всѣ ея движенія выражали несказанное изумленіе. Лаврецкій посадилъ ее на скамейку и самъ сталъ передъ ней.

— Я не думалъ прійти сюда, началъ онъ: — меня привело.... я.... я.... я люблю васъ, произнесъ онъ съ невольнымъ ужасомъ.

Лиза медленно взглянула на него; казалось, она только въ это мгновеніе поняла, гдѣ она и что съ нею. Она хотѣла подняться, не могла, и закрыла лицо руками.

— Лиза, произнесъ Лаврецкій; — Лиза, повторилъ онъ и склонился къ ея ногамъ....

Ея плечи начали слегка вздрагивать, пальцы блѣдныхъ рукъ крѣпче прижались къ лицу.

— Что съ вами? промолвилъ Лаврецкій и услышалъ тихое рыданіе. Сердце его захолонуло.... Онъ понялъ, что значили эти слезы. — Неужели вы меня любите? прошепталъ онъ и коснулся ея колѣней.

— Встаньте, — слышался ея голосъ; — встаньте, Федоръ Ивановичъ. Что мы это дѣлаемъ съ вами?

Онъ всталъ и сѣлъ подлѣ нея на скамейку. Она

уже не плакала и внимательно глядѣла на него своими влажными глазами.

— Мнѣ страшно; что́ это мы дѣлаемъ? повторила она.

— Я васъ люблю, проговорилъ онъ снова: — я готовъ отдать вамъ всю жизнь мою.

Она опять вздрогнула, какъ будто ее что-то ужалило, и подняла взоры къ небу.

— Это все въ Божьей власти, промолвила она.

— Но вы меня любите, Лиза? Мы будемъ счастливы?

Она опустила глаза; онъ тихо привлекъ ее къ себѣ, и голова ея упала къ нему на плечо. . . . Онъ отклонилъ немного свою голову и отыскалъ ея губы. . . .

Полчаса спустя Лаврецкій уже стоялъ передъ калиткой сада. Онъ нашелъ ее запертою и принужденъ былъ перепрыгнуть черезъ заборъ. Онъ вернулся въ городъ и пошелъ по заснувшимъ улицамъ. Чувство неожиданной, великой радости наполняло его душу; всѣ сомнѣнія въ немъ замерли. «Исчезни прошедшее, темный призракъ, — думалъ онъ; — она меня любитъ, она моя». Вдругъ ему почудилось, что въ воздухѣ надъ его головою раз-

лились какіе-то дивные, торжествующіе звуки; онъ остановился: звуки загремѣли еще великолѣпнѣй; пѣвучимъ, сильнымъ потокомъ струились они — и въ нихъ, казалось, говорило и пѣло все его счастье. Онъ оглянулся: звуки неслись изъ двухъ верхнихъ оконъ небольшого дома.

— Леммъ! вскрикнулъ Лаврецкій и подбѣжалъ къ дому. — Леммъ! Леммъ! повторилъ онъ громко.

Звуки замерли, и фигура старика въ шлафрокѣ, съ раскрытой грудью и растрепанными волосами, показалась въ окнѣ.

— Ага! проговорилъ онъ съ достоинствомъ: это вы?

— Христофоръ Ѳедоровичъ, что это за чудная музыка! ради Бога, впустите меня.

Старикъ, ни слова не говоря, величественнымъ движеніемъ руки кинулъ изъ окна ключъ отъ двери на улицу. Лаврецкій проворно вбѣжалъ наверхъ, вошелъ въ комнату и хотѣлъ было броситься къ Лемму; но тотъ повелительно указалъ ему на стулъ, отрывисто сказалъ по-русски: «Садитесь и слушать»; самъ сѣлъ за фортепьяно, гордо и строго взглянулъ кругомъ, и заигралъ. Давно Лаврецкій не слышалъ ничего подобнаго: сладкая, страстная мелодія съ перваго звука охватывала

сердце; она вся сіяла, вся томилась вдохновеніемъ, счастьемъ, красотою; она росла и таяла; она касалась всего, что́ есть на землѣ дорогаго, тайнаго, святаго; она дышала безсмертной грустью и уходила умирать въ небеса. Лаврецкій выпрямился и стоялъ, похолодѣлый и блѣдный отъ восторга. Эти звуки такъ и впивались въ его душу, только что потрясенную счастьемъ любви; они сами пылали любовью. «Повторите», прошепталъ онъ, какъ только раздался послѣдній аккордъ. Старикъ бросилъ на него орлиный взоръ, постучалъ рукой по груди и, проговоривъ не спѣша на родномъ своемъ языкѣ: «это я сдѣлалъ, ибо я великій музыкантъ», снова съигралъ свою чудную композицію. Въ Комнатѣ не было свѣчей; свѣтъ поднявшейся луны косо падалъ въ окна; звонко трепеталъ чуткій воздухъ; маленькая, бѣдная комнатка казалась святилищемъ, и высоко и вдохновенно поднималась въ серебристой полутьмѣ голова старика. Лаврецкій подошелъ къ нему и обнялъ его. Сперва Леммъ не отвѣчалъ на его объятіе, даже отклонилъ его локтемъ; долго, не шевелясь ни однимъ членомъ, глядѣлъ онъ все такъ же строго, почти грубо, и только раза два промычалъ: ага! Наконецъ его преобразившееся лицо успокоилось, опустилось, и онъ въ отвѣтъ на горячія поздравленія Лаврецкаго

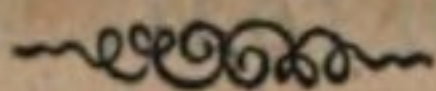
сперва улыбнулся немного, потомъ заплакалъ, слабо всхлипывая какъ дитя.

— Это удивительно, сказалъ онъ, что вы именно теперь пришли; но я знаю, все знаю.

— Вы все знаете? произнесъ съ смущеніемъ Лаврецкій.

— Вы меня слышали, возразилъ Леммъ: — развѣ вы не поняли, что я все знаю?

Лаврецкій до утра не могъ заснуть: онъ всю ночь просидѣлъ на постели. И Лиза не спала: она молилась.

ГЛАВА XXXV.

Читатель знаетъ, какъ выросъ и развивался Лаврецкій; скажемъ нѣсколько словъ о воспитаніи Лизы. Ей минулъ 10-й годъ, когда отецъ ея умеръ: но онъ мало занимался ею. Заваленный дѣлами, постоянно озабоченный приращеніемъ своего состоянія, жолчный, рѣзкій, нетерпѣливый, онъ не скупясь давалъ деньги на учителей, гувернёровъ, на одежду и прочія нужды дѣтей; но терпѣть не могъ, какъ онъ выражался, няньчиться съ писклятами, — да и некогда ему было няньчиться съ ними. Онъ работалъ, возился съ дѣлами, спалъ мало, изрѣдка игралъ въ карты, опять работалъ; онъ самъ себя сравнивалъ съ лошадыю, запряженной въ молотильную машину. «Скоренько жизнь моя проскочила», промолвилъ онъ на смертномъ одрѣ съ горькой

усмѣшкой на высохшихъ губахъ. Марья Дмитріевна въ сущности немного больше мужа занималась Лизой, хотя она и хвасталась передъ Лаврецкимъ, что одна воспитала дѣтей своихъ; она одѣвала ее какъ куколку, при гостяхъ гладила ее по головкѣ и называла въ глаза умницей и душкой — и только: лѣнивую барыню утомляла всякая постоянная забота. При жизни отца Лиза находилась на рукахъ гувернантки, дѣвицы Морò изъ Парижа; а послѣ его смерти поступила въ вѣдѣніе Марѣы Тимофеевны. Марѣу Тимофеевну читатель знаетъ; а дѣвица Морò была крошечное, сморщенное существо съ птичьими ухватками и птичьимъ умишкомъ. Въ молодости она вела жизнь очень разсѣянную, а подъ старость у ней остались только двѣ страсти — къ лакомству да къ картамъ. Когда она была сыта, не играла въ карты и не болтала, — лицо у ней тотчасъ принимало выраженіе почти мертвенное: сидитъ, бывало, смотритъ, дышетъ — и такъ и видно, что никакой мысли не пробѣгаетъ въ головѣ. Ее даже нельзя было назвать доброю: не бываютъ же добры птицы. Вслѣдствіе ли легкомысленно проведенной молодости, отъ парижскаго ли воздуха, которымъ она надыхалась съ дѣтства, — въ ней гнѣздилося что-то въ родѣ всеобщаго дешевенькаго скептицизма, выражавшагося обыкновенно сло-

вами: «*tout ça c'est des bêtises*». Она говорила неправильнымъ, но чисто-парижскимъ жаргономъ, не сплетничала и не капризничала; чего же больше можно желать отъ гувернантки? На Лизу она имѣла мало вліянія; тѣмъ сильнѣе было вліяніе на нее ея няни, Агафьи Власьевны.

Судьба этой женщины была замѣчательна. Она происходила изъ крестьянскаго семейства; 16-ти лѣтъ ее выдали за мужика; но отъ своихъ сестеръ крестьянокъ она отличалась рѣзко. Отецъ ея лѣтъ двадцать былъ старостой, нажилъ денегъ много и баловалъ ее. Красавица она была необыкновенная, первая щеголиха по всему околотку, умница, рѣчистая, смѣлая; ея баринъ, Дмитрій Пестовъ, отецъ Марьи Дмитриевны, человѣкъ скромный и тихій, увидалъ ее однажды на молотбѣ, поговорилъ съ ней и страстно въ нее влюбился. Она скоро овдовѣла; Пестовъ, хотя и женатый былъ человѣкъ, взялъ ее къ себѣ въ домъ, одѣлъ ее по дворовому. Агафья тотчасъ освоилась съ новымъ своимъ положеніемъ, точно она вѣкъ свой иначе не жила. Она побѣлѣла, пополнѣла; руки у ней подъ кисейными рукавами стали «крупичатыя», какъ у купчихи; самоваръ не сходилъ со стола; кромѣ шелку да бархату, она ничего носить не хотѣла, спала на пуховыхъ перинахъ. Лѣтъ пять продолжалась эта

блаженная жизнь; — но Дмитрій Пестовъ умеръ; вдова его, барыня добрая, жалѣя память покойника, не хотѣла поступить съ своей соперницей нечестно, тѣмъ болѣе, что Агафья никогда передъ ней не забывалась; однако выдала ее за скотника и сослала съ глазъ долой. Прошло года три. Разъ какъ-то въ жаркій лѣтній день барыня заѣхала къ себѣ на скотный дворъ. Агафья попотчивала ее такими славными холодными сливками, такъ скромно себя держала и сама была такая опрятная, веселая, всѣмъ довольная, что барыня объявила ей прощеніе и позволила ходить въ домъ; а мѣсяцевъ черезъ шесть такъ къ ней привязалась, что произвела ее въ экономки и поручила ей все хозяйство. Агафья опять вошла въ силу, опять раздобрѣла и побѣлѣла; барыня совсѣмъ ей ввѣрилась. Такъ прошло еще лѣтъ пять. Несчастье вторично обрушилось на Агафью. Мужъ ея, котораго она вывела въ лакеи, запилъ, сталъ пропадать изъ дому и кончилъ тѣмъ, что укралъ шесть господскихъ серебряныхъ ложекъ и запряталъ ихъ — до случая — въ женнинъ сундукъ. Это открылось. Его опять повернули въ скотники, а на Агафью наложили опалу; изъ дома ее не выгнали, но разжаловали изъ экономокъ въ швеи и велѣли ей вмѣсто чепца носить на головѣ платокъ. Къ удивленію всѣхъ, Агафья съ покорнымъ смире-

ніемъ приняла поразившій ее ударъ. Ей уже было тогда за тридцать лѣтъ, дѣти у ней всѣ померли, и мужъ жилъ недолго. Пришла ей пора опомниться: она опомнилась. Она стала очень молчалива и богомольна, не пропускала ни одной заутрени, ни одной обѣдни, раздарила всѣ свои хорошія платья. Пятнадцать лѣтъ провела она тихо, смирно, степенно, ни съ кѣмъ ни ссорясь, всѣмъ уступая. Нагрубить ли ей кто — она только поклонится и поблагодаритъ за ученіе. Барыня давно ей простила, и опалу сложила съ нея, и съ своей головы чепецъ ей подарила; но она сама не захотѣла снять свой платокъ и все ходила въ темномъ платьѣ; а послѣ смерти барыни она стала еще тише и ниже. Русскій человѣкъ боится и привязывается легко; но уваженіе его заслужить трудно: дается оно не скоро и не всякому; Агафью всѣ въ домѣ очень уважали; никто и не вспоминалъ о прежнихъ грѣхахъ, словно ихъ вмѣстѣ съ старымъ бариномъ въ землю похоронили.

Сдѣлавшись мужемъ Марьи Дмитріевны, Калитинъ хотѣлъ было поручить Агафѣ домашнее хозяйство; но она отказалась «ради соблазна»; онъ прикрикнулъ на нее: она низко поклонилась и вышла вонъ. Умный Калитинъ понималъ людей: онъ и Агафью понялъ и не забылъ ея. Пересилившись

въ городъ, онъ съ ея согласія приставилъ ее въ качествѣ няни къ Лизѣ, которой только-что пошелъ пятый годъ.

Лизу сперва испугало серьезное и строгое лицо новой няни; но она скоро привыкла къ ней и крѣпко ее полюбила. Она сама была серьезный ребенокъ; черты ея напоминали рѣзкій и правильный обликъ Калитина; только глаза у ней были не отцовскіе; они свѣтились тихимъ вниманіемъ и добротой, что рѣдко въ дѣтяхъ. Она въ куклы не любила играть, смѣялась не громко и не долго, держалась чинно. Она задумывалась не часто, но почти всегда не даромъ; помолчавъ немного, она обыкновенно кончала тѣмъ, что обращалась къ комунибудь старшему съ вопросомъ, показывавшимъ, что голова ея работала надъ новымъ впечатлѣніемъ. Она очень скоро перестала картавить и уже на четвертомъ году говорила совершенно чисто. Отца она боялась; чувство ея къ матери было неопредѣленно, она не боялась ея и не ласкалась къ ней; впрочемъ она и къ Агафѣ не ласкалась, хотя только ее одну и любила. Агафья съ ней не разставалась. Странно было видѣть ихъ вдвоемъ. Бывало, Агафья вся въ черномъ, съ темнымъ платкомъ на головѣ, съ похудѣвшимъ, какъ воскъ прозрачнымъ, но все еще прекраснымъ и выразительнымъ лицомъ, си-

дять прямо и вяжетъ чулокъ; у ногъ ея на маленькомъ креслецѣ сидить Лиза и тоже трудится надъ какой нибудь работой или, важно поднявши свѣтлыя глазки, слушаетъ, что рассказываетъ ей Агафья; а Агафья рассказываетъ ей не сказки: мѣрнымъ и ровнымъ голосомъ рассказываетъ она житіе Пречистой Дѣвы, житіе отшельниковъ, угодниковъ Божіихъ, святыхъ мученицъ; говоритъ она Лизѣ, какъ жили святые въ пустыняхъ, какъ спасались, голодъ терпѣли и нужду, — и царей не боялись, Христа исповѣдывали; какъ имъ птицы небесныя кормъ носили, и звѣри ихъ слушались; какъ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ кровь ихъ падала, цвѣты выросали. — «Желтофіоли»? спросила однажды Лиза, которая очень любила цвѣты. . . . Агафья говорила съ Лизой важно и смиренно, точно она сама чувствовала, что не ей бы произносить такія высокія и святыя слова. Лиза ее слушала — и образъ Вездѣсущаго, Всезнающаго Бога съ какой-то сладкой силой втѣснялся въ ея душу, наполнялъ ее чистымъ, благоговѣйнымъ страхомъ, а Христосъ становился ей чѣмъ-то близкимъ, знакомымъ, чуть не роднымъ; Агафья и молиться ее выучила. Иногда она будила Лизу рано на зарѣ, торопливо ее одѣвала и уводила тайкомъ къ заутренѣ; Лиза шла за ней на цыпочкахъ, едва дыша; холодъ и полусвѣтъ

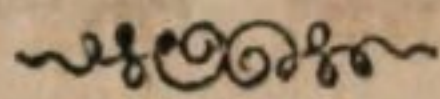
утра, свѣжесть и пустота церкви, самая таинственность этихъ неожиданныхъ отлучекъ, осторожное возвращеніе въ домъ, въ постельку, — вся эта смѣсь запрещеннаго, страннаго, святаго, потрясла дѣвочку, проникала въ самую глубь ея существа. Агафья никогда никого не осуждала и Лизу не бранила за шалости. Когда она бывала чѣмъ недовольна, она только молчала, и Лиза понимала это молчаніе; съ быстрой прозорливостью ребенка она также хорошо понимала, когда Агафья была недовольна другими — Марьей ли Дмитріевной, самимъ ли Калитинымъ. Года три съ небольшимъ ходила Агафья за Лизой; дѣвица Морò ее смѣнила; но легкомысленная француженка съ своими сухими ухватками да восклицаніемъ: *tout ça c'est des bêtises* — не могла вытѣснить изъ сердца Лизы ея любимую няню: посѣянные сѣмена пустили слишкомъ глубокіе корни. Притомъ Агафья, хотя и перестала ходить за Лизой, осталась въ домѣ и часто видалась съ своей воспитанницей, которая ей вѣрила по прежнему.

Агафья однако не ужилась съ Марѳой Тимофеевнóй, когда та переѣхала въ Калитинскій домъ. Строгая важность бывшей «панѣвницы» не нравилась нетерпѣливой и самовольной старушкѣ. Агафья отпросилась на богомолье и не вернулась. Ходили темные слухи, будто она удалилась въ раскольничій

скитъ. Но слѣдъ, оставленный ею въ душѣ Лизы, не изгладился. Она по прежнему шла къ обѣднѣ какъ на праздникъ, молилась съ наслажденьемъ, съ какимъ-то сдержаннымъ и стыдливымъ порывомъ, чему Марья Дмитриевна втайнѣ не мало дивилась, да и сама Марѳа Тимофеевна — хотя ни въ чемъ не стѣсняла Лизу, однако старалась умѣрить ея рвеніе и не позволяла ей класть лишніе земные поклоны: — не дворянская, молъ, это замашка. Училась Лиза хорошо, то есть усидчиво; особенно блестящими способностями, большимъ умомъ ее Богъ не наградилъ; безъ труда ей ничего не давалось. Она хорошо играла на фортепьяно, но одинъ Леммъ зналъ, чего ей это стоило. Читала она не много; у ней не было «своихъ словъ», но были свои мысли — и шла она своей дорогой. Недаромъ походила она на отца: онъ тоже не спрашивалъ у другихъ, что ему дѣлать. Такъ росла она — покойно, неторопливо, такъ достигла девятнадцатилѣтняго возраста. Она была очень мила, сама того не зная. Въ каждомъ ея движеніи высказывалась невольная, нѣсколько неловкая грація; голосъ ея звучалъ серебромъ нетронутой юности, малѣйше ощущеніе удовольствія вызывало привлекательную улыбку на ея губы, придавало глубокой блескъ и какую-то тайную ласковость ея засвѣтившимся глазамъ. Вся

проникнутая чувствомъ долга. боязнью оскорбить кого бы то ни было, съ сердцемъ добрымъ и кроткимъ, она любила всѣхъ и никого въ особенности; она любила одного Бога, восторженно, робко, нѣжно. Лаврецкій первый нарушилъ ея тихую внутреннюю жизнь. . . .

Такова была Лиза.

ГЛАВА XXXVI.

На слѣдующій день, часу въ двѣнадцатомъ, Лаврецкій отправился къ Калитинымъ. На дорогѣ онъ встрѣтилъ Паншина, который проскакалъ мимо его верхомъ, нахлобучивъ шляпу на самыя брови. У Калитиныхъ Лаврецкаго не приняли—въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ съ ними познакомился. Марья Дмитріевна «почивали»,—такъ доложилъ лакей; у «нихъ» голова болѣла. Марѣы Тимофеевны и Лизаветы Михайловны не было дома. Лаврецкій походилъ около сада въ смутной надеждѣ встрѣтиться съ Лизой, но не увидалъ никого. Онъ вернулся черезъ два часа и получилъ тотъ же отвѣтъ, при чемъ лакей какъ-то косо посмотрѣлъ на него. Лаврецкому показалось неприличнымъ навѣдываться въ тотъ же день въ третій разъ — и онъ рѣшился

сѣздить въ Васильевское, гдѣ у него безъ того были дѣла. На дорогѣ онъ строилъ различные планы, одинъ прекраснѣе другаго: но въ сельцѣ его тетки на него напала грусть; онъ вступилъ въ разговоръ съ Антономъ; у старика, какъ нарочно, все невеселыя мысли на умѣ были. Онъ разсказалъ Лаврецкому, какъ Глафира Петровна передъ смертью сама себя за руку укусила, — и помолчавъ, сказалъ со вздохомъ: «всякъ человѣкъ, баринъ-батюшка, самъ себѣ на сѣденіе преданъ». Было уже поздно, когда Лаврецкій пустился въ обратный путь. Вчерашніе звуки охватили его; образъ Лизы возсталъ въ его душѣ во всей своей кроткой ясности; онъ умилился при мысли, что она его любитъ, — и подѣхалъ къ своему городскому домику, успокоенный и счастливый.

Первое, что поразило его при входѣ въ переднюю, былъ запахъ пачули, весьма ему противный; тутъ же стояли какіе-то высокіе сундуки и баулы. Лицо выскочившаго къ нему навстрѣчу камердинера показалось ему страннымъ. Не отдавая себѣ отчета въ своихъ впечатлѣніяхъ, переступилъ онъ порогъ гостиной. . . . Ему навстрѣчу съ дивана поднялась дама въ черномъ шелковомъ платьѣ съ воланами и, поднеся батистовый платокъ къ блѣдному лицу, переступила нѣсколько шаговъ, склонила

тщательно-расчесанную, душистую голову — и упала къ его ногамъ... Тутъ только онъ узналъ ее: эта дама была его жена.

Дыханіе у него захватило.... Онъ прислонился къ стѣнѣ.

— Теодоръ, не прогоняйте меня! сказала она по-французски, и голосъ ея какъ ножомъ рѣзануль его по сердцу.

Онъ глядѣль на нее безсмысленно, и однако тотчасъ же невольно замѣтилъ, что она и побѣлѣла и отекала.

— Теодоръ! продолжала она, изрѣдка вскидывая глазами и осторожно ломая свои удивительно-красивые пальцы съ розовыми лощеными ногтями, — Теодоръ, я передъ вами виновата, глубоко виновата, — скажу болѣе: я преступница; но вы выслушайте меня; раскаяніе меня мучить; я стала самой себѣ въ тягость, я не могла болѣе переносить мое положеніе; сколько разъ я думала обратиться къ вамъ, но я боялась вашего гнѣва; я рѣшилась разорвать всякую связь съ прошедшимъ.... *puis, j'ai été si malade*, — я была такъ больна, прибавила она и провела рукой по лбу и по щекѣ — я воспользовалась распространившимся слухомъ о моей смерти, я покинула все; не останавливаясь, день и ночь спѣшила я сюда; я долго колебалась

предстать предъ васъ, моего судью — *paraître devant vous, mon juge*; но я рѣшилась наконецъ, вспомнивъ вашу всегдашнюю доброту, ѣхать къ вамъ; я узнала вашъ адресъ въ Москвѣ. Повѣрьте, продолжала она, тихонько поднимаясь съ полу и садясь на самый край кресла: — я часто думала о смерти и я бы нашла въ себѣ довольно мужества, чтобы лишиться себя жизни — ахъ, жизнь теперь для меня несносное бремя! — Но мысль о моей дочери, о моей Адочкѣ — меня останавливала; она здѣсь, она спитъ въ сосѣдней комнатѣ, бѣдный ребенокъ! Она устала — вы ее увидите: она, по крайней мѣрѣ, передъ вами невиновата. . . . А такъ несчастна, такъ несчастна! воскликнула госпожа Лаврецкая и залилась слезами.

Лаврецкій пришелъ наконецъ въ себя; онъ отделился отъ стѣны и повернулся къ двери.

— Вы уходите? съ отчаяньемъ проговорила его жена: — о, это жестоко! Не сказавши мнѣ ни одного слова, ни одного даже упрека. . . . Это презрѣніе меня убиваетъ, это ужасно!

Лаврецкій остановился.

— Что вы хотите слышать отъ меня? произнесъ онъ беззвучнымъ голосомъ.

— Ничего, ничего, съ живостью подхватила она: — я знаю, я не въ правѣ ничего требовать; я

не безумная, повѣрьте; я не надѣюсь, я не смѣю надѣяться на ваше прощеніе; я только осмѣливаюсь просить васъ, чтобы вы приказали мнѣ, что мнѣ дѣлать, гдѣ мнѣ жить? Я—какъ рабыня исполню ваше приказаніе, какое бы оно ни было.

— Мнѣ нечего вамъ приказывать, возразилъ тѣмъ же голосомъ Лаврецкій:—вы знаете, между нами все кончено.... и теперь болѣе, чѣмъ когда нибудь. Вы можете жить, гдѣ вамъ угодно; и если вамъ мало вашей пенсіи....

— Ахъ, не говорите такихъ ужасныхъ словъ, перебила его Варвара Павловна: — пощадите меня, хотя.... хотя ради этого ангела.... И, сказавши эти слова, Варвара Павловна стремительно выбѣжала въ другую комнату и тотчасъ же вернулась съ маленькой, очень изящно одѣтой дѣвочкой на рукахъ. Крупныя русыя кудри падали ей на хорошенькое румяное личико, на большіе черные заspanные глаза; она и улыбалась, и щурилась отъ огня, и упиралась пухлой ручонкой въ шею матери.

— *Ada, vois, c'est ton père*, проговорила Варвара Павловна, отводя отъ ея глазъ кудри и крѣпко цалуя ее: — *prie le avec moi*....

— *C'est ça papa*, залепетала дѣвочка, картавя.

— *Oui, mon enfant, n'est ce pas que, tu l'aimes?*

Но тутъ стало не въ мочь Лаврецкому.

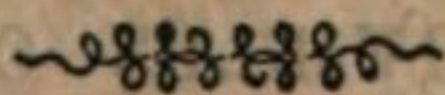
— Въ какой это мелодрамѣ есть совершенно такая сцена? пробормоталъ онъ — и вышелъ вонъ.

Варвара Павловна постояла нѣкоторое время на мѣстѣ, слегка повела плечами, отнесла дѣвочку въ другую комнату, раздѣла и уложила ее. Потомъ она достала книжку, сѣла у лампы, подождала около часу и наконецъ сама легла въ постель.

— *Eh bien, madame?* спросила ее ея служанка, француженка, вывезенная ею изъ Парижа, снимая съ нея корсетъ.

— *Eh bien, Justine,* возразила она: — онъ очень постарѣлъ, но, мнѣ кажется, онъ все такой же добрый. Подайте мнѣ перчатки на ночь, приготовьте къ завтрашнему дню сѣрое платье доверху, да не забудьте бараньихъ котлетъ для Ады.... Правда, ихъ здѣсь трудно найти; но надо постараться.

— *A la guerre — comme à la guerre,* возразила Жюстина и загасила свѣчу.

ГЛАВА XXXVII.

Болѣе двухъ часовъ скитался Лаврецкій по улицамъ города. Пришла ему на память ночь, проведенная въ окрестностяхъ Парижа. Сердце у него надрывалось и въ головѣ, пустой и словно оглушенной, кружились все однѣ и тѣ же мысли, темныя, вздорныя, злыя. «Она жива, она здѣсь», шепталъ онъ съ постоянно возраждавшимся изумленіемъ. Онъ чувствовалъ, что потерялъ Лизу. Жолчь его душила; слишкомъ внезапно поразилъ его этотъ ударъ. Какъ могъ онъ такъ легко повѣрить вздорной болтовнѣ фельетона, лоскуту бумаги? «Ну, я бы не повѣрилъ, подумалъ онъ: — какая была бы разница? Я бы не зналъ, что Лиза меня любитъ; она сама бы этого не знала». Онъ не могъ отогнать отъ себя образа, голоса, взоровъ своей же-

ны. . . . и онъ проклиналъ себя, проклиналъ все на свѣтѣ.

Измученный, пришелъ онъ передъ утромъ къ Лемму. Долго онъ не могъ достучаться; наконецъ въ окнѣ показалась голова старика въ колпакѣ, кислая, сморщенная, уже нисколько не похожая на ту вдохновенно-суровую голову, которая, двадцать четыре часа тому назадъ, со всей высоты своего художническаго величія царски глянула на Лаврецкаго.

— Что вамъ надо? спросилъ Леммъ: — я не могу каждую ночь играть, я декоктъ принялъ. Но видно лицо у Лаврецкаго было очень странно: старикъ сдѣлалъ себѣ изъ руки надъ глазами козырекъ, взглянулъ въ своего ночного посѣтителя и впустилъ его.

Лаврецкій вошелъ въ комнату и опустился на стулъ; старикъ остановился передъ нимъ, запахнувъ полы своего пестраго дряхлаго халата, ёжась и жуя губами.

Моя жена пріѣхала, проговорилъ Лаврецкій, поднялъ голову и вдругъ самъ невольно разсмѣялся.

Лицо Лемма выразило изумленіе, но онъ даже не улыбнулся, только крѣпче завернулся въ халатъ.

— Вѣдь вы не знаете, продолжалъ Лаврецкій:—

я воображалъ. . . . я прочелъ въ газетѣ, что ея уже вѣтъ на свѣтѣ.

— О-о, это вы недавно прочли? спросилъ Леммъ.

— Недавно.

— О-о, повторилъ старикъ и высоко поднялъ брови. — И она пріѣхала?

— Пріѣхала. Она теперь у меня, а я. . . . я несчастный челокѣкъ.

И онъ опять усмѣхнулся.

— Вы несчастный челокѣкъ, медленно повторилъ Леммъ.

— Христіанъ Ѳедорычъ, началъ Лаврецкій: — возьметесь вы доставить записку?

— Гмъ. Можно узнать, кому?

— Лизав. . . .

— А, — да, да, понимаю. Хорошо. А когда нужно будетъ доставить записку?

— Завтра, какъ можно раньше.

— Гмъ. Можно послать Катринъ, мою кухарку. Нѣтъ, я самъ пойду.

— И принесете мнѣ отвѣтъ?

— И принесу отвѣтъ.

Леммъ вздохнулъ.

— Да, мой бѣдный молодой другъ; вы, точно, — несчастный молодой челокѣкъ.

Лаврецкій написалъ два слова Лизѣ: онъ извѣ-

стиль ее о прїѣздѣ жены, просилъ ее назначить ему свиданіе, — и бросился на узенькій диванъ лицомъ къ стѣнѣ; а старикъ легъ на постель и долго ворочался, кашляя и отпивая глотками свой декоктъ.

Настало утро; оба они поднялись. Странными глазами поглядѣли они другъ на друга. Лаврецкому хотѣлось въ этотъ мигъ убить себя. Кухарка Катринъ принесла имъ сквернаго кофе. Пробыло восемь часовъ. Леммъ надѣлъ шляпу и, сказавши, что урокъ онъ даетъ у Калитиныхъ въ десять часовъ, но что онъ найдетъ приличный предлогъ, отправился. Лаврецкій опять бросился на диванчикъ и опять со дна его души зашевелился горестный смѣхъ. Онъ думалъ о томъ, какъ жена выгнала его изъ дому; онъ представлялъ себѣ положеніе Лизы, закрывалъ глаза и закидывалъ руки за голову. Наконецъ Леммъ вернулся и принесъ ему клочокъ бумаги, на которомъ Лиза начертила карандашомъ слѣдующія слова: «Мы сегодня не можемъ видѣться; можетъ быть — завтра вечеромъ. Прощайте». Лаврецкій сухо и разсѣянно поблагодарилъ Лемма и пошелъ къ себѣ домой.

Онъ засталъ жену за завтракомъ; Ада, вся въ букляхъ, въ бѣленькомъ платицѣ съ голубыми лентончами, кушала баранью котлетку. Варвара Пав-

ловна тотчасъ встала, какъ только Лаврецкій вошелъ въ комнату, и съ покорностью на лицѣ подошла къ нему. Онъ попросилъ ее послѣдовать за нимъ въ кабинетъ, заперъ за собою дверь и началъ ходить взадъ и впередъ; она сѣла, скромно положила одну руку на другую и принялась слѣдить за нимъ своими, все еще прекрасными, хотя слегка подрисованными, глазами.

Лаврецкій долго не могъ заговорить: онъ чувствовалъ, что не владѣлъ собою; онъ видѣлъ ясно, что Варвара Павловна нисколько его не боялась, а показывала видъ, что вотъ сейчасъ въ обморокъ упадетъ.

— Послушайте, сударыня, началъ онъ наконецъ, тяжело дыша и по временамъ стискивая зубы: — намъ нечего притворяться другъ передъ другомъ; я вашему раскаянію не вѣрю; да если бы оно и было искренно, сойтись снова съ вами, жить съ вами — мнѣ невозможно.

Варвара Павловна сжала губы и прищурилась. — Это отвращеніе, подумала она; — кончено: я для него даже не женщина.

— Невозможно, повторилъ Лаврецкій и застигнулся доверху. — Я не знаю, зачѣмъ вамъ угодно было пожаловать сюда: вѣроятно, у васъ денегъ больше не стало.

— Увы! вы оскорбляете меня, прошептала Варвара Павловна.

— Какъ бы то ни было — вы все таки, къ сожалѣнію, моя жена. — Не могу же я васъ прогнать. . . . и вотъ что я вамъ предлагаю. Вы можете сегодня же, если угодно, отправиться въ Лаврики, живите тамъ; тамъ, вы знаете, хорошій домъ; вы будете получать все нужное, сверхъ пенсіи. . . . Согласны вы?

— Варвара Павловна поднесла вышитый платокъ къ лицу.

— Я вамъ уже сказала, промолвила она, нервно подергивая губами: — что я на все буду согласна, что бы вамъ ни угодно было сдѣлать со мной; на этотъ разъ остается мнѣ спросить у васъ: позволите ли вы мнѣ по крайней мѣрѣ поблагодарить васъ за ваше великодушіе?

— Безъ благодарности, прошу васъ — эдакъ лучше, поспѣшно проговорилъ Лаврецкій. — Стало быть, продолжалъ онъ, приближаясь къ двери: — я могу разсчитывать. . . .

— Завтра же я буду въ Лаврикахъ, промолвила Варвара Павловна, почтительно поднимаясь съ мѣста. — Но Ѳедоръ Ивановичъ. . . . (Теодоромъ она его больше не называла).

— Что вамъ угодно?

— Я знаю, я еще ничемъ не заслужила своего прощенія; могу ли я надѣяться покрайней мѣрѣ, что со временемъ. . . .

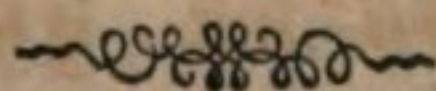
— Эхъ, Варвара Павловна, перебилъ ее Лаврецкій: — вы умная женщина, да вѣдь и я не дуракъ; я знаю, что этого вамъ совсѣмъ не нужно. А я давно васъ простилъ, но между нами всегда была бездна.

— Я съумѣю покориться, возразила Варвара Павловна и склонила голову.—Я не забыла своей вины; я бы не удивилась, если бы узнала, что вы даже обрадовались извѣстію о моей смерти,—кратко прибавила она, слегка указывая рукой на лежавшій на столѣ, забытый Лаврецкимъ, номеръ журнала.

Федоръ Ивановичъ дрогнулъ: фельетонъ былъ отмѣченъ карандашемъ. Варвара Павловна еще съ большимъ уничиженіемъ посмотрѣла на него. — Она была очень хороша въ это мгновеніе. Сѣрое парижское платье стройно охватывало ее гибкій, почти семнадцати-лѣтній станъ; ея тонкая, нѣжная шея, окруженная бѣлымъ воротничкомъ, ровно дышавшая грудь, руки безъ браслетовъ и колецъ, — вся ея фигура отъ лоснистыхъ волосъ до кончика едва выставленной ботинки была такъ изящна. . . .

Лаврецкій окинулъ ее злобнымъ взглядомъ, чуть

не воскликнулъ: *brava!* чуть не ударилъ ее кулакомъ по темени — и удалился. Часъ спустя онъ уже ѣхалъ въ Васильевское, а два часа спустя Варвара Павловна велѣла нанять себѣ лучшую карету въ городѣ, надѣла простую соломенную шляпу съ чернымъ вуалемъ и скромную мантилью, поручила Аду Жюстинѣ и отправилась къ Калитинымъ: изъ разпросовъ, сдѣланныхъ ею прислугѣ, она узнала, что мужъ ея ѣздилъ къ нимъ каждый день.

ГЛАВА XXXVIII.

День прїѣзда жены Лаврецкаго въ городъ О., не-веселый для него день, былъ также тягостнымъ днемъ для Лизы. Не успѣла она сойти внизъ и поздороваться съ матерью, какъ уже подъ окномъ раздался конскій топотъ, и она съ тайнымъ страхомъ увидѣла Паншина, вѣзжавшаго на дворъ. «Онъ явился такъ рано для окончательнаго объясненія», — подумала она и не обманулась; повертѣвшись въ гостиной, онъ предложилъ ей пойти съ нимъ въ садъ и потребовалъ рѣшенія своей участи. Лиза собрала съ духомъ и объявила ему, что не можетъ быть его женой. Онъ выслушалъ ее до конца, стоя къ ней бокомъ и надвинувъ на лобъ шляпу; вѣжливо, но измѣненнымъ голосомъ спросилъ ее: послѣднее ли это ея слово, и не подалъ ли

онъ чѣмъ нибудь повода къ подобной перемѣнѣ въ ея мысляхъ? потомъ прижалъ руку къ глазамъ, коротко и отрывисто вздохнулъ и отдернулъ руку отъ лица.

— Я не хотѣлъ пойти по избитой дорогѣ, проговорилъ онъ глухо: — я хотѣлъ найти себѣ подругу по влеченію сердца; но видно этому не должно быть. Прощай, мечта! Онъ глубоко поклонился Лизѣ и вернулся въ домъ.

Она надѣялась, что онъ тотчасъ же уѣдетъ; но онъ пошелъ въ кабинетъ къ Марьѣ Дмитриевнѣ и около часа просидѣлъ у ней. Уходя, онъ сказалъ Лизѣ: — *Votre mère vous appelle—adieu à jamais....* сѣлъ на лошадь и отъ самага крыльца поскакалъ во всю прыть. Лиза вошла къ Марьѣ Дмитриевнѣ и застала ее въ слезахъ: Паншинъ сообщилъ ей свое несчастіе.

— За что ты меня убила? За что ты меня убила? такъ начала свои жалобы огорченная вдова.— Кого тебѣ еще нужно? Чѣмъ онъ тебѣ не мужъ? Каммеръ-юнкеръ! не интересанъ! Онъ въ Петербургѣ на любой фрейлинѣ могъ бы жениться. А я-то, я-то надѣялась! И давно ли ты къ нему измѣнилась? Откуда нибудь эта туча надута, не сама собой пришла. Ужъ не тотъ ли фифанъ? Вотъ нашла совѣтчика!

— А онъ-то, мой голубчикъ, продолжала Марья Дмитриевна, — какъ онъ почтителенъ, въ самой печали какъ внимателенъ! Обѣщался не оставлять меня. Ахъ, я этого не перенесу! Ахъ, у меня голова смертельно разболѣлась! Пошли ко мнѣ Палашку. Ты убьешь меня, если не одумаешься, — слышишь? И назвавъ ее раза два неблагодарною, Марья Дмитриевна услала Лизу.

Она отправилась въ свою комнату. Но не успѣла она еще отдохнуть отъ объясненія съ Паншинымъ и съ матерью, какъ на нее опять обрушилась гроза, и съ такой стороны, откуда она меньше всего ее ожидала. Марфа Тимофеевна вошла къ ней въ комнату и тотчасъ захлопнула за собою дверь. Лицо старушки было блѣдно, чепецъ сидѣлъ на боку, глаза ея блестѣли, руки, губы дрожали. Лиза изумилась: она никогда еще не видала своей умной и разсудительной тетки въ такомъ состояніи.

— Прекрасно, сударыня, начала Марфа Тимофеевна трепетнымъ и прерывистымъ шопотомъ: — прекрасно! У кого ты это только выучилась, мать моя. . . . Дай мнѣ воды; я говорить не могу.

— Успокойтесь, тетушка; что съ вами? говорила Лиза, подавая ей стаканъ воды. Вѣдь вы сами, кажется, не жаловали г-на Паншина.

Марфа Тимофеевна отставила стаканъ.

— Питъ не могу: зубы себѣ послѣдніе выбью. Какой тутъ Паншинъ? Къ чему тутъ Паншинъ? А ты лучше мнѣ скажи, кто тебя научилъ свиданія по ночамъ назначать — а? мать моя?

Лиза поблѣднѣла.

— Ты пожалуйста не вздумай отговориться, продолжала Марфа Тимофеевна. Шурочка сама все видѣла и мнѣ сказала. Я ей запретила болтать, а она не солжетъ.

— Я и не отговариваюсь, тетушка, чуть слышно промолвила Лиза.

— А, а! Такъ вотъ какъ, мать моя; ты свиданіе ему назначила, этому старому грѣховоднику, смиреннику этому?

— Нѣтъ.

— Какъ же такъ?

— Я сошла внизъ въ гостиную за книжкой: онъ былъ въ саду — и позвалъ меня.

— И ты пошла? Прекрасно. Да ты любишь его, что ли?

— Люблю, отвѣчала тихимъ голосомъ Лиза.

— Матушки мои! Она его любитъ! Марфа Тимофеевна сдернула съ себя чепецъ. — Женатаго человека! Любитъ? а? любитъ!

— Онъ мнѣ сказывалъ, начала Лиза. . . .

— Что онъ тебѣ сказывалъ, соколикъ эдакой, что-о?

— Онъ мнѣ сказывалъ, что жена его скончалась.

Марфа Тимофеевна перекрестилась. — Царство ей небесное, прошептала она: — пустая была бабенка — не тѣмъ будь помянута. Вотъ какъ; вдовый онъ, стало быть. Да онъ, я вижу, на всѣ руки. Одну жену уморилъ, да и за другую. Каковъ тихоня? Только вотъ что скажу тебѣ, племянница: въ наши времена, какъ я молода была, дѣвкамъ за такія продѣлки больно доставалось. Ты не сердись на меня, мать моя; за правду одни дураки сердятся. Я и отказать ему велѣла сегодня. Я его люблю, но этого я ему никогда не прощу. Вишь, вдовый! Дай-ка мнѣ воды. А что ты Паншина съ носомъ отослала, за это ты у меня молодецъ; только не сиди ты по ночамъ съ этой козьей породой, съ мужчинами; не сокрушай ты меня старуху! А то вѣдь я не все ласкаться — я и кусаться умѣю. Вдовый!

Марфа Тимофеевна ушла, а Лиза сѣла въ уголокъ и заплакала. Горько ей стало на душѣ; не заслужила она такого униженья. Не веселостью сказывалась ей любовь: во второй разъ плакала она со вчерашняго вечера. Въ ея сердце едва только

родилось то новое, неожиданное чувство, и уже какъ тяжело поплатилась она за него, какъ грубо коснулись чужія руки ея завѣтной тайны! Стыдно, и горько, и больно было ей: но ни сомнѣнья, ни страха въ ней не было, — и Лаврецкій сталъ ей еще дороже. Она колебалась, пока сама себя не понимала; но послѣ того свиданія, послѣ того поцалуя — она уже колебаться не могла; она знала, что любить, — и полюбила честно, не шутя, привязалась крѣпко, на всю жизнь — и не боялась угрозъ: она чувствовала, что насилію не расторгнуть этой связи.

ГЛАВА XXXIX.

—

Марья Дмитріевна очень встревожилась, когда ей доложили о прїѣздѣ Варвары Павловны Лаврецкой; она даже не знала — принять ли ее: она боялась оскорбить Ѳедора Ивановича. Наконецъ любопытство превозмогло. Чтожь, подумала она, вѣдь она тоже родная, — и усѣвшись въ креслахъ, сказала лакею: проси! Прошло нѣсколько мгновеній; дверь открылась; Варвара Павловна быстро, чуть слышными шагами приблизилась къ Марьѣ Дмитріевнѣ и, не давая ей встать съ креселъ, почти склонила передъ ней колѣни.

— Благодарствуйте, тетушка, начала она тронутымъ и тихимъ голосомъ по-русски: — благодарствуйте; я не надѣялась на такое снисхожденіе съ вашей стороны; вы добры, какъ ангелъ.

Сказавши эти слова, Варвара Павловна неожиданно овладѣла одной рукой Марьи Дмитріевны и, слегка стиснувъ ее въ своихъ блѣдно-лиловыхъ жу-веновскихъ перчаткахъ, подобострастно поднесла ее къ розовымъ и полнымъ губамъ. Марья Дмитріевна совсѣмъ потерялась, увидѣвъ такую красивую, прелестно-одѣтую женщину почти у ногъ своихъ; она не знала, какъ ей быть; и руку-то свою она у ней отнять хотѣла, и усадить-то ее она желала, и сказать ей что нибудь ласковое; она кончила тѣмъ, что приподнялась и поцаловала Варвару Павловну въ гладкій и пахучій лобъ: Варвара Павловна вся сомлѣла подъ этимъ поцалуемъ.

— Здравствуйте, *bonjour*, сказала Марья Дмитріевна; — конечно, я не воображала. . . . впрочемъ я, конечно, рада васъ видѣть. Вы понимаете, милая моя, — не мнѣ быть судьей между женой и мужемъ. . . .

— Мой мужъ во всемъ правъ, перебила ее Варвара Павловна: — я одна виновата.

— Это очень похвальные чувства, возразила Марья Дмитріевна: — очень. Давно вы пріѣхали? Видѣли вы его? Да сядьте же пожалуйста.

— Я вчера пріѣхала, отвѣчала Варвара Павловна, смиренно сядься на стулъ; я видѣла Ѳедора Иваныча, я говорила съ нимъ.

— А! Ну, и что же онъ?

— Я боялась, что мой внезапный пріѣздъ возбуди́тъ его гнѣвъ, продолжала Варвара Павловна.— Но онъ не лишилъ меня своего присутствія.

— То есть, онъ не.... Да, да, понимаю, промолвила Марья Дми́тріевна. Онъ только съ виду немного грубъ, а сердце у него мягкое.

— Ѳедоръ Иваннычъ не простилъ меня; онъ не хотѣлъ меня выслушать.... Но онъ былъ такъ добръ, что назначилъ мнѣ Лаврики мѣстомъ жительства.

— А! прекрасное имѣнье!

— Я завтра же отправляюсь туда, въ исполненіе его воли; но я почла долгомъ побывать прежде у васъ.

— Очень, очень вамъ благодарна, моя милая. Родныхъ никогда забывать не слѣдуетъ. А знаете ли, я удивляюсь, какъ вы хорошо говорите по-русски. *C'est étonnant.*

Варвара Павловна вздохнула.

— Я слишкомъ долго пробыла за границей, Марья Дми́тріевна, я это знаю: но сердце у меня всегда было русское, и я не забыла своего отечества.

— Такъ, такъ; это лучше всего. Ѳедоръ Иваннычъ васъ однако вовсе не ожидалъ. — Да; по-

вѣрьте моей опытности; *la patrie avant tout*. Ахъ, покажите пожалуйста, что это у васъ за прелестная мантилья.

— Вамъ она нравится? Варвара Павловна проворно спустила ее съ плечъ. — Она очень простенькая, отъ *madame Baudran*.

— Это сейчасъ видно. Отъ *madame Baudran*. . . . Какъ мило и съ какимъ вкусомъ! Я увѣрена, вы привезли съ собой множество восхитительныхъ вещей. Я бы хотъ посмотрѣла.

— Весь мой туалетъ къ вашимъ услугамъ, любезнѣйшая тетушка. Если позволите, я могу кое-что показать вашей камеристкѣ. Со мной служанка изъ Парижа, — удивительная швея.

— Вы очень добры, моя милая. Но, право, мнѣ совѣстно. . . .

— Совѣстно. . . . повторила съ упрекомъ Варвара Павловна: — хотите вы меня осчастливить? Распоряжайтесь мною, какъ вашей собственностью.

Марья Дмитриевна растаяла.

— *Vous êtes charmante*, проговорила она. — Да что же вы не снимаете вашу шляпу, перчатки?

— Какъ? вы позволяете? спросила Варвара Павловна и слегка, какъ бы съ умилениемъ, сложила руки.

— Разумѣется; вѣдь вы обѣдаете съ нами, я

надѣюсь. Я. . . . я васъ познакомлю съ моею дочерью. Марья Дмитріевна немного смутилась. «Ну! куда не шло!»! подумала она.—Она сегодня что-то нездорова у меня.

— *O, ma tante!* Какъ вы добры! воскликнула Варвара Павловна — и поднесла платокъ къ глазамъ.

Казачокъ доложилъ о приходѣ Гедеоновскаго. Старый болтунъ вошелъ, отвѣшивая поклоны и ухмыляясь. Марья Дмитріевна представила его своей гостьѣ. Онъ сперва было сконфузился; но Варвара Павловна такъ кокетливо-почтительно обошлась съ нимъ, что у него ушки разгорѣлись, и выдумки, сплетни, любезности медомъ потекли съ его устъ. Варвара Павловна слушала его, сдержанно улыбалась и сама по немногу разговаривалась. Она скромно рассказывала о Парижѣ, о своихъ путешествіяхъ, о Баденѣ; раза два разсмѣшила Марью Дмитріевну и всякій разъ потомъ слегка вздыхала и какъ будто мысленно упрекала себя въ неумѣстной веселости; выпросила позволеніе привести Аду; снявши перчатки, показывала своими гладкими, вымытыми мыломъ *à la guimauve* руками, — какъ и гдѣ носятъ воланы, рюши, кружева, шу; обѣщалась принести стклянку съ новыми англійскими духами *Victoria's Essence* и обрадовалась какъ дитя, когда Марья Дмитріевна согласилась принять ее въ пода-

рокъ; всплакнула при воспоминаніи о томъ, какое чувство она испытала, когда въ первый разъ услышала русскіе колокола; «такъ глубоко поразили они меня въ самое сердце» промолвила она.

Въ это мгновеніе вошла Лиза.

Съ утра, съ самой той минуты, когда она, вся похолодѣвъ отъ ужаса, прочла записку Лаврецкаго, Лиза готовилась къ встрѣчѣ съ его женою; она предчувствовала, что увидитъ ее. Она рѣшилась не избѣгать ея, въ наказаніе своимъ, какъ она назвала ихъ, преступнымъ надеждамъ. Внезапный переломъ въ ея судьбѣ потрясъ ее до основанія; въ два какихъ нибудь часа ея лицо похудѣло; но она и слезинки не проронила. «По дѣломъ!» говорила она самой себѣ, съ трудомъ и волненіемъ подавляя въ душѣ какіе-то горькіе, злые, ее самое пугавшіе порывы. — «Ну, надо идти!» подумала она, какъ только узнала о пріѣздѣ Лаврецкой, и она пошла. . . . Долго стояла она передъ дверью гостиной, прежде чѣмъ рѣшилась отворить ее; съ мыслью: «я передъ нею виновата» — переступила она порогъ и заставила себя посмотрѣть на нее, заставила себя улыбнуться. Варвара Павловна пошла ей навстрѣчу, какъ только увидала ее, и склонилась передъ ней слегка, но все-таки почтительно. — Позвольте мнѣ рекомендовать себя, заговорила она

вкрадчивымъ голосомъ; — ваша *tata* такъ снисходительна ко мнѣ, что я надѣюсь, что и вы будете. . . . добры. Выраженіе лица Варвары Павловны, когда она сказала это послѣднее слово, ея хитрая улыбка, холодный и въ тоже время мягкій взглядъ, движеніе ея рукъ и плечей, самое ея платье, все ея существо — возбудило такое чувство отвращенія въ Лизѣ, что она ничего не могла ей отвѣтить, и черезъ силу протянула ей руку. «Эта барышня брезгаетъ мною» подумала Варвара Павловна, крѣпко стискивая холодные пальцы Лизы и обернувшись къ Марѣ Дмитріевнѣ, промолвила въ полголоса: *Mais elle est délicieuse!* Лиза слабо вспыхнула; насмѣшка, обида, слышались ей въ этомъ восклицаніи; но она рѣшилась не вѣрить своимъ впечатлѣніямъ и сѣла къ окну за пядьцы. Варвара Павловна и тутъ не оставила ее въ покоѣ: подошла къ ней, начала хвалить ея вкусъ, ея искусство. . . . Сильно и болѣзненно забилося сердце у Лизы: она едва переломила себя, едва усидѣла на мѣстѣ. Ей казалось, что Варвара Павловна все знаетъ и, тайно торжествуя, подтруниваетъ надъ ней. Къ счастью ея, Гедеоновскій заговорилъ съ Варварой Павловной и отвлекъ ея вниманіе. Лиза склонилась надъ пядьцами и украдкой наблюдала за нею. «Эту женщину, думала она, — любилъ онъ.» Но

она тотчасъ же изгнала изъ головы самую мысль о Лаврецкомъ: она боялась потерять власть надъ собою; она чувствовала, что голова у ней тихо кружилась. Марья Дмитріевна заговорила о музыкѣ.

— Я слышала, моя милая, начала она: — вы удивительная виртуозка.

— Я давно не играла, возразила Варвара Павловна, немедленно садясь за фортепьяно, и бойко пробѣжала пальцами по клавишамъ. — Прикажете?

— Сдѣлайте одолженіе.

Варвара Павловна мастерски сыграла блестящій и трудный этюдъ Герца. У ней было очень много силы и проворства.

— Сильфида! воскликнулъ Гедеоновскій.

— Необыкновенно! подтвердила Марья Дмитріевна. — Ну, Варвара Павловна, признаюсь, — промолвила она, въ первый разъ называя ее по имени: — удивили вы меня; вамъ хоть бы концерты давать. Здѣсь у насъ есть музыкантъ, старикъ, изъ нѣмцевъ, чужакъ, очень ученый; онъ Лизѣ уроки даетъ; тотъ просто отъ васъ съ ума сойдетъ.

— Лизавета Михайловна тоже музыкантша? спросила Варвара Павловна, слегка обернувъ къ ней голову.

— Да, она играетъ недурно и любитъ музыку; но что это значитъ передъ вами? Но здѣсь есть

еще одинъ молодой человѣкъ: вотъ съ кѣмъ вы должны познакомиться. Это артистъ въ душѣ и сочиняетъ премило. Онъ одинъ можетъ васъ вполне оцѣнить.

— Молодой человѣкъ? проговорила Варвара Павловна. — Кто онъ такой? Бѣдный какой нибудь?

— Помилуйте, первый кавалеръ у насъ, да не только у насъ — *et à Pétersbourg*. Каммеръ-юнкеръ, въ лучшемъ обществѣ принятъ. Вы навѣрное слышали о немъ: Паншинъ, Владиміръ Николаичъ. Онъ здѣсь по казенному порученію.... будущій министръ, помилуйте!

— И артистъ?

— Артистъ въ душѣ и такой любезный. Вы его увидите. Онъ все это время очень часто у меня бывалъ; я пригласила его на сегодняшній вечеръ; *надѣюсь*, что онъ пріѣдетъ, прибавила Марья Дмитріевна съ короткимъ вздохомъ и косвенной горькой улыбкой.

Лиза поняла значеніе этой улыбки; но ей было не до того.

— И молодой? повторила Варвара Павловна, слегка модулируя изъ тона въ тонъ.

— Двадцати восьми лѣтъ — и самой счастливой наружности. *Un jeune homme accompli*, помилуйте.

— Образцовый, можно сказать, юноша, замѣтилъ Гедеоновскій.

Варвара Павловна внезапно заиграла шумный Штрауссовскій вальсъ, начинавшійся такой сильной и быстрой трелью, что Гедеоновскій даже вздрогнулъ; въ самой серединѣ вальса она вдругъ перешла въ грустный мотивъ и кончила арією изъ «Лучіи»: *Fra poco*: она сообразила, что веселая музыка нейдетъ къ ея положенію. Арія изъ «Лучіи», съ удареніями на чувствительныхъ ноткахъ очень растрогала Марью Дмитріевну.

— Какая душа, проговорила она въ полголоса Гедеоновскому.

— Сильфида! повторилъ Гедеоновскій и поднялъ глаза къ небу.

Насталъ часъ обѣда. Марѳа Тимофеевна сошла съ верху, когда уже супъ стоялъ на столѣ. Она очень сухо обошлась съ Варварой Павловной, отвѣчала полу-словами на ея любезности, не глядѣла на нее. Варвара Павловна сама скоро поняла, что отъ этой старухи толку не добьешься и перестала заговаривать съ нею; за то Марья Дмитріевна стала еще ласковѣй съ своей гостьей: невѣжливость тетки ее разсердила. Впрочемъ Марѳа Тимофеевна не на одну Варвару Павловну не глядѣла; она и на Лизу не глядѣла, хотя глаза такъ и блестѣли у ней. Она

сидѣла какъ каменная, вся жолтая, блѣдная, съ сжатыми губами — и не ѣла ничего. Лиза казалась спокойной; и точно: у ней на душѣ тише стало; странная безчувственность, безчувственность осужденнаго нашла на нее. За обѣдомъ Варвара Павловна говорила мало: она словно опять обробѣла и распространила по лицу своему выраженіе скромной меланхоліи. Одинъ Гедеоновскій оживлялъ бесѣду своими разсказами, хотя то и дѣло трусливо посматривалъ на Марѳу Тимофеевну и перхалъ; перхота нападала на него всякій разъ, когда онъ въ ея присутствіи собирался лгать; но она ему не мѣшала, не перебивала его. Послѣ обѣда оказалось, что Варвара Павловна большая любительница преферанса; Марья Дмитріевнѣ это до того понравилось, что она даже умилилась и подумала про себя: «какой же однако дуракъ долженъ быть Федоръ Ивановичъ! — Не умѣлъ такую женщину понять!»

Она сѣла играть въ карты съ нею и Гедеоновскимъ, а Марѳа Тимофеевна увела Лизу къ себѣ на верхъ, сказавъ, что на ней лица нѣту, что у ней, должно быть, болитъ голова.

— Да, у ней ужасно голова болитъ, промолвила Марья Дмитріевна, обращаясь къ Варварѣ Павловнѣ и закатывая глаза. — У меня самой такія бываютъ мигрени. . . .

— Скажите, возразила Варвара Павловна.

Лиза вошла въ теткинѣ комнату и въ изнеможеніи опустилась на стулъ. Марѣа Тимофеевна долго, молча, посмотрѣла на нее, тихонько стала передъ нею на колѣни — и начала, все такъ же молча, цаловать попеременно ея руки. Лиза подалась впередъ, покраснѣла — и заплакала, но не подняла Марѣы Тимофеевны, не отняла своихъ рукъ; она чувствовала, что не имѣла права отнять ихъ, не имѣла права помѣшать старушкѣ выразить свое раскаяніе, участіе, испросить у ней прощенія за вчерашнее; и Марѣа Тимофеевна не могла нацаловаться этихъ бѣдныхъ, блѣдныхъ, безсильныхъ рукъ — и безмолвныя слезы лились изъ ея глазъ и глазъ Лизы; а котъ Матросъ мурлыкалъ въ широкихъ креслахъ возлѣ клубка съ чулкомъ, продолговатое пламя лампадки чуть-чуть трогалось и шевелилось передъ иконой, — и въ сосѣдней комнаткѣ за дверью стояла Настасья Карповна и тоже украдкой утирала себѣ глаза свернутымъ въ клубочекъ клетчатымъ носовымъ платкомъ.

ГЛАВА XL.

А между тѣмъ внизу, въ гостиной шелъ преферансъ, Марья Дмитріевна выигрывала и была въ духѣ. Человѣкъ вошелъ и доложилъ о пріѣздѣ Паншина.

Марья Дмитріевна уронила карты и завопилась на креслѣ; Варвара Павловна посмотрѣла на нее съ полу-усмѣшкой, потомъ обратила взоры на дверь. Появился Паншинъ, въ черномъ фракѣ, въ высокихъ англійскихъ воротничкахъ, застегнутый до верху. «Мнѣ было тяжело повиноваться; но вы видите, я пріѣхалъ»: — вотъ что выражало его не улыбавшееся, только-что выбритое лицо.

— Помилуйте, Вольдемаръ, воскликнула Марья Дмитріевна: — прежде вы безъ доклада входили!

Паншинъ отвѣтилъ Марьѣ Дмитріевнѣ однимъ

только взглядомъ, вѣжливо поклонился ей, но къ ручкѣ не подошелъ. Она представила его Варварѣ Павловнѣ; онъ отступилъ на шагъ, поклонился ей также вѣжливо, но съ оттѣнкомъ изящества и уваженія, и подсѣлъ къ карточному столу. Преферансъ скоро кончился. Паншинъ освѣдомился о Лизаветѣ Михайловнѣ, узналъ, что она не совсѣмъ здорова, изъявилъ сожалѣнье; потомъ онъ заговорилъ съ Варварой Павловной, дипломатически взвѣшивая и отчеканивая каждое слово, почтительно выслушивая ея отвѣты до конца. Но важность его дипломатическаго тона не дѣйствовала на Варвару Павловну, не сообщалась ей. Напротивъ: она съ веселымъ вниманіемъ глядѣла ему въ лицо, говорила развязно, и тонкія ея ноздри слегка трепетали какъ бы отъ сдержаннаго смѣха. Марья Дмитриевна начала превозносить ея талантъ; Паншинъ учтиво, на сколько позволяли ему воротнички, наклонилъ голову, объявилъ, что «онъ былъ въ этомъ заранѣе увѣренъ» — и завелъ рѣчь чуть ли не о самомъ Меттернихѣ. Варвара Павловна прищурила свои бархатные глаза и, сказавши въ-полголоса: «Да вѣдь вы тоже артистъ, *un confrère*», — прибавила еще тише: *Venez!* — и качнула головой въ сторону фортепьяно. Это одно брошенное слово: *Venez!* — мгновенно, какъ бы по волшебству, измѣнило всю на-

ружность Паншина. Озабоченная осанка его исчезла; онъ улыбнулся, оживился, разстегнулъ фракъ и, повторяя: «какой я артистъ, увы! вотъ вы, я слышалъ, артистка истинная» — направился вслѣдъ за Варварой Павловной къ фортепьяно.

— Заставьте его спѣть романсъ — какъ луна плыветъ, воскликнула Марья Дмитриевна.

— Вы поете? промолвила Варвара Павловна, озаривъ его свѣтлымъ и быстрымъ взоромъ. — Садитесь.

Паншинъ сталъ отговариваться.

— Садитесь, повторила она, настойчиво постукавъ по спинкѣ стула.

Онъ сѣлъ, кашлянулъ, оттянулъ воротнички и спѣлъ свой романсъ.

— *Charmant*, проговорила Варвара Павловна: — вы прекрасно поете, *vous avez du style*, — повторите.

Она обошла вокругъ фортепьяно и стала прямо напротивъ Паншина. Онъ повторилъ романсъ, придавая мелодраматическое дрожаніе своему голосу. Варвара Павловна пристально глядѣла на него, облокотясь на фортепьяно и держа свои бѣлыя руки въ уровень своихъ губъ. Паншинъ кончилъ.

— *Charmant charmante idée* — сказала она съ спокойной увѣренностью знатока. — Скажите, вы на-

писали что нибудь для женскаго голоса, для *mezzo-soprano*?

— Я почти ничего не пишу, возразилъ Паншинъ: — я вѣдь это только такъ, между дѣломъ.... а развѣ вы поете?

— Пою.

— О! спойте намъ что нибудь, проговорила Марья Дмитріевна.

Варвара Павловна отвела рукою волосы отъ заалѣвшихся щекъ и встряхнула головой.

— Наши голоса должны идти другъ къ другу, промолвила она, обращаясь къ Паншину. — Споемте дуэтъ. Знаете ли вы *Son geloso*, или *La ci daret*, или *Mira la bianca luna*?

— Я пѣвалъ когда-то *Mira la bianca luna*, отвѣчалъ Паншинъ: — да давно, забылъ.

— Ничего, мы прорепитируемъ въ полголоса. Пустите меня.

Варвара Павловна сѣла за фортепьяно. Паншинъ сталъ возлѣ нея. Они спѣли въ полголоса дуэтъ, при чемъ Варвара Павловна нѣсколько разъ его поправляла, потомъ спѣли громко, потомъ два раза повторили: *Mira la bianca lu....и....ина*. Голосъ у Варвары Павловны утратилъ свѣжесть, но она владѣла имъ очень ловко. Паншинъ сперва робѣлъ и слегка фальшивилъ, потомъ вошелъ въ азартъ, и если

пѣлъ не безукоризненно, то шевелилъ плечами, покачивалъ всѣмъ туловищемъ и поднималъ по временамъ руку, какъ настоящій пѣвецъ. Варвара Павловна сыграла двѣ-три Тальберговскія вещицы и кокетливо «сказала» французскую аріетку. Марья Дмитріевна уже не знала, какъ выразить свое удовольствіе; она хотѣла нѣсколько разъ послать за Лизой; Гедеоновскій также не находилъ словъ и только головой качалъ, — но вдругъ неожиданно зѣвнулъ и едва успѣлъ прикрыть ротъ рукою. Зѣвокъ этотъ не ускользнулъ отъ Варвары Павловны; она вдругъ повернулась спиной къ фортепьяно, промолвила: *«assez de musique comme ça; будемъ болтать»*, — и скрестила руки. *«Oui, assez de musique»*, весело повторилъ Паншинъ и завязалъ съ ней разговоръ — бойкій, легкій, на французскомъ языкѣ. «Совершенно какъ въ лучшемъ парижскомъ салонѣ», думала Марья Дмитріевна, слушая ихъ уклончивыя и вертлявыя рѣчи. Паншинъ чувствовалъ полное удовольствіе; глаза его сіяли, онъ улыбался; сначала онъ проводилъ рукой по лицу, хмурилъ брови и отрывисто вздыхалъ, когда ему случалось встрѣтиться взглядами съ Марьей Дмитріевной; но потомъ онъ совсѣмъ забылъ о ней и отдался весь наслажденью полу-свѣтской, полу-художественной болтовни. Варвара Павловна показала се-

бя большой философкой: на все у нея являлся готовый отвѣтъ; она ни надъ чѣмъ не колебалась, не сомнѣвалась ни въ чемъ; замѣтно было, что она много и часто бесѣдовала съ умными людьми разныхъ разборовъ. Всѣ ея мысли, чувства вращались около Парижа. Паншинъ навелъ разговоръ на литературу: оказалось, что она, такъ же какъ и онъ, читала однѣ французскія книжки: Жоржъ Сандъ приводилъ ее въ негодованіе, Бальзака она уважала, хотя онъ ее утомлялъ, въ Сю и Скрибъ видѣла великихъ сердецѣдцевъ, обожала Дюма и Феваля; въ душѣ она имъ всѣмъ предпочитала Польде-Кока, но, разумѣется, даже имени его не упомянула. Собственно говоря, литература ее не слишкомъ занимала. Варвара Павловна очень искусно избѣгала всего, что могло хотя отдаленно напомнить ея положеніе; о любви въ ея рѣчахъ и помину не было; напротивъ, онъ скорѣе отзывались строгостью къ увлеченіямъ страстей, разочарованьемъ, смиреніемъ. Паншинъ возражалъ ей; она съ нимъ не соглашалась... Но, странное дѣло! — въ то самое время, какъ изъ устъ ея исходили слова осужденія, часто суроваго, звукъ этихъ словъ ласкалъ и нѣжилъ, и глаза ея говорили... что именно говорили эти прелестные глаза, — трудно было сказать; но то были нестрогія, неясныя и сладкія рѣ-

чи. Паншинъ старался понять ихъ тайный смыслъ, старался самъ говорить глазами, но онъ чувствовалъ, что у него ничего не выходило; онъ сознавалъ, что Варвара Павловна, въ качествѣ настоящей, заграничной львицы, стояла выше его, а потому онъ и не вполнѣ владѣлъ собою. У Варвары Павловны была привычка во время разговора чуть-чуть касаться рукава своего собесѣдника; эти мгновенныя прикосновенія очень волновали Владиміра Николаича. Варвара Павловна обладала умѣньемъ легко сходиться со всякимъ; двухъ часовъ не прошло, какъ уже Паншину казалось, что онъ знаетъ ее вѣкъ, а Лиза, та самая Лиза, которую онъ все таки любилъ, которой онъ наканунѣ предлагалъ руку,—исчезала какъ бы въ туманѣ. Подали чай; разговоръ сталъ еще непринужденнѣе. Марья Дмитріевна позвонила казачка и велѣла сказать Лизѣ, чтобы она сошла внизъ, если ея головѣ стало легче. Паншинъ, услышавъ имя Лизы, пустился толковать о самопожертвованіи, о томъ, кто болѣе способенъ на жертвы — мужчина или женщина. Марья Дмитріевна тотчасъ пришла въ волненіе, начала утверждать, что женщина болѣе способна, объявила, что она это въ двухъ словахъ докажетъ, запуталась и кончила какимъ-то довольно неудачнымъ сравненіемъ. Варвара Павловна взяла тетрадь нотъ,

до половины закрылась ею и, нагнувшись въ сторону Паншина, покусывая бисквитъ, съ спокойной улыбочкой на губахъ и во взорѣ, въ-полголоса промолвила: «*Elle n'a pas inventé la poudre, la bonne dame*». Паншинъ немножко испугался и удивился смѣлости Варвары Павловны; но онъ не понималъ, сколько презрѣнія къ нему самому таилось въ этомъ неожиданномъ изліяніи и, позабывъ ласки и преданность Марьи Дмитріевны, позабывъ обѣды, которыми она его кормила, деньги, которыя она ему давала взаймы, — онъ съ той же улыбочкой и тѣмъ же голосомъ возразилъ (несчастный!): «*je crois bien*» — и даже не: «*je crois bien*», а — «*j'crois ben*»!

Варвара Павловна бросила на него дружелюбный взглядъ и встала. Лиза вошла; Марѳа Тимоѳеевна напрасно ее удерживала: она рѣшилась выдержать испытаніе до конца. Варвара Павловна пошла ей на встрѣчу вмѣстѣ съ Паншинымъ, на лицѣ котораго появилось прежнее дипломатическое выраженіе.

— Какъ ваше здоровье? спросилъ онъ Лизу.

— Мнѣ лучше теперь, благодарствуйте, отвѣчала она.

— А мы здѣсь немного занялись музыкой; жаль, что

вы не слышали Варвары Павловны. Она поетъ превосходно, *en artiste consommée*.

— Пойдите-ка сюда, раздался голосъ Марьи Дмитріевны.

Варвара Павловна тотчасъ съ покорностью ребенка подошла къ ней и присѣла на небольшой табуретъ у ея ногъ. Марья Дмитріевна позвала ее для того, чтобы оставить, хотя на мгновенье, свою дочь наединѣ съ Паншинымъ: она все еще втайнѣ надѣялась, что она опомнится. Кромѣ того, ей въ голову пришла мысль, которую ей непременно захотѣлось тотчасъ высказать.

— Знаете ли, шепнула она Варварѣ Павловнѣ:— я хочу попытаться помирить васъ съ вашимъ мужемъ; не отвѣчаю за успѣхъ, но попытаюсь. Онъ меня, вы знаете, очень уважаетъ.

Варвара Павловна медленно подняла глаза на Марью Дмитріевну и красиво сложила руки.

— Вы были бы моей спасительницей, *ma tante*, проговорила она печальнымъ голосомъ:—я не знаю, какъ благодарить васъ за всѣ ваши ласки; но я слишкомъ виновата передъ Ѳедоромъ Ивановичемъ; онъ простить меня не можетъ.

— Да развѣ вы.... въ самомъ дѣлѣ.... начала было съ любопытствомъ Марья Дмитріевна....

— Не спрашивайте меня, перебила ее Варвара

Павловна и потупилась. — Я была молода, легкомысленна. . . . Впрочемъ, я не хочу оправдываться.

— Ну, все таки, отчего же не попробовать? Не отчаявайтесь, возразила Марья Дмитриевна и хотѣла потрепать ее по щекѣ: — но взглянула ей въ лицо и оробѣла. «Скромна, скромна, подумала она, — а ужь точно львица.»

— Вы больны? говорилъ между тѣмъ Паншинъ Лизѣ.

— Да, я нездорова.

— Я понимаю васъ, промолвилъ онъ послѣ довольно продолжительнаго молчанья. — Да, я понимаю васъ.

— Какъ?

— Я понимаю васъ, повторилъ значительно Паншинъ, который просто не зналъ, что сказать.

Лиза смутилась, а потомъ подумала: «Пусть!» Паншинъ принялъ таинственный видъ и умолкъ, съ строгостью посматривая въ сторону.

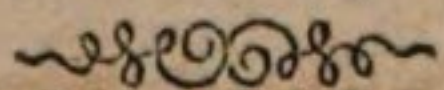
— Однако уже, кажется, одиннадцать часовъ пробило, замѣтила Марья Дмитриевна.

Гости поняли намекъ и начали прощаться. Варвара Павловна должна была обѣщать, что пріѣдетъ обѣдать на слѣдующій день и привезетъ Аду; Гедеоновскій, который чуть было не заснулъ, сидя въ углу, вызвался ее проводить до дому. Паншинъ торжественно раскланялся со всѣми, а на крыль-

цѣ, подсаживая Варвару Павловну въ карету, пожалъ ей руку и закричалъ въ слѣдъ: *au revoir!* Гедеоновскій сѣлъ съ ней рядомъ; она всю дорогу забавлялась тѣмъ, что ставила будто ненарочно кончикъ своей ножки на его ногу; онъ конфузился, говорилъ ей комплименты: она хихикала и дѣлала ему глазки, когда свѣтъ отъ уличнаго фонаря западалъ въ карету. Сыгранный ею самою вальсъ звенѣлъ у ней въ головѣ, волновалъ ее; гдѣ бы она ни находилась, стоило, ей только представить себѣ огни, бальную залу, быстрое круженье подъ звуки музыки — и душа въ ней такъ и загоралась, глаза странно меркли, улыбка блуждала по губамъ, что-то граціозно-вакхическое разливалось по всему тѣлу. Приѣхавши домой, Варвара Павловна легко выскочила изъ кареты — только львицы умѣютъ такъ выскакивать — обернулась къ Гедеоновскому и вдругъ расхохоталась звонкимъ хохотомъ прямо ему въ носъ.

«Любезная особа, — думалъ статскій совѣтникъ, пробираясь къ себѣ на квартиру, гдѣ ожидалъ его слуга со стлянкой оподельдока; — хорошо, что я степенный человѣкъ. . . . только чемужь она смѣялась?»

Марфа Тимофеевна всю ночь просидѣла у изголовья Лизы.

ГЛАВА XII.

—

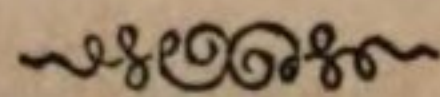
Лаврецкій провелъ полтора дня въ Васильевскомъ и почти все время пробродилъ по окрестностямъ. Онъ не могъ оставаться долго на одномъ мѣстѣ: тоска его грызла; онъ испытывалъ всѣ терзанья непрестанныхъ, стремительныхъ—и безсильныхъ порывовъ. Вспомнилъ онъ чувство, охватившее его душу на другой день послѣ пріѣзда въ деревню; вспомнилъ свои тогдашнія намѣренія и сильно негодовалъ на себя. Что могло оторвать его отъ того, что онъ призналъ своимъ долгомъ, единственной задачей своей будущности? Жажда счастья — опять-таки жажда счастья! — «Вѣрно Михалевичъ правъ» думалъ онъ.—«Ты захотѣлъ вторично извѣдать счастья въ жизни, говорилъ онъ самъ себѣ, — ты позабылъ, что и то роскошь, не-

заслуженная милость, когда оно хоть однажды посѣтитъ человѣка. Оно не было полно, оно было ложно, скажешь ты; да предъяви же свои права на полное, истинное счастье! Оглянись, кто вокругъ тебя блаженствуетъ, кто наслаждается? Вонъ мужикъ ѣдетъ на косьбу; можетъ быть онъ доволенъ своей судьбою.... Чтожь? захотѣлъ ли бы ты помѣняться съ нимъ? Вспомни мать свою: какъ ничтожно-малы были ея требованія, и какова ей выпала доля? Ты видно только похвастался передъ Паншинымъ, когда сказалъ ему, что пріѣхалъ въ Россію за тѣмъ, чтобы пахать землю; ты пріѣхалъ волочиться на старости лѣтъ за дѣвочками. Пришла вѣсть о твоей свободѣ, и ты все бросилъ, все забылъ, ты побѣжалъ, какъ мальчикъ за бабочкой».... Образъ Лизы безпрестанно представлялся ему среди его размышлений; онъ съ усиліемъ изгонялъ его, какъ и другой неотвязный образъ, другія, невозмутимо-лукавыя, красивыя и ненавистныя черты. Старикъ Антонъ замѣтилъ, что барину не по себѣ; вздохнувши нѣсколько разъ за дверью, да нѣсколько разъ на порогъ, онъ рѣшился подойти къ нему, посоветовалъ ему напиться чегонибудь тепленькаго. Лаврецкій закричалъ на него, велѣлъ ему выйти, а потомъ извинился передъ нимъ; но Антонъ отъ этого еще больше опечалился. Лав-

рецкій не могъ сидѣть въ гостиной; ему такъ и чудилось, что прадѣдъ Андрей презрительно глядитъ съ полотна на хилаго своего потомка.—«Эхъ ты! мелко плаваешь!», казалось говорили его, на бокъ скрученные, губы. «Неужели же, думалъ онъ, — я не слажу съ собою, — поддамся этому.... вздору?» (Тяжело раненные на войнѣ всегда называютъ «вздоромъ» свои раны. Не обманывать себя человѣку — не жить ему на землѣ). «Мальчишка я, что ли, въ самомъ дѣлѣ? Ну, да: увидалъ вблизи, въ рукахъ почти держалъ возможность счастья на всю жизнь — оно вдругъ исчезло; да вѣдь и въ лоттерей — повернись колесо еще немного, и бѣднякъ пожалуй сталъ бы богачемъ. Не бывать, такъ не бывать — и кончено. Возьмусь за дѣло, стиснувъ зубы, да и велю себѣ молчать; благо, мнѣ не въ первый разъ брать себя въ руки. И для чего я бѣжалъ, зачѣмъ сижу здѣсь, забивши, какъ страусъ, голову въ кустъ? Страшно бѣдѣ въ глаза взглянуть — вздоръ! — «Антонъ! закричалъ онъ громко, — прикажи сейчасъ закладывать тарантасъ». — «Да, подумалъ онъ опять, — надо велѣть себѣ молчать, надо взять себя въ ежовыя рукавицы»....

Таковыми-то разсужденіями старался помочь Лаврецкій своему горю; но оно было велико и сильно; и сама, выжившая не столько изъ ума, сколько изо

всякаго чувства, Апраксѣя покачала головой и печально проводила его глазами, когда онъ сѣлъ въ тарантасъ, чтобы ѣхать въ городъ. Лошади скакали: онъ сидѣлъ неподвижно и прямо, и неподвижно глядѣлъ впередъ на дорогу.

ГЛАВА XLII.

—

Лиза наканунѣ написала Лаврецкому, чтобы онъ явился къ нимъ вечеромъ; но онъ сперва отправился къ себѣ на квартиру. Онъ не засталъ дома ни жены, ни дочери; отъ людей онъ узналъ, что она отправилась съ ней къ Калитинымъ. Это извѣстіе и поразило его, и взбѣсило. — «Видно, Варвара Павловна рѣшилась не давать мнѣ жить», подумалъ онъ, съ волненіемъ злобы на сердцѣ. Онъ началъ ходить взадъ и впередъ, безпрестанно отталкивая ногами и руками попадавшіяся ему дѣтскія игрушки, книжки, разныя женскія принадлежности; онъ позвалъ Жюстину и велѣлъ ей убрать весь этотъ «хламъ». — *Oui, monsieur*, сказала она съ ужимкой и начала прибирать комнату, граціозно наклоняясь и каждымъ своимъ движеніемъ давая

Лаврецкому чувствовать, что она считает его за необтесанного медвѣдя. Съ ненавистью смотрѣлъ онъ на ея истасканное, но все еще «пикантное», насмѣшливое парижское лицо, на ея бѣлые нарукавнички, шелковый фартукъ и легкій чепчикъ. Онъ услалъ ее наконецъ и, послѣ долгихъ колебаній, (Варвара Павловна все не возвращалась) рѣшился отправиться къ Калитинымъ, — не къ Марѣ Дмитріевнѣ (онъ бы ни за что не вошелъ въ ея гостиную, въ ту гостиную, гдѣ находилась его жена), но къ Марѣ Тимофеевнѣ; онъ вспомнилъ, что задняя лѣстница съ дѣвичьяго крыльца вела прямо къ ней. Лаврецкій такъ и сдѣлалъ. Случай помогъ ему: онъ на дворѣ встрѣтилъ Шурочку; она провела его къ Марѣ Тимофеевнѣ. Онъ засталъ ее, противъ ея обыкновенія, одну; она сидѣла въ уголку, просто-волосая, сгорбленная, съ скрещенными на груди руками. Увидѣвъ Лаврецкаго, старушка очень всполошилась, проворно встала и начала ходить туда и сюда по комнатѣ, какъ будто отыскивая свой чепецъ.

— А, вотъ ты, вотъ, заговорила она, избѣгая его взора и суетясь: — ну, здравствуй. Ну, чтожь? Что же дѣлать? Гдѣ ты былъ вчера? Ну, она пріѣхала, ну да. Ну, надо ужъ такъ... какъ ни-будь.

Лаврецкій опустился на стулъ.

— Ну, садись, садись, продолжала старушка. Ты прямо на верхъ прошелъ? Ну, да, разумѣется. Чтожь? ты на меня пришелъ посмотреѣть? Спасибо.

Старушка помолчала; Лаврецкій не зналъ, что сказать ей; но она его понимала.

— Лиза. . . . да, Лиза сейчасъ здѣсь была, продолжала Марѳа Тимофеевна, завязывая и развязывая шнурки своего ридикюля. Она не совсѣмъ здорова. Шурочка, гдѣ ты? Поди сюда, мать моя, что это ты посидѣть не можешь? И у меня голова болитъ. Должно быть отъ *эфтаго* отъ пѣнья, да отъ музыки.

— Отъ какого пѣнья, тетушка?

— Да какъ же; тутъ ужь эти они, какъ бишь они по вашему, дуэты пошли. И все по-итальянски: *чи-чи* да *ча-ча*, настоящія сороки. Начнутъ ноты выводить, просто такъ за душу и тянутъ. Паншинъ этотъ, да вотъ твоя. И какъ это все скоро уладилось: ужь точно по родственному, безъ церемоній. А впрочемъ, и то сказать: собака — и та пристанища ищетъ; не пропадать же, благо люди не гонятъ.

— Все-таки, признаюсь, я этого не ожидалъ,

возразилъ Лаврецкій: — тутъ смѣлость нужна была большая.

— Нѣтъ, душа моя, это не смѣлость, это расчетъ. Да Господь съ ней! Ты ее, говорятъ, въ Лаврики посылаешь, правда?

— Да, я предоставляю это имѣнье Варварѣ Павловнѣ.

— Денегъ спрашивала?

— Пока еще нѣтъ.

— Ну, это не затянется. А я тебя только теперь разглядѣла. Здоровъ ты?

— Здоровъ.

— Шурочка, воскликнула вдругъ Марѳа Тимофеевна: — поди-ка скажи Лизаветѣ Михайловнѣ — то есть, нѣтъ, спроси у ней. . . . вѣдь она внизу?

— Внизу-съ.

— Ну, да; такъ спроси у ней: куда, молъ, она мою книжку дѣла? она ужь знаетъ.

— Слушаю-съ.

Старушка опять засуетилась, начала раскрывать ящики въ комодѣ. Лаврецкій сидѣлъ неподвижно на своемъ стулѣ.

Вдругъ слышались легкіе шаги по лѣстницѣ — и вошла Лиза.

Лаврецкій всталъ и поклонился; Лиза остановилась у двери.

— Лиза, Лизочка, хлопотливо заговорила Марѣа Тимофеевна: — куда ты мою книжку, книжку куда положила?

— Какую книжку, тетенька?

— Да книжку, Боже мой! Я тебя впрочемъ не звала. . . . Ну, все равно. Что вы тамъ внизу дѣлаете? Вотъ и Ѳедоръ Ивановичъ пріѣхалъ. — Что твоя голова?

— Ничего.

— Ты все говоришь: ничего. Что у васъ тамъ внизу, — опять музыка?

— Нѣтъ — въ карты играютъ.

— Да, вѣдь она на всѣ руки. Шурочка, я вижу, тебѣ по саду бѣгать хочется. Ступай.

— Да нѣтъ, Марѣа Тимофеевна. . . .

— Не разсуждай пожалуйста, ступай. Настасья Карповна въ садъ пошла одна: ты съ ней побудь. Уважь старуху. — Шурочка вышла. — Да гдѣжь это мой чепецъ? Куда это онъ дѣлся, право?

— Позвольте, я поищу, промолвила Лиза.

— Сиди, сиди; у меня самой ноги еще не отвалились. Должно быть, онъ у меня тамъ въ спальнѣ.

И, бросивъ исподлобья взоръ на Лаврецкаго, Марѣа Тимофеевна удалилась. Она оставила было дверь отворенной; но вдругъ вернулась къ ней и заперла ее.

Лиза прислонилась къ спинкѣ кресла и тихо занесла себѣ руки на лицо; Лаврецкій остался, гдѣ былъ.

— Вотъ какъ мы должны были увидѣться, проговорилъ онъ наконецъ.

Лиза приняла руки отъ лица.

— Да, сказала она глухо: — мы скоро были наказаны.

— Наказаны, повторилъ Лаврецкій. . . . За что же вы-то наказаны?

Лиза подняла на него свои глаза. Ни горя, ни тревоги они не выражали: они казались меньше и тусклѣй. Лицо ея было блѣдно; слегка раскрытыя губы тоже поблѣднѣли.

Сердце въ Лаврецкомъ дрогнуло отъ жалости и любви.

— Вы мнѣ написали: все кончено, — прошепталъ онъ: — да, все кончено — прежде чѣмъ началось.

— Это все надо забыть — проговорила Лиза: — я рада, что вы пришли; я хотѣла вамъ написать, но этакъ лучше. Только надо скорѣе пользоваться этими минутами. Намъ обоимъ остается исполнить нашъ долгъ. Вы, Ѳедоръ Ивановичъ, должны примириться съ вашей женой.

— Лиза!

— Я васъ прошу объ этомъ; этимъ однимъ можно загладить. . . . все, что было. Вы подумаете — и не откажете мнѣ.

— Лиза, ради Бога — вы требуете невозможнаго. Я готовъ сдѣлать все, что вы прикажете; но *теперь* примириться съ нею! . . . Я согласенъ на все, я все забылъ; но не могу же я заставить свое сердце. . . . Помилуйте, это жестоко.

— Я и не требую отъ васъ. . . . того, что вы говорите; не живите съ ней, если вы не можете; но примиритесь, возразила Лиза и снова занесла руку на глаза. — Вспомните вашу дочку; сдѣлайте это для меня.

— Хорошо, проговорилъ сквозь зубы Лаврецкій: — это я сдѣлаю, положимъ; этимъ я исполню свой долгъ. Ну, а вы — въ чемъ же вашъ долгъ состоитъ?

Про это я знаю.

Лаврецкій вдругъ встрепенулся.

— Ужъ не собираетесь ли вы выйти за Панина? спросилъ онъ.

Лиза чуть замѣтно улыбнулась.

— О, нѣтъ! промолвила она.

— Ахъ Лиза, Лиза! воскликнулъ Лаврецкій: — какъ бы мы могли быть счастливы!

Лиза опять взглянула на него.

— Теперь вы сами видите, Федоръ Ивановичъ, что счастье зависитъ не отъ насъ, а отъ Бога.

— Да, потому что вы. . . .

Дверь изъ сосѣдней комнаты быстро растворилась и Марѳа Тимофеевна вошла съ чепцомъ въ рукѣ.

— Насилу нашла, сказала она, становясь между Лаврецкимъ и Лизой. — Сама его заложила. Вотъ что значить старость-то, бѣда! А впрочемъ и молодость не лучше. Чтò, ты самъ съ женой въ Лаврики поѣдешь? прибавила она, оборотясь къ Федору Ивановичу.

— Съ нею въ Лаврики? я? Не знаю, промолвилъ онъ, погода немного.

— Ты внизъ не сойдешь?

— Сегодня — нѣтъ.

— Ну, хорошо, какъ знаешь; а тебѣ, Лиза, я думаю, надо бы внизъ пойти. Ахъ, батюшки-свѣты, я и забыла снѣгирю корму насыпать. Да вотъ постоитъ, я сейчасъ. . . .

И Марѳа Тимофеевна выбѣжала, не надѣвъ чепца. Лаврецкій быстро подошелъ къ Лизѣ.

— Лиза, началъ онъ умоляющимъ голосомъ: — мы расстаемся навсегда, сердце мое разрывается, — дайте мнѣ вашу руку на прощаніе.

Лиза подняла голову. Ея усталый, почти погасшій взоръ остановился на немъ. . . .

— Нѣтъ, промолвила она и отвела назадъ уже протянутую руку: — нѣтъ, Лаврецкій, (она въ первый разъ такъ его называла) — не дамъ я вамъ моей руки. Къ чему? Отойдите, прошу васъ. Вы знаете, я васъ люблю. . . . да, я люблю васъ, прибавила она съ усиліемъ; но нѣтъ. . . . нѣтъ. . . .

И она поднесла платокъ къ своимъ губамъ.

— Дайте мнѣ по крайней мѣрѣ этотъ платокъ. . . .

Дверь скрипнула.

— Возьмите, поспѣшно проговорила Лиза.

Платокъ скользнулъ по ея колѣнямъ. Лаврецкій подхватилъ его прежде, чѣмъ онъ успѣлъ упасть на полъ, быстро сунулъ его въ боковой карманъ и, обернувшись, встрѣтился глазами съ Марѳой Тимофеевной.

— Лизочка, мнѣ кажется, тебя мать зоветъ, промолвила старушка.

Лиза тотчасъ встала и ушла.

Марѳа Тимофеевна опять сѣла въ свой уголокъ. Лаврецкій началъ прощаться съ нею.

— Одея, сказала она вдругъ.

— Что тетушка?

— Ты честный человѣкъ?

— Какъ?

Я спрашиваю тебя: честный ли ты человѣкъ?

— Надѣюсь, да.

— Гм. А дай мнѣ честное слово, что ты честный человѣкъ.

— Извольте. — Но къ чему это?

— Ужъ я знаю, къ чему. Да и ты, мой кормилецъ, коли подумаешь хорошенько, вѣдь ты не глупъ, самъ поймешь, къ чему я это у тебя спрашиваю. А теперь прощай, батюшка. Спасибо, что навѣстиль; а слово сказанное помни, Федя, да поцалуй меня. Охъ, душа моя, тяжело тебѣ, знаю; да вѣдь и всѣмъ не легко. Ужъ на что я, бывало, завидовала мухамъ: вотъ, думала я, кому хорошо на свѣтѣ пожить; да услыхала разъ ночью, какъ муха у паука въ лапкахъ ноетъ, — нѣтъ, думаю, и на нихъ есть гроза. Чтò дѣлать, Федя; а слово свое все таки помни. — Ступай, ступай.

Лаврецкій вышелъ съ задняго крыльца и уже приближался къ воротамъ. . . . его нагналъ лакей.

— Марья Дмитріевна приказали просить васъ къ ней пожаловать, доложилъ онъ Лаврецкому.

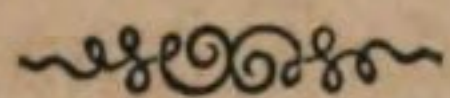
— Скажи, братецъ, что я не могу теперь. . . началъ было Федоръ Ивановичъ.

— Приказали очинно просить, продолжалъ лакей: — приказали сказать, что онѣ однѣ.

— А развѣ гости уѣхали? спросилъ Лаврецкій.

— Точно такъ-съ, возразилъ лакей и осклабился.

Лаврецкій пожалъ плечами и отправился вслѣдъ за нимъ.

ГЛАВА XLIII.

Марья Дмитріевна сидѣла одна у себя въ кабинетѣ на вольтеровскомъ креслѣ и нюхала одеколонъ; стаканъ воды съ флёръ-д'оранжемъ стоялъ возлѣ нея на столикѣ. Она волновалась и какъ будто трусила.

Лаврецкій вошелъ.

— Вы желали меня видѣть, сказалъ онъ, холодно кланаясь.

— Да, возразила Марья Дмитріевна и отпила немного воды. — Я узнала, что вы прошли прямо къ тетущкѣ; я приказала васъ просить къ себѣ: мнѣ нужно переговорить съ вами. Садитесь, пожалуйста. — Марья Дмитріевна перевела дыханіе. — Вы знаете, продолжала она: — ваша жена пріѣхала.

— Это мнѣ извѣстно, промолвилъ Лаврецкій.

— Ну, да, то-есть, я хотѣла сказать: она ко мнѣ пріѣхала, и я приняла ее; вотъ о чемъ я хочу теперь объяснитьсь съ вами, Ѳеодоръ Ивановичъ. Я, слава Богу, заслужила, могу сказать, всеобщее уваженіе, и ничего неприличнаго ни за что на свѣтѣ не сдѣлаю. Хотя я и предвидѣла, что это будетъ вамъ непріятно, однако я не рѣшилась отказать ей, Ѳеодоръ Ивановичъ; она мнѣ родственница — по васъ; войдите въ мое положеніе, какое же я имѣла право отказать ей отъ дома, — согласитесь?

— Вы напрасно волнуетесь, Марья Дмитріевна, возразилъ Лаврецкій: вы очень хорошо сдѣлали; я нисколько не сержусь. Я вовсе не намѣренъ лишать Варвару Павловну возможности видѣть своихъ знакомыхъ; сегодня я не вошелъ къ вамъ только потому, что не хотѣлъ встрѣтиться съ нею — вотъ и все.

— Ахъ, какъ мнѣ пріятно слышать это отъ васъ, Ѳеодоръ Ивановичъ, воскликнула Марья Дмитріевна: — впрочемъ я всегда этого ожидала отъ вашихъ благородныхъ чувствъ. А что я волнуюсь — это не удивительно: я женщина и мать. А ваша супруга.... конечно, я не могу судить васъ съ нею — это я ей самой сказала; но она такая любезная дама, что кромѣ удовольствія ничего доставить не можетъ.

Лаврецкій усмѣхнулся и поигралъ шляпой.

— И вотъ что я хотѣла вамъ еще сказать, Ѳедоръ Ивановичъ, продолжала Марья Дмитріевна, слегка подвигаясь къ нему: — еслибъ вы видѣли, какъ она скромно себя держитъ, какъ почтительна! — Право, это даже трогательно. А еслибъ вы слышали, какъ она объ васъ отзывается! Я, говоритъ, передъ нимъ кругомъ виновата; я, говоритъ, не умѣла цѣнить его, говоритъ; это, говоритъ, ангелъ, а не человѣкъ. Право, такъ и говоритъ: ангелъ. Раскаяніе у ней такое. . . . Я, ей Богу, и не видывала такого раскаянія!

— А что, Марья Дмитріевна, промолвилъ Лаврецкій: — позвольте полюбопытствовать: говорятъ, Варвара Павловна у васъ пѣла; во время своего раскаянія она пѣла, — или какъ? . . .

— Ахъ, какъ вамъ не стыдно такъ говорить! Она пѣла и играла для того только, чтобы сдѣлать мнѣ угодное, потому что я настоятельно ее просила объ этомъ, почти приказывала ей. Я вижу, что ей тяжело, такъ тялело; думаю, чѣмъ бы ее развлечь, — да и слышала-то я, что талантъ у ней такой прекрасный! — Помилуйте, Ѳедоръ Ивановичъ, она совсѣмъ уничтожена, спросите хоть Сергѣя Петровича; убитая женщина, *tout-a-fait*, что вы это?

Лаврецкій только плечами пожалъ.

— А потомъ, что это у васъ за ангелочикъ эта Адочка, что за прелесть! — Какъ она мила, какая умненькая; по-французски какъ говорить; и по-русски понимаетъ — меня тетенькой назвала. И знаете ли, эдакъ, чтобы дичиться, какъ всѣ почти дѣти въ ея годы дичатся, — совсѣмъ этого нѣтъ. На васъ такъ похожа, Федоръ Ивановичъ, что ужасъ. Глаза, брови. . . . ну, — вы, какъ есть — вы. Я маленькихъ такихъ дѣтей не очень люблю, признаться; но въ вашу дочку просто влюбилась.

— Марья Дмитріевна, произнесъ вдругъ Лаврецкій. Позвольте васъ спросить, для чего вы это все мнѣ говорить изволите?

— Для чего? — Марья Дмитріевна опять понюхала одеколону и отпила воды. А для того, Федоръ Ивановичъ, я это говорю, что. . . . вѣдь я вамъ родственница, я принимаю въ васъ самое близкое участіе. . . . я знаю, сердце у васъ добрейшее. Послушайте, *mon cousin*, — я все таки женщина опытная и не буду говорить на вѣтеръ: простите, простите вашу жену. Глаза Марьи Дмитріевны вдругъ наполнились слезами. Подумайте, молодость, неопытность. . . . ну, можетъ быть, дурной примѣръ; не было такой матери, которая наставила бы ее на путь. Простите ее, Федоръ Ивановичъ; она довольно была наказана.

Слезы закапали по щекамъ Марьи Дмитріевны; она не утирала ихъ: она любила плакать. Лаврецкій сидѣлъ какъ на угляхъ. Боже мой, думалъ онъ, — что же это за пытка, что за день мнѣ выдался сегодня.

— Вы не отвѣчаете, заговорила снова Марья Дмитріевна: — какъ я должна васъ понять? — Неужели вы можете быть такъ жестоки? Нѣтъ, я этому вѣрить не хочу. Я чувствую, что мои слова васъ убѣдили. Ѳедоръ Ивановичъ, Богъ васъ наградить за вашу доброту, а вы примите теперь изъ рукъ моихъ вашу жену. . . .

Лаврецкій невольно поднялся со стула; Марья Дмитріевна тоже встала и проворно зайдя за ширмы, вывела оттуда Варвару Павловну: Блѣдная, полуживая, съ опущенными глазами, она, казалось, отеклась отъ всякой собственной мысли, отъ всякой воли — отдалась вся въ руки Марьи Дмитріевны.

Лаврецкій отступилъ шагъ назадъ.

— Вы были здѣсь! воскликнулъ онъ.

— Не вините ея, поспѣшно проговорила Марья Дмитріевна: — она ни за что не хотѣла оставаться, но я приказала ей остаться, я посадила ее за ширмы. Она увѣряла меня, что это еще больше васъ разсердить; я и слушать ее не стала; я луч-

ше ея васъ знаю. Примите же изъ рукъ моихъ вашу жену; идите, Варя, не бойтесь, припадите къ вашему мужу — (она дернула ее за руку) — и мое благословленіе. . . .

— Пойдите, Марья Дмитриевна, перебилъ ее Лаврецкій глухимъ, но потрясающимъ голосомъ. — Вы, вѣроятно, любите чувствительныя сцены (Лаврецкій не ошибался: Марья Дмитриевна еще съ института сохранила страсть къ нѣкоторой театральности); онѣ васъ забавляютъ; но другимъ отъ нихъ плохо приходится. Впрочемъ, я съ вами говорить не буду: въ *этой* сценѣ не вы главное дѣйствующее лицо. Что *вы* хотите отъ меня, сударыня, прибавилъ онъ, обращаясь къ женѣ. Не сдѣлалъ ли я для васъ, что могъ? Не возражайте мнѣ, что не вы затѣяли это свиданіе; я вамъ не повѣрю, — и вы знаете, что я вамъ вѣрить не могу. Что же вы хотите? Вы умны, — вы ничего не дѣлаете безъ цѣли. Вы должны понять, что жить съ вами, какъ я жилъ прежде, — я не въ состояніи, не оттого, что я на васъ сержусь, а оттого, что я сталъ другимъ человекомъ. Я сказалъ вамъ это на второй же день вашего возвращенія, и вы сами, въ это мгновеніе, въ душѣ со мной согласны. Но вы желаете возстановить себя въ общемъ мнѣніи; вамъ мало жить у меня въ домѣ, вы же-

лаете жить со мной подъ одной кровлей — не правда ли?

— Я желаю, чтобы вы меня простили, проговорила Варвара Павловна, не поднимая глазъ.

Она желаетъ, чтобы вы ее простили, повторила Марья Дмитриевна.

— И не для себя, для Ады, шепнула Варвара Павловна.

— Не для нея, для вашей Ады, повторила Марья Дмитриевна.

— Прекрасно. Вы этого хотите? произнесъ съ усиліемъ Лаврецкій. Извольте, я и на это согласенъ.

Варвара Павловна бросила на него быстрый взоръ, а Марья Дмитриевна воскликнула: — Ну, слава Богу! — и опять потянула Варвару Павловну за руку. Примите же теперь отъ меня....

— Пойдите, говорю вамъ, перебилъ ее Лаврецкій. Я соглашаюсь жить съ вами, Варвара Павловна, — продолжалъ онъ, — то есть я васъ привезу въ Лаврики и проживу съ вами, сколько силъ хватитъ, — а потомъ уѣду — и буду наѣзжать. Вы видите, я васъ обманывать не хочу; но не требуйте больше ничего. Вы бы сами разсмѣялись, если бы я исполнилъ желаніе почтенной нашей родственницы и прижалъ бы васъ къ своему сердцу, сталъ

бы увѣрять васъ, что.... что прошедшаго не было, что срубленное дерево опять зацвѣтетъ. Но я вижу: надо покориться. Вы это слово не такъ поймете.... это все равно. Повторяю, я буду жить съ вами.... или, нѣтъ, я этого обѣщать не могу.... Я сойду съ вами, буду васъ снова считать моей женой....

— Дайте же ей по крайней мѣрѣ на томъ руку, промолвила Марья Дмитріевна, у которой давно высохли слезы.

— Я до сихъ поръ не обманывалъ Варвару Павловну, возразилъ Лаврецкій: — она мнѣ повѣритъ и такъ. Я ее отвезу въ Лаврики, — и помните, Варвара Павловна: уговоръ нашъ будетъ считаться нарушеннымъ, какъ только вы выѣдете оттуда. А теперь позвольте мнѣ удалиться.

Онъ поклонился обѣимъ дамамъ и торопливо вышелъ вонъ.

— Вы не берете ея съ собою, крикнула ему вслѣдъ Марья Дмитріевна. . . — Оставьте его, шепнула ей Варвара Павловна и тотчасъ же обняла ее, начала ее благодарить, цаловать у ней руки, называть ее своей спасительницей.

Марья Дмитріевна снисходительно принимала ея ласки; но въ душѣ она не была довольна ни Лаврецкимъ, ни Варварой Павловной, ни всей подго-

товленной ею сценой. Чувствительности вышло мало; Варвара Павловна, по ея мнѣнію, должна была броситься къ ногамъ мужа.

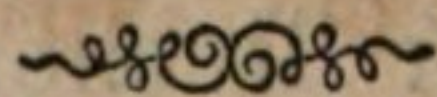
— Какъ это вы меня не поняли? толковала она: — вѣдь я вамъ сказала: припадите.

— Эдакъ лучше, милая тетушка; не безпокойтесь — все прекрасно, твердила Варвара Павловна.

— Ну, да вѣдь и онъ — холодный, какъ ледъ, замѣтила Марья Дмитріевна. Положимъ, вы не плакали; да вѣдь я передъ нимъ разливалась. Въ Лаврикахъ запереть васъ хочетъ. Чтожь, — и ко мнѣ вамъ нельзя будетъ ѣздить? Всѣ мужчины безчувственны, сказала она въ заключеніе и значительно покачала головой.

— За то женщины умѣютъ цѣнить доброту и великодушіе, промолвила Варвара Павловна и, тихонько опустившись на колѣни передъ Марьей Дмитріевной, обняла ея полный станъ руками и прижалась къ ней лицомъ. Лицо это втихомолку улыбалось, а у Марьи Дмитріевны опять закапали слезы.

А Лаврецкій отправился къ себѣ, заперся въ комнаткѣ своего камердинера, бросился на диванъ и пролежалъ такъ до утра.

ГЛАВА XLIV.

На слѣдующій день было воскресенье. Колокольный звонъ къ ранней обѣднѣ не разбудилъ Лаврецаго — онъ не смыкалъ глазъ всю ночь — но напомнилъ ему другое воскресенье, когда онъ, по желанію Лизы, ходилъ въ церковь. Онъ поспѣшно всталъ; какой-то тайный голосъ говорилъ ему, что онъ и сегодня увидить ее тамъ же. Онъ безъ шума вышелъ изъ дома, велѣлъ сказать Варварѣ Павловнѣ, которая еще спала, что онъ вернется къ обѣду, и большими шагами направился туда, куда звалъ его однообразно-печальный звонъ. Онъ пришелъ рано: почти никого еще не было въ церкви; дьячокъ на клиросѣ читалъ часы; изрѣдка прерываемый кашлемъ, голосъ его мѣрно гудѣлъ, то упадая, то вздуваясь. Лаврецкій

помѣстился недалеко отъ входа. Богомольцы приходили поодиначкѣ, останавливались, крестились, кланялись на всѣ стороны; шаги ихъ звенѣли въ пустотѣ и тишинѣ, явственно отзываясь подъ сводами. Дряхлая старушонка въ ветхомъ капотѣ съ капишономъ стояла на колѣняхъ подлѣ Лаврецкаго и прилежно молилась; ея беззубое, жолтое сморщенное лицо выражало напряженное умиленіе; красныя глаза неотвратимо глядѣли вверхъ, на образи иконостаса; костлявая рука безпрестанно выходила изъ капота и медленно и крѣпко клала большой широкій крестъ. Мужикъ съ густой бородой а, угрюмымъ лицомъ, взъерошенный и измятый, вошелъ въ церковь, разомъ сталъ на оба колѣна и тотчасъ же принялся поспѣшно креститься, закидывая назадъ и встряхивая голову послѣ каждого поклона. Такое горькое горе сказывалось въ его лицѣ, во всѣхъ его движеніяхъ, что Лаврецкій рѣшился подойти къ нему и спросить его, что съ нимъ. Мужикъ пугливо и сурово отшатнулся, посмотрѣлъ на него. . . . «Сынъ померъ», произнесъ онъ скороговоркой, — и снова принялся класть поклоны. Что для нихъ можетъ замѣнить утѣшенія церкви, — подумалъ Лаврецкій — и самъ попытался молиться; но сердце его отяжелѣло, ожесточилось, и мысли были далеко. Онъ все ждалъ Лизы, — но

Лиза не приходила. Церковь стала наполняться народомъ; ея все не было. Обѣдня началась, дьяконъ уже прочиталъ евангеліе, зазвонили къ Достойной; Лаврецкій подвинулся немного впередъ — и вдругъ увидѣлъ Лизу. Она пришла раньше его, но онъ ея не замѣтилъ; прижавшись въ промежуточекъ между стѣной и клиросомъ, она не оглядывалась, не шевелилась. Лаврецкій не свелъ съ нея глазъ до самаго конца обѣдни: онъ прощался съ нею. Народъ сталъ разходиться, а она все стояла; казалось, она ожидала ухода Лаврецкаго. Наконецъ она перекрестилась въ послѣдній разъ и пошла, не оборачиваясь; съ ней была одна горничная. Лаврецкій вышелъ вслѣдъ за ней изъ церкви и догналъ ее на улицѣ; она шла очень скоро, наклонивъ голову и спустивъ вуаль на лицо.

— Здравствуйте, Лизавета Михайловна, сказалъ онъ громко съ насильственной развязностью:—можно васъ проводить?

Она ничего не сказала; онъ отправился съ ней рядомъ.

— Довольны вы мной? спросилъ онъ ее, понизивъ голосъ.

— Вы слышали, что вчера произошло?

— Да, да, проговорила она шопотомъ: — это хорошо.

И она пошла еще быстрѣй.

— Вы довольны?

Лиза только головой кивнула.

— Ѳедоръ Ивановичъ, начала она спокойнымъ, но слабымъ голосомъ: — я хотѣла васъ просить: не приходите больше къ намъ, уѣзжайте поскорѣй; мы можемъ послѣ увидѣться, — когда нибудь, черезъ годъ. А теперь, сдѣлайте это для меня; исполните мою просьбу, ради Бога.

— Я вамъ во всемъ готовъ повиноваться, Лизавета Михайловна; но не ужели мы такъ должны разстаться: неужели вы мнѣ не скажете ни одного слова? . . .

— Ѳедоръ Ивановичъ, вотъ вы теперь идете возлѣ меня. . . . А ужъ вы такъ далеко, далеко отъ меня. И не вы одни, а. . . .

— Договаривайте, прошу васъ! воскликнулъ Лаврецкій: — что вы хотите сказать?

— Вы услышите, можетъ быть. . . . но что бы ни было, забудьте. . . . нѣтъ, не забывайте меня, помните обо мнѣ.

— Мнѣ васъ забыть. . . .

— Довольно, прощайте. Найдите за мной.

— Лиза, началь-было Лаврецкій. . . .

— Прощайте, прощайте! повторила она, еще ниже спустила вуаль и почти бѣгомъ пустилась впередъ.

Лаврецкій посмотрѣлъ ей вслѣдъ и, понутивъ голову, отправился назадъ по улицѣ. Онъ наткнулся на Лемма, который тоже шелъ, надвинувъ шляпу на носъ и глядя себѣ подъ ноги.

Они молча посмотрѣли другъ на друга.

— Ну, что скажете? проговорилъ наконецъ Лаврецкій.

— Что я скажу? угрюмо возразилъ Леммъ: — ничего я не скажу. Все умерло, и мы умерли. (*Alles ist todt und wir sind todt*). Вѣдь вамъ направо идти?

— Направо.

— А мнѣ налѣво. Прощайте.

На слѣдующее утро Федоръ Ивановичъ съ женою отправился въ Лаврики. Она ѣхала впередъ въ каретѣ, съ Адой и съ Жюстиной; онъ сзади — въ тарантасѣ. Хорошенькая дѣвочка все время дороги не отходила отъ окна кареты; она удивлялась всему: мужикамъ, бабамъ, избамъ, колодцамъ, дугамъ, колокольчикамъ и множеству грачей; Жюстина раздѣляла ея удивленіе; Варвара Павловна смѣялась ихъ замѣчаніямъ и восклицаніямъ. Она была въ духѣ; передъ отъѣздомъ изъ города О. она имѣла объясненіе съ своимъ мужемъ.

— Я понимаю ваше положеніе, сказала она ему, — и онъ, по выраженію ея умныхъ глазъ, могъ заключить, что она понимала его положеніе вполнѣ; — но вы отдадите мнѣ хоть ту справедливость, что со мной легко живется; я не стану вамъ навязываться, стѣснять васъ; я хотѣла обезпечить будущность Ады; больше мнѣ ничего не нужно.

— Да, вы достигли всѣхъ вашихъ цѣлей, промолвилъ Ѳедоръ Ивановичъ.

— Я объ одномъ только мечтаю теперь: зарыться навсегда въ глуши; я буду вѣчно помнить ваши благодѣянія. . . .

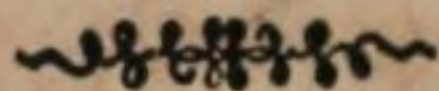
— Фи! полноте, перебилъ онъ ее.

— И съумѣю уважать вашу независимость и вашъ покой, dokonчила она свою приготовленную фразу.

Лаврецкій ей низко поклонился. Варвара Павловна поняла, что мужъ въ душѣ благодарилъ ее.

На второй день къ вечеру прибыли они въ Лаврики; недѣлю спустя Лаврецкій отправился въ Москву, оставивъ женѣ тысячъ пять на прожитокъ; а на другой день послѣ отъѣзда Лаврецкаго явился Паншинъ, котораго Варвара Павловна просила забывать ее въ уединеніи. Она его приняла какъ нельзя лучше, и до поздней ночи высокія комнаты дома и самый садъ оглашались звуками музыки,

пѣнья и веселыхъ французскихъ рѣчей. Три дня прогостилъ Паншинъ у Варвары Павловны; прощаясь съ нею и крѣпко пожимая ея прекрасныя руки, онъ обѣщался очень скоро вернуться — и сдержалъ свое обѣщаніе.

ГЛАВА XLV

и послѣдняя.

—

У Лизы была особая, небольшая комнатка во второмъ этажѣ дома ея матери, чистая, свѣтлая, съ бѣлой кроваткой, съ горшками цвѣтовъ по угламъ и предъ окнами, съ маленькимъ письменнымъ столомъ, горкою книгъ и распятіемъ на стѣнѣ. Комнатка эта прозывалась дѣтской; Лиза родилась въ ней. Вернувшись изъ церкви, гдѣ ее видѣлъ Лаврецкій, она тщательнѣе обыкновеннаго привела все у себя въ порядокъ, отовсюду смела пыль, пересмотрѣла и перевязала ленточками всѣ свои тетради и письма пріятельницъ, заперла всѣ ящики, полила цвѣты и коснулась рукою каждого цвѣтка. Все это она дѣлала не спѣша, безъ шума, съ какой-то умиленной и тихой заботливостью на лицѣ. Она

остановилась наконецъ посреди комнаты, медленно оглянулась и, подойдя къ столу, надъ которымъ висѣло распятіе, опустилась на колѣни положила голову на стиснутыя руки и осталась неподвижной.

Марѳа Тимофеевна вошла и застала ее въ этомъ положеніи. Лиза не замѣтила ея прихода. Старушка вышла на цыпочкахъ за дверь и нѣсколько разъ громко кашлянула. Лиза проворно поднялась и отерла глаза, на которыхъ сіяли свѣтлыя, непролившіяся слезы.

— А ты, я вижу, опять прибирала свою келейку, промолвила Марѳа Тимофеевна, низко наклоняясь къ горшку съ молодымъ розаномъ. — Какъ славно пахнетъ!

Лиза задумчиво посмотрѣла на свою тетку.

— Какое вы это произнесли слово, прошептала она.

— Какое слово, какое, съ живостью подхватила старушка. — Чтò ты хочешь сказать? Это ужасно, заговорила она, вдругъ сбросивъ чепецъ и пристѣвши на Лизиную кроваткѣ: — это сверхъ силъ моихъ; четвертый день сегодня, какъ я словно въ котлѣ киплю; я не могу больше притворяться, что ничего не замѣчаю, — не могу видѣть, какъ ты блѣднѣешь, сохнешь, плачешь, — не могу, не могу.

— Да чтò съ вами, тетушка? промолвила Лиза:—
я ничего....

— Ничего! воскликнула Марѳа Тимофеевна: —
это ты другимъ говори, а не мнѣ! Ничего! а кто
сейчасъ стоялъ на колѣняхъ? у кого рѣсницы еще
мокры отъ слезъ? Ничего! Да ты посмотри на себя,
что ты сдѣлала съ своимъ лицомъ, куда глаза свои
дѣвала? — Ничего! развѣ я не все знаю?

— Это пройдетъ, тетушка; дайте срокъ.

— Пройдетъ, да когда? Господи Боже мой Вла-
дыко! неужели ты такъ его полюбила? да вѣдь онъ
старикъ, Лизочка. Ну, я не спорю, онъ хорошій
человѣкъ, не кусается; да вѣдь чтожь такое? всѣ
мы хорошіе люди; земля не клиномъ сошлась, это-
го добра всегда будетъ много.

— Я вамъ говорю, все это пройдетъ, все это
уже прошло.

— Слушай, Лизочка, чтò я тебѣ скажу, промол-
вила вдругъ Марѳа Тимофеевна, усаживая Лизу
подлѣ себя на кровати и поправляя то ея волосы,
то косынку. — Это тебѣ только такъ сгоряча кажет-
ся, что горю твоему пособить нельзя. Эхъ, душа
моя, на одну смерть лекарства нѣтъ! Ты только
вотъ скажи себѣ: «не поддамся-молъ я. — ну его!»
и сама потомъ, какъ диву дашься, — какъ оно ско-
ро, хорошо проходитъ. Ты только потерпи.

— Тетушка, возразила Лиза: — оно уже прошло; все прошло!

— Прошло! какое прошло! Вотъ у тебя носикъ даже заострился, а ты говоришь: прошло. Хорошо: прошло!

— Да, прошло, тетушка, если вы только захотите мнѣ помочь, произнесла съ внезапнымъ одушевленіемъ Лиза и бросилась на шею Марѣ Тимофеевны. — Милая тетушка, будьте мнѣ другомъ, помогите мнѣ, не сердитесь, поймите меня. . . .

— Да что такое, что́ такое, мать моя? Не пугай меня пожалуйста; я сейчасъ закричу, не гляди такъ на меня; говори скорѣе, что́ такое?

— Я. . . . я хочу. . . . Лиза спрятала свое лицо на груди Марѣ Тимофѣевны. . . . — Я хочу идти въ монастырь, проговорила она глухо.

Старушка такъ и подпрыгнула на кровати.

— Перекрестись, мать моя, Лизочка; опомнись: что́ ты это, Богъ съ тобою, пролепетала она наконецъ: — лягъ, голубушка, усни немножко; это все у тебя отъ безсонницы, душа моя.

Лиза подняла голову; щеки ея пылали.

— Нѣтъ, тетушка, промолвила она: — не говорите такъ; я рѣшилась, я молилась, я просила совѣта у Бога; все кончено, кончена моя жизнь съ вами. Такой урокъ не даромъ; да я ужъ не въ пер-

выйй разъ объ этомъ думаю. Счастье ко мнѣ не шло; даже когда у меня были надежды на счастье, сердце у меня все щемило. Я все знаю, и свои грѣхи, и чужіе, и какъ папенька богатство наше нажилъ; я знаю все. Все это отмолить, отмолить надо. Васъ мнѣ жаль, жаль мамыши, Леночки; но дѣлать нечего; чувствую я, что мнѣ не житье здѣсь; я уже со всѣмъ простилась, всему въ домѣ поклонилась въ послѣдній разъ; отзываетъ меня что-то; тошно мнѣ, хочется мнѣ запереться на вѣкъ. Не удерживайте меня, не отговаривайте, помогите мнѣ, не то я одна уйду. . . .

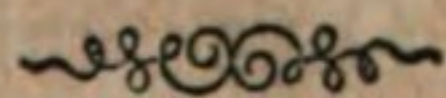
Марѳа Тимофеевна съ ужасомъ слушала свою племянницу.

«Она больна, бредитъ, думала она: — надо послать за докторомъ, да за какимъ? Гедеоновскій намедни хвалилъ какого-то; онъ все вретъ — а, можетъ быть, на этотъ разъ и правду сказалъ». Но когда она убѣдилась, что Лиза не больна и не бредитъ, когда на всѣ ея возраженья Лиза постоянно отвѣчала однимъ и тѣмъ же, Марѳа Тимофеевна испугалась и опечалилась не на шутку. — Да вѣдь ты не знаешь, голубушка ты моя, начала она ее уговаривать, какова жизнь-то въ монастыряхъ! Вѣдь тебя, мою родную, маслицемъ коноплянымъ зеленымъ кормить станутъ, бѣльище на тебя надѣнутъ

толстое-претолстое; по холоду ходить заставляют; вѣдь ты всего этого не перенесешь, Лизочка. Это все въ тебѣ Агашины слѣды; это она тебя съ толку сбила. Да вѣдь она начала съ того, что пожила, и въ свое удовольствіе пожила; поживи и ты. Дай мнѣ по крайней мѣрѣ умереть спокойно, а тамъ дѣлай, что хочешь. И ктожь это видывалъ, чтобъ изъ-за эдакой изъ-за козьей бороды, прости Господи, изъ-за мужчины въ монастырь идти? Ну, коли тебѣ такъ тошно, съѣзди, помолись угоднику, молебень отслужи, да не надѣвай ты черного шлыка на свою голову, батюшка ты мой, матушка ты моя . . .

И Марѳа Тимофеевна горько заплакала.

Лиза утѣшала ее, отирала ея слезы, сама плакала, но осталась непреклонной. Съ отчаянья Марѳа Тимофеевна попыталась пустить въ ходъ угрозу: все сказать матери . . . но и это не помогло. Только вслѣдствіе усиленныхъ просьбъ старушки Лиза согласилась отложить исполненіе своего намѣренія на полгода; за то Марѳа Тимофеевна должна была дать ей слово, что сама поможетъ ей и выхлопочетъ согласіе Марьи Дмитріевны, если черезъ шесть мѣсяцевъ она не измѣнитъ своего рѣшенія.

Съ наступившими первыми холодами Варвара Павловна, не смотря на свое обѣщаніе зарыться въ глуши, запасшись денежками, переселилась въ Петербургъ, гдѣ наняла скромную, но миленькую квартиру, отысканную для нея Паншинымъ, который еще раньше ея покинулъ О...скую губернію. Въ послѣднее время своего пребыванія въ О. онъ совершенно лишился расположенія Марьи Дмитріевны; онъ вдругъ пересталъ ее посѣщать и почти не выѣзжалъ изъ Лавриковъ. Варвара Павловна его поработила; именно поработила: другимъ словомъ нельзя выразить ея неограниченную, безвозвратную, безотвѣтную власть надъ нимъ.

Лаврецкій прожилъ зиму въ Москвѣ, а весною слѣдующаго года дошла до него вѣсть, что Лиза постриглась въ Б.....мъ монастырѣ, въ одномъ изъ отдаленнѣйшихъ краевъ Россіи.

Э П И Л О Г Ъ.

Прошло восемь лѣтъ. Опять настала весна.... Но скажемъ прежде нѣсколько словъ о судьбѣ Михалевича, Паншина, г-жи Лаврецкой, — и разстанемся съ ними. Михалевичъ, послѣ долгихъ странствованій, попалъ наконецъ на настоящее свое дѣло: онъ получилъ мѣсто старшаго надзирателя въ казенномъ заведеніи. Онъ очень доволенъ своей

судьбой, и воспитанники его «обожаютъ», хотя и передразниваютъ его. Паншинъ сильно подвинулся въ чинахъ и мѣтитъ уже въ директоры; ходитъ нѣсколько согнувшись; должно быть, Владимірскій крестъ, пожалованный ему на шею, оттягиваетъ его впередъ. Чиновникъ въ немъ взялъ рѣшительный перевѣсъ надъ художникомъ; его все еще моложавое лицо пожелтѣло, волосы порѣдѣли и онъ уже не поетъ, не рисуетъ, но втайнѣ занимается литературой: написалъ комедійку, въ родѣ «пословицъ», — и такъ какъ теперь всѣ пишущіе непременно «выводятъ» кого нибудь или что нибудь, то и онъ вывелъ въ ней кокетку и читаетъ ее исподтишка двумъ-тремъ благоволящимъ къ нему дамамъ. Въ бракъ онъ однако не вступилъ, хотя много представлялось къ тому прекрасныхъ случаевъ: въ этомъ виновата Варвара Павловна. Что касается до нея, то она по прежнему постоянно живетъ въ Парижѣ; Ѳедоръ Ивановичъ далъ ей на себя вексель и откупился отъ нея, отъ возможности вторичнаго неожиданнаго наѣзда. Она постарѣла и потолстѣла, но все еще мила и изящна. У каждого человѣка есть свой идеалъ; Варвара Павловна нашла свой — въ драматическихъ произведеніяхъ г-на Дюма-сына. Она прилежно посѣщаетъ театръ, гдѣ выводятся на сцену чахоточныя и чувствительныя камеліи;

быть г-жею Дошъ, кажется ей верхомъ человѣческаго благополучія: она однажды объявила, что не желаетъ для своей дочери лучшей участи. Должно надѣяться, что судьба избавитъ *Mademoiselle Ada* отъ подобнаго благополучія: а изъ румянаго, пухлаго ребенка она превратилась въ слабогрудую, блѣдненькую дѣвочку; нервы ея уже разстроены. Число поклонниковъ Варвары Павловны уменьшилось, но они не перевелись; нѣкоторыхъ она, вѣроятно, сохранить до конца своей жизни. Самымъ рьянымъ изъ нихъ въ послѣднее время былъ нѣкто Закурдало-Скубырниковъ, изъ отставныхъ гвардейскихъ усоносовъ, человѣкъ лѣтъ тридцати-восьми, необыкновенной крѣпости сложенія. Французскіе поѣтители салона г-жи Лаврецкой называютъ его «*le gros taureau de l'Ufraïne*»; Варвара Павловна никогда не приглашаетъ его на свои модные вечера, но онъ пользуется ея благорасположеніемъ вполнѣ.

Итакъ... прошло восемь лѣтъ. Опять повѣяло съ неба сіяющимъ счастьемъ весны; опять улыбнулась она землѣ и людямъ; опять подъ ея лаской все зацвѣло, полюбило и запѣло. Городъ О. мало измѣнился въ теченіе этихъ восьми лѣтъ; но домъ Марьи Дмитріевны какъ будто помолодѣлъ: его недавно-выкрашенные стѣны бѣлѣли привѣтно, и

стекла раскрытыхъ оконъ румянились и блестѣли на заходившемъ солнцѣ: изъ этихъ оконъ неслись на улицу радостные, легкіе звуки звонкихъ молодыхъ голосовъ, непрерывнаго смѣха; весь домъ, казалось, кипѣлъ жизнью и переливался весельемъ черезъ край. Сама хозяйка дома давно сошла въ могилу: Марья Дмитріевна скончалась года два спустя послѣ постриженія Лизы; и Марѳа Тимофеевна не долго пережила свою племянницу; рядомъ покоятся онѣ на городскомъ кладбищѣ. Не стало и Настасьи Карповны; вѣрная старушка въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ еженедѣльно ходила молиться надъ прахомъ своей пріятельницы.... Пришла пора, и ея косточки тоже улеглись въ сырой землѣ. Но домъ Марьи Дмитріевны не поступилъ въ чужія руки, не вышелъ изъ ея рода, гнѣздо не разорилось: Леночка, превратившаяся въ стройную, красивую дѣвушку, и ея женихъ — бѣлокурый гусарскій офицеръ; сынъ Марьи Дмитріевны, только что женившійся въ Петербургѣ и вмѣстѣ съ молодой женой пріѣхавшій на весну съ О..., сестра его жены, шестнадцати-лѣтняя институтка съ алыми щеками и ясными глазками, Шурочка, тоже выросшая и похорошѣвшая — вотъ какая молодежь оглашала смѣхомъ и говоромъ стѣны Калитинскаго дома. Все въ немъ измѣнилось, все стало подѣ-

ладъ новымъ обитателямъ. Безбородые дворовые ребята, зубоскалы и балагуры, замѣнили прежнихъ степенныхъ стариковъ; тамъ, гдѣ нѣкогда важно расхаживала за жирѣвшая Роска, двѣ лягавыхъ собаки бѣшено возились и прыгали по диванамъ; на конюшнѣ завелись поджарые иноходцы, лихіе коренники, рьяныя пристяжныя съ плетеными гривами, донскіе верховые кони; часы завтрака, обѣда, ужина перепутались и смѣшались; пошли, по выраженью сосѣдей, «порядки небывалые».

Въ тотъ вечеръ, о которомъ зашла у насъ рѣчь, обитатели Калитинскаго дома (старшему изъ нихъ, жениху Леночки, было всего двадцать четыре года) занимались не многосложной, но, судя по ихъ дружному хохотанью, весьма для нихъ забавной игрой: они бѣгали по комнатамъ и ловили другъ друга; собаки тоже бѣгали и лаяли, и висѣвшія въ клѣткахъ передъ окнами канарейки наперерывъ драли горло, усиливая всеобщій гамъ звонкой трескотней своего яростнаго щебетанья. Въ самый разгаръ этой оглушительной потѣхи къ воротамъ подѣхалъ за грязненнымъ тарантасъ, и человѣкъ лѣтъ сорока-пяти, въ дорожномъ платьѣ, вылѣзъ изъ него и остановился въ изумленьи. Онъ постоялъ нѣкоторое время неподвижно, окинулъ домъ внимательнымъ взоромъ, вошелъ черезъ калитку на дворъ и медленно взо-

брался на крыльцо. Въ передней никто его не встрѣтилъ; но дверь залы быстро распахнулась; — изъ нея, вся раскраснѣвшаяся, выскочила Шурочка — и мгновенно, вслѣдъ за ней, съ звонкимъ крикомъ выбѣжала вся молодая ватага. Она внезапно остановилась и затихла, при видѣ незнакомаго; но свѣтлые глаза, устремленные на него, глядѣли также ласково, свѣжія лица не перестали смѣяться. — Сынъ Марьи Дмитріевны подошелъ къ гостю и привѣтливо спросилъ его, что ему угодно?

— Я Лаврецкій, промолвилъ гость.

Дружный крикъ раздался ему въ отвѣтъ — и не потому, чтобы вся эта молодежь очень обрадовалась пріѣзду отдаленнаго, почти забытаго родственника, а просто потому, что она готова была шумѣть и радоваться при всякомъ удобномъ случаѣ. Лаврецкаго тотчасъ окружили; Леночка, какъ старинная знакомая, первая назвала себя, увѣрила его, что еще бы немножко — и она непременно его бы узнала, и представила ему все остальное общество, называя каждого, даже жениха своего, уменьшительными именами. Вся толпа двинулась черезъ столовую въ гостиную. Обои въ обѣихъ комнатахъ были другія, но мебель уцѣлѣла; Лаврецкій узналъ фортепьяно; даже пальцы у окна стояли тѣже, въ томъ же положеніи — и чуть ли не съ тѣмъ же некон-

ченнымъ шитьемъ, какъ восемь лѣтъ тому назадъ. Его усадили на покойное кресло; всѣ чинно усѣлись вокругъ него. Вопросы, восклицанія, рассказы посыпались на перерывъ.

— А давно мы васъ не видали, наивно замѣтила Леночка: — и Варвару Павловну тоже не видали.

— Еще бы! поспѣшно подхатилъ ея братъ. — Я тебя въ Петербургъ увезъ, а Федоръ Ивановичъ все жилъ въ деревнѣ.

— Да, вѣдь съ тѣхъ поръ и мамаша скончалась.

— И Марѳа Тимофеевна, промолвила Шурочка.

— И Настасья Карповна, возразила Леночка: — и мосьё Леммъ...

— Какъ? и Леммъ умеръ? спросилъ Лаврецкій.

— Да, отвѣчалъ молодой Калитинъ; — онъ уѣхалъ отсюда въ Одессу; говорятъ, кто-то его туда сманилъ; тамъ онъ и скончался.

— Вы не знаете, — музыки послѣ него не осталось?

— Не знаю; едва ли.

Всѣ замолкли и переглянулись. Облачко печали налетѣло на всѣ молодые лица.

— А матроска живъ, — заговорила вдругъ Леночка.

— И Гедеоновскій живъ, — прибавилъ ея братъ.

При имени Гедеоновскаго разомъ грянулъ дружный смѣхъ.

— Да, онъ живъ и лжетъ по прежнему, продолжалъ сынъ Марьи Дмитриевны: — и вообразите, вотъ эта егоза (онъ указалъ на институтку, сестру своей жены) вчера ему перцу въ табатерку насыпала.

— Какъ онъ чихалъ! восклинула Леночка — и снова зазвенѣлъ неудержимый смѣхъ.

— Мы объ Лизѣ недавно имѣли вѣсти, промолвилъ молодой Калитинъ — и опять кругомъ все притихло: — ей хорошо, здоровье ея теперь поправляется понемногу.

— Она все въ той же обители? спросилъ не безъ усилія Лаврецкій.

— Все въ той же.

— Она къ вамъ пишетъ?

— Нѣтъ, никогда; къ намъ черезъ людей вѣсти доходятъ. Сдѣлалось внезапное, глубокое молчанье; «вотъ, тихій ангелъ пролетѣлъ» подумали всѣ.

— Не хотите ли вы въ садъ? обратился Калитинъ къ Лаврецкому: — онъ очень хорошъ теперь, хотя мы его и запустили немножко.

Лаврецкій вышелъ въ садъ, и первое, что бросилось ему въ глаза — была та самая скамейка, на которой онъ нѣкогда провелъ съ Лизой нѣсколько

счастливыхъ, не повторившихся мгновений; она по-чернѣла, искривилась; но онъ узналъ ее, и душу его охватило то чувство, которому нѣтъ равнаго и въ сладости, и въ горести, — чувство живой грусти объ исчезнувшей молодости, о счастьи, которымъ когда-то обладалъ. Вмѣстѣ съ молодежью прошелся онъ по аллеямъ: липы немного постарѣли и выросли въ послѣднія восемь лѣтъ, тѣнь ихъ стала гуще; за то всѣ кусты поднялись, малинникъ вошелъ въ силу, орѣшникъ совсѣмъ заглохъ и отовсюду пахло свѣжимъ дромомъ, лѣсомъ, травою, сиренью.

— Вотъ гдѣ хорошо бы играть въ четыре угла— вскрикнула вдругъ Леночка, войдя на небольшую зеленую поляну, окруженную липами: — насъ, кстати, пятеро.

— А Федора Ивановича ты забыла? замѣтилъ ея братъ. . . . Или ты себя не считаешь?

Леночка слегка покраснѣла.

— Да развѣ Федоръ Ивановичъ, въ его лѣта, можетъ. . . . начала она.

— Пожалуйста, играйте, поспѣшно подхватилъ Лаврецкій: — не обращайтесь вниманія на меня. Мнѣ самому будетъ пріятнѣе, когда я буду знать, что я васъ не стѣсняю. А занимать вамъ меня нечего; у нашего брата, старика, есть занятіе, котораго вы

еще не вѣдаете и котораго никакое развлеченіе замѣнить не можетъ: воспоминанія.

Молодые люди выслушали Лаврецкаго съ привѣтливой и чуть-чуть насмѣшливой почтительностью, точно имъ учитель урокъ прочелъ, и вдругъ посыпали отъ него всѣ прочь, вбѣжали на поляну; четверо стало около деревьевъ, одинъ по срединѣ — и началась потѣха.

А Лаврецкій вернулся въ домъ, вошелъ въ столовую, приблизился къ фортепьяно и коснулся одной изъ клавишъ; раздался слабый, но чистый звукъ и тайно задрожалъ у него въ сердцѣ: этой нотой начиналась та вдохновенная мелодія, которой, давно тому назадъ, въ ту же самую счастливую ночь, Леммъ, покойный Леммъ, привелъ его въ такой восторгъ. Потомъ Лаврецкій перешелъ въ гостиную и долго не выходилъ изъ нея: въ этой комнатѣ, гдѣ онъ такъ часто видалъ Лизу, живѣе возникалъ передъ нимъ ея образъ; ему казалось, что онъ чувствовалъ вокругъ себя слѣды ея присутствія; но грусть о ней была томительна и нелегка; въ ней не было тишины, навѣваемой смертью. Лиза еще жила гдѣ-то, глухо, далеко; онъ думалъ о ней, какъ о живой, и не узнавалъ дѣвушки, имъ нѣкогда любимой, въ томъ смутномъ, блѣдномъ призракѣ, облаченномъ въ монашескую одежду, окруженномъ

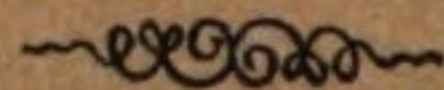
дымными волнами ладана. Лаврецкій самъ бы себя не узналъ, еслибъ могъ такъ взглянуть на себя, какъ онъ мысленно взглянулъ на Лизу. Въ теченіе этихъ восьми лѣтъ совершился наконецъ переломъ въ его жизни, тотъ переломъ, котораго многіе не испытываютъ, но безъ котораго нельзя остаться порядочнымъ человѣкомъ до конца: онъ дѣйствительно пересталъ думать о собственномъ счастьи, о своекорыстныхъ цѣляхъ. Онъ утихъ, и — къ чему таить правду? — постарѣлъ не однимъ лицомъ и тѣломъ, постарѣлъ душою; сохранить до старости сердце молодымъ, какъ говорятъ иные, и трудно и почти смѣшно: тотъ уже можетъ быть доволенъ, кто не утратилъ вѣры въ добро, постоянства воли, охоты къ дѣятельности. Лаврецкій имѣлъ право быть довольнымъ: онъ сдѣлался дѣйствительно хорошимъ хозяиномъ, дѣйствительно выучился пахать землю и трудился не для одного себя; онъ, на сколько могъ, обезпечилъ и упрочилъ быть своихъ крестьянъ.

Лаврецкій вышелъ изъ дома въ садъ, сѣлъ на знакомой ему скамейкѣ — и на этомъ дорогомъ мѣстѣ, передъ лицомъ того дома, гдѣ онъ въ послѣдній разъ напрасно простиралъ свои руки къ завѣтному кубку, въ которомъ кипитъ и играетъ золотое вино наслажденья, — онъ, одинокій, бездом-

ный странникъ, подъ долетавшіе до него веселые клики уже замѣнившіаго его молодого поколѣнія, — оглянулся на свою жизнь. Грустно стало ему на сердцѣ, но не тяжело и не прискорбно: сожалѣть ему было о чемъ, стыдиться — нечего. «Играйте, веселитесь, растите, молодыя силы», думалъ онъ, и не было горечи въ его думахъ: — «жизнь у васъ впереди, и вамъ легче будетъ жить, вамъ не придется, какъ намъ, отыскивать свою дорогу, бороться, падать и вставать среди мрака; мы хлопотали о томъ, какъ бы уцѣлѣть — и сколько изъ насъ не уцѣлѣло! — а вамъ надобно дѣло дѣлать, работать, — и благословенія нашего брата старика будутъ съ вами. А мнѣ, послѣ сегоднешняго дня, послѣ этихъ ощущеній, остается отдать вамъ послѣдній поклонъ — и хотя съ печалью, но безъ зависти, безо всякихъ темныхъ чувствъ сказать, въ виду конца, въ виду ожидающаго Бога: «Здравствуй, одинокая старость! Догорай, бесполезная жизнь!»

Лаврецкій тихо всталъ и тихо удалился; его никто не замѣтилъ, никто не удерживалъ; веселые клики сильнѣе прежняго раздавались въ саду за зеленой сплошной стѣной высокихъ липъ. Онъ сѣлъ въ тарантасъ и велѣлъ кучеру ѣхать домой и не гнать лошадей.

«И конецъ?» спросить, можетъ быть, неудовлетворенный читатель. «А что же случилось потомъ съ Лаврецкимъ? Съ Лизой?» Но что сказать о людяхъ еще живыхъ, но уже сошедшихъ съ земнаго поприща, зачѣмъ возвращаться къ нимъ? Говорятъ, Лаврецкій посѣтилъ тотъ отдаленный монастырь, куда скрылась Лиза — и увидалъ ее. Перебираясь съ клироса на клиросъ, она прошла близко мимо него; прошла ровной, торопливо-смиренной походкой монахини — и не взглянула на него; только рѣсницы обращеннаго къ нему глаза чуть-чуть дрогнули, только еще ниже наклонила она свое исхудалое лицо — и пальцы сжатыхъ рукъ, перевитые чотками, еще крѣпче прижались другъ къ другу. Что подумали, что почувствовали оба? Кто узнаетъ? Кто скажетъ? Есть такія мгновенія въ жизни, такія чувства... На нихъ можно только указать — и пройти мимо.

Turgenev, I.

Das Adelsnest

Moskau, 1850

frühe Ausgabe

Turgenev, Ivan Sergeevič,

Dvorjanskoe gnězdo Roman I. S. Turgeneva

Moskva 1859

Res/P.o.russ. 128 v

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10926579-8